

ISSN 1560-7488

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

3
(107)

2025

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА**

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

**НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПО ФИЛОСОФИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ЛОГИКЕ
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**

**№ 3 ВЫХОДИТ С АВГУСТА 1995 ГОДА 2025
(107)**

**НОВОСИБИРСК
2025**

Всероссийский научный журнал «Философия науки»

Учредители: Сибирское отделение РАН,
Институт философии и права СО РАН

Издается с 1995 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Хлебалин (главный редактор)
А.Ю. Сторожук (зам. главного редактора)
А.С. Зайкова (отв. секретарь)

д.филос.н. Д.В. Винник; д.филос.н., проф. В.П. Горан; д.филос.н., проф. В.С. Диев;
акад. РАН Ю.Л. Ершов; д.мед.н., д.филос.н., проф. В.А.Карпин; д.филос.н., проф.
В.Г. Кузнецов; к.филос.н. А.А. Лазаревич (Республика Беларусь); проф. Р. Мурав-
ски (Польша); к.физ.-мат. н., д.филос.н. И.Е. Прись (Республика Беларусь); к.фи-
лос.н., к.физ.-мат.н. В.С. Пронских; д.филос.н., проф. А.Л. Симанов; к.филос.н.
А.Н. Спасков (Республика Беларусь); д.филос.н., проф. В.А. Суровцев; д.б.н.
О.В. Трапезов; проф. А.Е. Ховланд (Норвегия); д.филос.н., проф. В.В. Целищев;
д.филос.н., д.физ.-мат.н. О.В. Шарыпов; акад. РАН В.К. Шумный

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-12806 от 31.05.02

Выдано Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Адрес редакции:

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт философии и права СО РАН, к. 403

Тел. (383) 330-52-35

E-mail: phscience@mail.ru; stor71@mail.ru

Web-сайты: philosophy.nsc.ru

<http://www.sibran.ru>

elibrary.ru

© Сибирское отделение РАН, 2025

© Институт философии и права
СО РАН, 2025

Общие вопросы логики и философии науки

УДК: 1:51 + 167.7

DOI: 10.15372/PS20250301

EDN: AIDSNY

В.Д. Ершов**В ЗАЩИТУ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ПЛАТОНИЗМА:
АРГУМЕНТ ОТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ
НЕУСТРАНИМОСТИ МАТЕМАТИКИ**

В статье рассматривается один из современных аргументов в пользу математического платонизма – аргумент от объяснительной неустрашимости математики. Рассматриваются философские предпосылки, необходимые для формулировки этого аргумента: философские взгляды позднего У.В.О. Куайна и зрелого Х. Патнэма, «Наука без чисел» Х. Филда и «новый фикционализм» М. Балагера, причём особое внимание уделено анализу его же концепции «номиналистического реализма». На примерах из теоретической физики, химии и биологии показано, что «номиналистический реализм» не только не соответствует взглядам учёных (физиков-теоретиков и химиков), но и сталкивается с целым рядом философских проблем.

Ключевые слова: аргумент от объяснительной неустрашимости математики; новый фикционализм; номиналистический реализм; математический платонизм; математический фикционализм; математический структурализм

V.D. Ershov**THE EXPLANATORY INDISPENSAGBILITY ARGUMENT:
A DEFENCE OF MATHEMATICAL PLATONISM**

The article examines one of the modern arguments in favor of mathematical platonism – the explanatory indispensability argument. The philosophical prere-

quisites for the formulation of this argument are considered, namely: the philosophical views of the late W.V.O. Quine and the mature H. Putnam, H. Field's "Science without Numbers" and M. Balaguer's "New Fictionalism", with special attention paid to the analysis of the concept of "nominalist realism" of the latter. That "nominalist realism" not only does not correspond to the views of theoretical physicists and chemists, but also faces a number of philosophical problems, is shown by using examples from theoretical physics, chemistry, and biology.

Keywords: the argument from the explanatory irreducibility of mathematics; new fictionalism; nominalist realism; mathematical platonism; mathematical fictionalism; mathematical structuralism

Введение

Из современных философских работ, посвящённых философии математики, немалую часть составляют работы, посвящённые онтологии математических объектов. Несмотря на всё многообразие различных версий математического реализма/антиреализма, особо можно выделить две из них: математический платонизм – метафизическую точку зрения, согласно которой абстрактные математические объекты существуют, и притом независимо от человеческого сознания, языка и пр., и математический фикционализм, согласно которому математические теории не являются истинными¹, поскольку подразумевают несуществующие в действительности математические объекты.

Важнейшим *современным* аргументом в пользу математического платонизма является аргумент о неустранимости математики Куайна – Патнэма, сформулированный М. Коливаном [6, р. 11]:

(П1) Мы должны иметь онтологические обязательства перед всеми и только теми сущностями, которые неустранимы из наших лучших научных теорий.

(П2) Математические сущности неустранимы из наших лучших научных теорий.

(3), Следовательно, у нас должны быть онтологические обязательства перед математическими сущностями.

¹ Если математических объектов не существует, то математические утверждения с квантором всеобщности *будут* истинны, хотя и будут являться «пустыми» истинами. Фикционалист может ответить, что эти формально истинные утверждения о математических объектах содержательны не более, чем утверждения вроде: «Я знаком со всеми единорогами, проживающими в моей комнате».

Для обоснования аргумента и его защиты М. Коливан использует две основополагающие особенности куайнианской философии: натурализм и холизм подтверждения [6].

Первая посылка аргумента опирается на концепцию онтологических обязательств. Примечательно, что У.В.О. Куайн, начинавший как номиналист, позднее перешёл на позиции платонизма именно потому, что признал невозможность отказа от квантификации по классам [12].

В защиту номинализма высказался Х. Филд, попытавшийся показать принципиальную устранимость математики из научных теорий. По его мнению, математические теории являются не истинными, но лишь консервативными [8, р. 10–12], – они не вносят никаких содержательных изменений в научные теории, и «восхождение к абстрактному» лишь позволяет сэкономить много времени и сил, что оправдывает применение математики в науке [8, р. 24–25]. Саму возможность применимости математики в естественнонаучных теориях Х. Филд обосновывает с помощью «связующих законов», являющихся своего рода «мостиками» между абстрактными теоретическими сущностями и наблюдаемыми физическими объектами [8, р. 10]. В своей работе «Наука без чисел» (являющуюся своего рода «программной работой» фикционализма) он успешно номинализировал ньютоновскую теорию гравитации и получил при этом привлекательную теорию. Отметим сразу, что математика консервативна, т. е. она априорна и истинна во всех возможных мирах [8, р. 13].

Несмотря на то, что фикционалистская программа Х. Филда поначалу выглядела многообещающее, достаточно быстро выяснилось, что её дальнейшая реализация едва ли возможна. Так, в своей рецензии на «Науку без чисел» Д. Маламент отметил [11], что номинализация квантовой механики (как, кстати, и любой другой дисциплины, использующей «фазовые пространства», например, термодинамики) сталкивается с непреодолимыми трудностями. Ньютоновская теория гравитации и теория поля Клейна – Гордона (пример самого Д. Маламента, который он считает более наглядным) – это «очень конкретные» теории. Возможность номинализации же существенно более общих теорий, например гамильтоновой механики, Д. Маламент отрицал.

Кроме того, считая фикциональными объекты математики, разумно относиться так же и к логическим объектам. В таком случае, отмечает в своей поздней работе Х. Филд, следует либо признать как неизбежный факт, что существует своего рода «ядерная» (*core*) логика, либо объявить, что фикции возможно (и даже нужно) объяснять через другие фикции [9]. Для того, чтобы второй подход – подход «последовательного фикционалиста» – оказался оправданным, необходимо признать конвенциональный (а в конечном счёте апостериорный) характер логики. В таком случае сторонникам Х. Филда придётся *доказать*, что хотя бы часть математики априорна; иначе получаем, что математика также апостериорна, и «последовательный фикционализм» приводит к опровержению тезиса о консервативности математики.

М. Балагер предложил очень сильный способ «реабилитации» фикционализма, который ещё называют «новым фикционализмом». По его словам: «Для того, чтобы объяснить, какую роль гильбертовы пространства играют в квантовой механике, нет необходимости номинализировать её или устанавливать гомоморфизмы от эмпирических структур к математическим. Всё, что нам нужно – это изучить [квантовую] теорию и объяснить различные случаи использования гильбертовых пространств и то, как они помогают нам утверждать факты о квантовом мире... Весь «математический багаж» квантовой механики... не делает ничего, кроме предоставления удобного и точного способа описания чисто номиналистических фактов о квантовом мире» [5, р. 300–301].

Таким образом, мы должны быть «номиналистическими реалистами» (*nominalistic realists*), т.е. занимать точку зрения, согласно которой истинными являются только номинализированные части наших лучших научных теорий [5, р. 303–304]. То, что математика неустранима из части наших лучших научных теорий, ничего не значит, ведь она лишь задаёт наши концептуальные рамки, в которых мы можем выносить утверждения о физическом мире, но не имеет отношения к его функционированию. Упомянутые выше проблемы, с которыми сталкиваются диспенсалисты, обойдут «нового фикционалиста» стороной.

Как подчёркивает сам М. Балагер: «Моя позиция относительно применимости математики в эмпирических науках может быть обоб-

щена так: в эмпирической науке математика лишь предоставляет теоретические инструменты (или, другими словами, концептуальные рамки), с помощью которых можно делать утверждения о физическом мире. Иначе это можно выразить так: математика имеет отношение не к *функционированию* физического мира, а только к нашему *пониманию* физического мира. Физические теории *никогда* не содержат утверждений вроде: “физическое явление X возникает, *потому что* математическая реальность имеет природу Y”; скорее, они таковы: “поведение (или состояние) физической системы S может быть понято в терминах математической структуры M”» [5, р. 298].

Как бы то ни было, известны многочисленные случаи, когда уравнения оказывались «умнее» своих авторов, и постулируемые в рамках математизированных теорий сущности оказывались существующими *реально*, причём экспериментально обнаруживаемые свойства их *точно* соответствовали предсказанным математически. В этих случаях происходил пересмотр, иногда существенный, содержания естественно-научных теорий. К «классическим» примерам таких сущностей относятся электромагнитные волны и чёрные дыры. Кроме того, как отметил ещё Д. Маламент [5, р. 532], в работе Х. Филда существенным является чёткое разграничение «чисто математических» и «чисто физических» теоретических сущностей научных теорий; по-видимому, этой же позиции, пускай и имплицитно, придерживается и М. Балагер. Тем не менее, уже во времена ньютоновской механики (т.е. практически с момента зарождения физики как *современной науки*!) граница между «математическими» и «физическими» теоретическими сущностями была очень размытой; для объектов современных научных теорий ситуация стала ещё более проблематичной.

Вероятно, наблюдаемые факты, чьё полное объяснение возможно исключительно с привлечением математики, всё-таки существуют?

Аргумент от объяснительной неустраимости математики

Усиленная версия аргумента о неустраимости математики, предложенная А. Бейкером – аргумент от объяснительной неустраимости математики – позволяет ответить на последний вопрос положительно. В качестве примера А. Байкер рассматривает жизненный

цикл цикад *Magicada*, который длится 17 лет. Почему он длится именно 17, а не, допустим, 14 или 19 лет? А. Бейкер рассуждает следующим образом (цит. по [2, с. 410]):

(1) Наличие жизненного цикла с таким периодом, который минимизирует пересечение с другими (близкими/меньшими) периодами, эволюционно выгодно (биологический «закон»).

(2) Периоды, количество лет которых выражается простым числом, минимизируют пересечение по сравнению с прочими периодами (теорема теории чисел).

(3) Следовательно, организмы с периодическими жизненными циклами, скорее всего, будут эволюционировать так, чтобы их периоды выражались простыми числами («смешанный» биологический/математический закон).

(4) Цикады в экосистеме типа Е имеют биологические ограничения, в соответствии с которыми период их жизни может длиться от 14 до 18 лет (экологическое ограничение).

(5) Следовательно, в ходе эволюции жизненный цикл цикад в экосистеме типа Е, вероятно, будет иметь 17-летний период.

Несколько упрощая, мысль А. Бейкера можно выразить так: жизненные циклы конкурентов и/или хищников должны пересекаться (а значит, говоря математически, иметь общие множители) с жизненным циклом этих цикад. Но 17 – это простое число, следовательно, все жизненные циклы конкурентов/хищников должны быть ему кратны. При этом очевидно, что 17 лет – это очень большой срок для конкурентов/хищников этих цикад. Получаем очень сильное эволюционное преимущество, которое нельзя объяснить без привлечения математического факта из теории чисел.

Стоит отметить, что при объяснении 17-летнего жизненного цикла цикад *Magicada* А. Бейкер использует не только математический, но и биологический «закон», а также привлекает экологическое ограничение. Можно предположить, что математика вовсе «не причастна» к объяснению данного феномена и что его полное объяснение можно дать исключительно в рамках эколого-биологических законов/закономерностей.

Для того, чтобы «защитить» математический платонизм, необходимо привести другие примеры, доказывающие «объективную» объяснительную неустрашимость математики.

О форме капель, муравейников и панцирей черепах

Форма панциря сухопутных черепах выглядит весьма замысловатой. При этом у тех из них, что обладают маленькой шеей и короткими конечностями (например, исполинская черепаха *Aldabrachelys gigantea* и звёздчатая черепаха *Geochelone elegans*) панцирь имеет более сложное строение (имеет больше граней и ребёр), чем у «длинноногих» и «длинношеих» черепах, таких как аргентинская гидромедуза *Hydromedusa tectifera*. Кроме того, у черепах, ведущих преимущественно водный или полуводный образ жизни, панцирь также имеет более простую форму. Можно заметить, что форма панциря черепах помогает им перевернуться со спины на ноги; очевидно, что для водных/«длинноногих» черепах это более простая задача. Значит, своеобразие и сложность формы панциря черепах, особенно сухопутных, не случайна и выгодна с точки зрения эволюции. Но почему форма панциря именно такая? Почему нет «альтернативных» форм панциря, которые также помогали бы черепахам перевернуться со спины на ноги?

Дело в том, что форма панциря черепах очень близка к форме гёмбёца – трёхмерного выпуклого гомогенного² моно-моностатического тела, т.е. тела, обладающего одной точкой устойчивого и одной точкой неустойчивого равновесия. Возможность существования таких тел была впервые высказана В. Арнольдом в 1995 г.; в 2006 г. П. Варконьи и Г. Домокош доказали, что такие тела действительно существуют, тщательно исследовали их свойства, и, главное, создали физический объект с такими свойствами, который назвали гёмбёц [13]. Внешне гёмбёц оказался очень похожим на панцири сухопутных черепах. Кроме того, тела такой формы не были найдены в неживой природе, что объясняется особенностями собственной геометрии – они очень хрупки.

Почему черепахи эволюционно не выработали строение типа «неваляшки», т.е. почему важна гомогенность панциря? Смещение центра тяжести «книзу» тела черепахи³ можно реализовать либо утончая «крышу» панциря, либо каким-то образом «добирая» массу

² Примером негомогенного моно-моностатического тела является «неваляшка».

³ Имеется в виду значительное смещение центра тяжести, как у «неваляшки».

черепахи. В первом случае резко снижаются защитные свойства панциря и, кроме того, повышается вероятность его перелома при падении черепахи на спину. Во втором случае масса черепахи должна будет значительно увеличиться, что негативно скажется на мобильности этого и так не быстрого животного. Наконец, отметим, что, хотя гёмбёц – это не единственное гомогенное моно-моностатичное тело, большинство из них настолько мало отличаются от сферы, что их практическая реализация (по крайней мере, в живой природе с условием регулярной воспроизводимости), очень маловероятна. Таким образом, получаем, что эволюционно выгодно было приобретение именно формы, близкой⁴ гёмбёцу.

В отношении этого примера справедливы те же упрёки, что и у примера А. Бейкера: «возможно, математика здесь не при чём, и дело ограничивается лишь биологией/экологией». Тем не менее, сами эти упрёки кажутся лишь проявлением позиции, предвзятой по отношению к математике. Почему отношение окружности муравейника к его диаметру примерно равно трём⁵? Потому что, во-первых, окружность – это «максимально симметричная» фигура (строительный материал при прочих равных *равномерно* распределяется под действием гравитации), во-вторых, именно окружность является решением классической изопериметрической задачи на плоскости. Привлечение эволюции позволяет только *проиллюстрировать* факт, что выживали муравьи, которым «не удалось» действовать вопреки математической истине, но не даёт никакого *объяснения*! Наконец, едва ли можно говорить об эволюции при рассмотрении капли жидкости, находящейся в невесомости. Объяснение, почему капля принимает именно форму шара, есть в любом курсе коллоидной химии.

О применении теории групп в теоретической физике и химии

Учёные-физики и химики также могут не согласиться со словами М. Балагера. Так, спектроскописты прямо говорят о «запрещённых» и «разрешённых» переходах и о «правилах отбора», существенно

⁴ Но ведь и черепаха – это не гомогенное тело!

⁵ За пример автор благодарит Л.Д. Ламберова.

зависящих от симметрии молекулы [5]. Вероятность электронного перехода определяется так называемым интегралом момента перехода; если он не равен нулю, что имеет место, т.е. прямое произведение неприводимых представлений группы симметрии молекулы содержит полносимметричное представление, то переход между электронными состояниями возможен. Почему в таком случае линии, отвечающие «запрещённым» переходам, всё же встречаются в спектрах? Потому что стоит различать дипольные (самые вероятные, следовательно, дающие самые интенсивные полосы в спектре) и мультипольные переходы (чья вероятность на 3–4 порядка ниже). Кроме того, существуют магнитно-дипольные и магнитно-мультипольные переходы. Каждому типу переходов при этом будут соответствовать *свои* правила отбора, во всех случаях рассчитываемые с помощью аппарата теории групп.

Без знания концепций симметрии невозможно понять и современный инструментарий, используемый для решения проблем, связанных со структурой молекул. На соображениях симметрии основаны, например, методы КР-, ИК- и УФ-спектроскопии, рентгеновской, электронной и нейтронной дифракции – и это далеко не полный список. Зная симметрию молекулы, можно предсказать её инфракрасный и рамановский спектр, а зная спектр, можно установить симметрию или структуру молекулы. Так, в ИК-спектре будут регистрироваться колебания, чьи неприводимые представления преобразуют координаты, в КР-спектре – колебания, чьи неприводимые представления преобразуют смешанные произведения и квадраты координат [7].

Понятие симметрии электронных орбиталей сыграло значительную роль и в истории органической химии. В 1965 г. Р. Вудвордом и Р. Хоффманом был выдвинут принцип сохранения орбитальной симметрии в элементарных актах химических реакций [14]. В оригинальной статье этот принцип был сформулирован для объяснения образования стереоспецифичных продуктов в термической циклизации и фотоциклизации сопряженных полиенов, но был впоследствии подтверждён на огромном экспериментальном материале и оказал большое влияние на препаративную органическую химию, особенно для стереоселективного синтеза [15].

Наконец, рассмотрим применение теории групп в одном из самых фундаментальных разделов физики – физике элементарных частиц. Семейства элементарных частиц отвечают собственным векторам некоторого оператора Шрёдингера, удовлетворяющего тем или иным условиям симметрии [10]. Так, группе вращений трёхмерного пространства O_3 соответствуют пионы. При действии в восьмимерном пространстве группы унитарных преобразований комплексного трёхмерного пространства SU_3 получаем классификацию для мезонов с нулевым спином и барионов со спином $\frac{1}{2}$. Барионам со спином $\frac{3}{2}$ соответствует действие группы SU_3 уже в десятимерном пространстве. А что, если рассмотреть действие этой группы в «родном», трёхмерном пространстве, группой преобразований которого она и является? Получим три частицы, обладающие дробным зарядом – $\frac{1}{3}$ от элементарного, и спином, равным $\frac{1}{2}$. Впоследствии такие частицы были названы кварками. При действии группы симметрии в «базовом» трёхмерном пространстве получаем «базовые» частицы (дробные значения заряда и спина фундаментальнее целых!), из которых состоят *все* адроны. Кварки всех типов могут обладать, наконец, одним из трёх «цветов». Почему у кварков есть цвета, хотя у адронов, состоящих из кварков, цветов нет? Потому что наборы кварков, которые входят в состав адронов⁶, инвариантны относительно преобразований группы цвета $SU(3)_c$, и другого – нематематического – объяснения этому нет [10]. Недаром Е. Вигнер считал, что «Чудесная загадка соответствия математического языка законам физики является удивительным даром, который мы не в состоянии понять и которого мы, возможно, недостойны» [3, с. 546]. Можно возразить: было процитировано *частное* мнение, пускай и одного из ведущих специалистов в области теоретической физики своего времени. В свою очередь, в «списке нерешённых проблем фундаментальной физики», который предлагает И.Ф. Гинзбург, нет ни слова о проблематичности применения математики для построения физических теорий [4]. Может быть, большинство учёных придерживаются знаменитой максимы «заткнись и считай»?.. Едва ли, ведь если

⁶ Понять, почему в состав адронов входят *именно такие* комбинации кварков, станет возможно, когда будет решена проблема описания конфайнмента – явления, заключающегося в невозможности получения кварков в свободном состоянии.

бы все физики-теоретики были последовательными «номиналистическими реалистами», то они не придавали бы такого большого значения проблеме строгого *математического* вывода конфайнмента. Безусловно, эта задача интересна и как «чисто» математическая – но физики-теоретики упорно считают, что мы не будем способны не только полностью описать, но и понять и объяснить феномен конфайнмента, пока эта задача не будет решена.

Заключение

В свете приведённых нами примеров⁷ положение «новых фикционалистов», в особенности номиналистических реалистов, видится не очень понятным. Если мы отрицаем, что математика говорит что-то о «функционировании мира», то об этом автоматически не говорят ни квантовая хромодинамика, ни молекулярная спектроскопия. «Избавив» науку от математики, мы будем вынуждены заниматься своего рода «феноменологией». В качестве крайней меры фикционалисты могут принять весьма спорную концепцию конструктивного эмпиризма, но в этом случае они уже не будут номиналистическими реалистами.

Позиция математического реализма (например, *ante rem* структурализма) выглядит куда более основательно.

Литература

1. Борисоглебский Л.А. Запрещённые линии в атомных спектрах // Успехи физических наук. 1958. Т. 66. № 4. С. 603–652.
2. Бурьян В.В., Черкасов Г.В. Фикционализм, неустранимость и циклады: критика неустранимости математики и её значение для онтологического статуса абстрактных объектов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 3. С. 404–413. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-3-404-413.
3. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94. № 3. С. 535–546.
4. Гинзбург И.Ф. Нерешённые проблемы фундаментальной физики // Успехи физических наук. 2009. Т. 179. № 5. С. 525–529. DOI: 10.3367/UFNr.0179.200905d.0525.

⁷ Список которых, разумеется, можно было продолжать ещё *очень*, очень долго.

5. *Balaguer M.* A Fictionalist Account of the Indispensable Applications of Mathematics // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1996. Vol. 83, No. 3. P. 291–314.
6. *Colyvan M.* The Indispensability of Mathematics. New York: Oxford univ. press. 2001. 192 p.
7. *Ferraro J.R. et al.* Symmetry in Chemistry // *Introductory Group Theory and Its Application to Molecular Structure*. Boston: Springer. 1969. 256. P. 9–26. DOI: 10.1007/978-1-4615-4821-8_2.
8. *Field H.* Science Without Numbers. – New York: Oxford univ. press. 2016. 192 p.
9. *Field H.* Conventionalism about Mathematics and Logic // *Noûs*. 2023. Vol. 57, No. 4. P. 815–831.
10. *Georgi H.* Lie Algebras in Particle Physics: from Isospin to Unified Theories. Boca Raton: CRC Press. 2000. 340 p.
11. *Malament D.* Review of Science Without Numbers: A Defense of Nominalism // *Journal of Philosophy*. 1982. Vol. 79, No. 9. P. 523–534.
12. *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology. 1960. 294 p.
13. *Várkonyi P. L., Domokos G.* Mono-monostatic Bodies: the Answer to Arnold's Question // *Math. Intelligencer*. 2006. Vol. 28, No. 4. P. 34–38. DOI: 10.1007/BF02984701.
14. *Woodward R.B., Hoffmann R.* Stereochemistry of Electrocyclic Reactions // *Journal of the American Chemical Society*. 1965. Vol. 87, No. 2. P. 395–397. DOI: 10.1021/ja01080a054.
15. *Woodward R.B., Hoffmann R.* The Conservation of Orbital Symmetry // *Angewandte Chemie International Edition in English*. 1969. Vol. 8, No. 11. P. 781–853. DOI: 10.1002/anie.196907811.

References

1. *Borisoglebskiy, L.A.* Zakreshchyonnii liniyi v atomnikh spektrakh [Forbidden Lines in Atomic Spectra]. *Uspekhi Fizicheskikh Nauk*. [Advances in Physical Sciences] 1958. Vol. 66, No. 4. P. 603–652. (In Russ.).
2. *Burian, V.V. & G.V. Cherkasov.* FiktSIONalizm, neustranimosť i tsikady: kritika neustranimosťi matematiki i ee znachenie dlya ontologicheskogo statusa abstraktnih ob'yektov. [Fictionalism, Indispensability and Cicadas: Criticism of Mathematical Indispensability and its Significance for the Ontological Status of Abstract Objects] *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psikhologiya. Sociologia* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. 2023. No. 3. P. 404–413. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-3-404-413. (In Russ.).
3. *Vigner, E.* Nepostizhimaya effektivnost' matematiki v estestvennykh naukakh [The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences] // *Uspekhi Fizicheskikh Nauk*. [Advances in Physical Sciences] 1968. Vol. 94, No. 3. P. 535–546. (In Russ.).
4. *Ginzburg, I.F.* Nereshyonnie Problemi Fundamental'noy Fiziki [Unresolved Problems of Fundamental Physics]. *Uspekhi Fizicheskikh Nauk*. [Advances in Physical

Sciences]. 2009. Vol. 179, No. 5. P. 525–529. DOI: 10.3367/UFNr.0179.200905d.0525. (In Russ.).

5. *Balaguer, M.* A Fictionalist Account of the Indispensable Applications of Mathematics // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1996. Vol. 83, No. 3. P. 291–314.

6. *Colyvan, M.* The Indispensability of Mathematics. New York: Oxford univ. press. 2001. 192 p.

7. *Ferraro, J.R. et al.* Symmetry in Chemistry // *Introductory Group Theory and Its Application to Molecular Structure*. Boston : Springer. 1969. 256 p. P. 9–26. DOI: 10.1007/978-1-4615-4821-8_2.

8. *Field, H.* Science Without Numbers. – New York: Oxford univ. press. 2016. 192 p.

9. *Field, H.* Conventionalism about Mathematics and Logic // *Noûs*. 2023. Vol. 57, No. 4. P. 815–831.

10. *Georgi, H.* Lie Algebras in Particle Physics: from Isospin to Unified Theories. Boca Raton: CRC Press. 2000. 340 p.

11. *Malament, D.* Review of Science Without Numbers: A Defense of Nominalism. // *Journal of Philosophy*. 1982. Vol. 79, No. 9. P. 523–534.

12. *Quine, W.V.O.* Word and Object. Cambridge: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology. 1960. 294 p.

13. *Várkonyi, P.L. & G. Domokos.* Mono-monostatic Bodies: the Answer to Arnold's Question // *Math. Intelligencer*. 2006. Vol. 28, No. 4. P. 34–38. DOI: 10.1007/BF02984701.

14. *Woodward, R.B. & R. Hoffmann.* Stereochemistry of Electrocyclic Reactions // *Journal of the American Chemical Society*. 1965. Vol. 87, No. 2. P. 395–397. DOI: 10.1021/ja01080a054.

15. *Woodward, R.B. & R. Hoffmann.* The Conservation of Orbital Symmetry // *Angewandte Chemie International Edition in English*. 1969. Vol. 8, No. 11. P. 781–853. DOI: 10.1002/anie.196907811.

Информация об авторе

Ершов Василий Дмитриевич – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19).

yershov.v.d@gmail.com

Information about the author

Ershov, Vasiliy Dmitrievich – Ural Federal University named after the first President of Russia, Boris Yeltsin (19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia).

yershov.v.d@gmail.com

Дата поступления 01.07.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 160.1

DOI: 10.15372/PS20250302

EDN: ERIODF

В.А. Ладов, Я.И. Чаплинская, П.С. Спрукуль**СЕМАНТИКА ТИПОВ И ТОКЕНОВ:
МЕЖДУ Г. ФРЕГЕ И ПОЗДНИМ Л. ВИТГЕНШТЕЙНОМ***

В статье рассматривается семантика типов и токенов, представленная в новейшей аналитической философии в исследованиях Д. Катца. Авторы статьи утверждают, что данная семантическая концепция дает наиболее оптимальную интерпретацию функционирования естественного языка. Эта интерпретация учитывает достоинства и недостатки семантических проектов Г. Фреге и позднего Л. Витгенштейна.

Ключевые слова: семантика; смысл; значение; референт; язык; Фреге; Витгенштейн; Катц

V.A. Ladov, Y.I. Chaplinskaya, P.S. Sprukul'**THE SEMANTICS OF TYPES AND TOKENS:
BETWEEN FREGE AND LATE WITTGENSTEIN**

The semantics of types and tokens presented in the latest analytical philosophy in the research of J. Katz is considered in this article. The authors of the article argue that this semantic concept provides the most optimal interpretation of the functioning of natural language. This interpretation takes into account the advantages and disadvantages of the semantic projects of G. Frege and the late L. Wittgenstein.

Keywords: semantics; sense; meaning; reference; language; Frege; Wittgenstein; Katz

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>.

Для фиксации проблемной ситуации, которую мы хотели бы обсудить в данной статье, обратимся к одному из примеров К. Доннеллана [4], обратившему внимание на различие референциального и атрибутивного употреблений определенных дескрипций. Нас будет интересовать референциальное употребление, поскольку именно в этой ситуации возникает существенное расхождение между смыслом (значением) и референтом языкового выражения, которое требует построения семантической теории, способной объяснить данного рода явления.

В примере Доннеллана женщина при помощи референциального употребления определенной дескрипции «Вот этот мужчина с шампанским» указывает на человека, который на фуршете держит бокал с лимонадом. В данном случае референт этой дескрипции почти никак не соответствует ее смыслу. Женщина указывает на объект, который не соответствует смыслу ее слов, а слова при этом просто используются как метки для связи с реальностью.

С точки зрения позднего Л. Витгенштейна, тот факт, что языковые выражения можно использовать практически, как угодно, в зависимости от интересов той или иной конкретной языковой игры, указывает на то, что и нет никакого смысла говорить об устойчивом значении слов. Значение – это и есть употребление, фиксация связи выражения и референта в конкретной лингвистической ситуации. Именно так Витгенштейн в «Философских исследованиях» интерпретировал, например, такое предложение, как «Плита!» [1, с. 20]. В различных языковых играх оно может означать «Поддай плиту», «Осторожно, летит плита!», «Строение следует признать аварийным, и дело здесь вот в этой плите, по которой пошла трещина». Нет какого-то устойчивого значения (смысла). Нужно полностью отказаться от концепта инвариантного смыслового значения выражения, независимого от конкретной лингвистической ситуации.

С точки зрения Г. Фреге, идеи которого в современной лингвистике и философии языка представлены в качестве так называемого «семантического треугольника», существует идеальное значение (смысл) языкового выражения, который определяет его референты [3]. Семантика является трехчленной: знак – смысл – референт. Причем между смыслом и референтом имеет место отношение строгой детерминации. Референтом выражения может быть только то, что соответствует его смыслу.

Две вышеуказанные позиции представляют собой полярно противоположные точки зрения на функционирование языка. И каждая из этих позиций, по нашему мнению, неоправданно радикализирует свой аспект, исключая иную точку зрения. Фреге утверждает, что смысл определяет референт, и невозможно связать выражение с референтом в обход смысла. Но это противоречит фактам функционирования естественного языка. Женщина в примере Доннеллана использует определенную дескрипцию «Вот этот мужчина с шампанским» сугубо референциально, в обход ее смысла. Витгенштейн считает, что нет никакой надобности говорить о значении, об устойчивом фрегеанском смысле. Он открыто критикует Фреге на страницах «Философских исследований» [1, с. 62]. Значение есть употребление, связь знака и референта в конкретной языковой игре, концепт смысла является просто лишним. Но это снова противоречит фактам функционирования естественного языка. Даже если женщина в примере Доннеллана использует дескрипцию вразрез с ее смыслом, она не может не понимать этот смысл. Она может не осознавать, что ошибается, может не знать о том, что мужчина в углу комнаты держит в бокале не шампанское, а лимонад, но если она об этом узнает, она поймет, что использует данное языковое выражение не по назначению, то есть не в соответствии с его значением. Она понимает смысл (значение) этого языкового выражения вне зависимости от того, на какой референт это выражение указывает в конкретной лингвистической ситуации.

В связи с вышеуказанной проблемной ситуацией мы хотели бы обратить внимание на семантику, в основу которой положено различие типов и токенов, впервые зафиксированное Ч. Пирсом [5], но здесь стоит уточнить, что Пирс вводил данное различие в отношении слов, а не их значений [5]. Различие между типами и токенами именно в отношении значений языковых выражений в новейшей аналитической философии использовал американский философ и лингвист Дж. Катц [см. 6; 7; 8]. По нашему мнению, семантическая концепция Катца позволяет сгладить углы, избавиться от неоправданно радикальных интерпретаций и представить такое описание функционирования языка, которое в большей степени соответствует здравому смыслу. В языке есть и то, о чем говорит Фреге, и то, о чем говорит Витгенштейн. Неверно отрицать одно и утверждать только другое. Слово, знак, выражение действительно можно использовать, как

угодно, применяя их свободно к тем или иным референтам. И все же у слова есть смысл, который мы способны понимать вне зависимости от его конкретной связи с референтом в той или иной языковой игре. Женщина в примере Доннеллана понимает, что шампанское – это алкогольный напиток, даже если связывает свою дескрипцию с объектом, к которому данный признак не относится.

Катц утверждает, что в функционировании языка следует различать уровень типов и уровень токенов. На уровне токенов, в конкретных употреблениях, возможна почти неограниченная свобода связи языкового выражения с различными референтами, и здесь мы можем отдать должное идеям позднего Витгенштейна, который подчеркивал бесконечную подвижность языковых игр. Но на уровне типового семантико-грамматического строя языка имеет место устойчивый смысл выражения, которому могут соответствовать объекты только с определенными содержательными характеристиками в качестве референтов, и здесь мы можем отдать должное Фреге, но при этом ограничить и его представления о том, как устроен язык. Катц заменяет фрегевское отношение строгой детерминации между смыслом и референтом более мягким отношением медиации. Этот шаг позволяет ему отказаться от стремления к идеальному языку, характерное для Фреге. Катц дистанцируется от Фреге следующим образом: «Критические различия состоят, во-первых, в том, что “нисходящий” [top-down] подход исходит из естественного языка, а не идеального языка, и, во-вторых, что он осуществляет референцию знаков через отношение медиации, нежели чем через более строгое отношение детерминации» [6, р. 110]. Таким образом, Катц не отрицает концепцию «значение как употребление» позднего Витгенштейна. Он стремится совместить метафизические взгляды Фреге на уровне фиксации идеальных значений языковых выражений с прагматической деформацией этих значений на уровне реальных языковых практик, разнообразие которых и показал поздний Витгенштейн. Отношение смысла (идеального значения) и реального референта оказывается более сложным. Можно сказать, что у Катца, в отличие от Фреге, мы обнаруживаем не трехчленную, а четырехчленную семантику: знак – смысл – референт-тип – референт-токен. Катц говорит, что в случае буквального употребления слова, которое ориентируется на типовой уровень языка, имеет место фиксированная связь между смыслом и референтом. Здесь референтом слова

может быть только то, что соответствует его смыслу: «Агент речи, который использует слово “куб” буквально, *должен* подразумевать “правильное тело с шестью равными сторонами”...» [6, р. 158]. И только на уровне токенов референты слова могут почти до неузнаваемости расходиться с его смыслом, что, например, возникает тогда, когда говорящий начинает при помощи слова «куб» указывать на треугольную призму, как в примере Витгенштейна из «Философских исследований» [1, с. 91].

Конечно, Витгенштейн не так наивен в своем радикализме полного отказа от фрегевского смысла, как может показаться на первый взгляд. Нельзя сказать, что он просто отмахивается от данного концепта. Он формирует достаточно мощную эпистемологическую аргументацию в виде скептической проблемы следования правилу, квинтэссенция которой представлена в знаменитом § 201 «Философских исследований» [1, с. 130]. Смысл (значение) формируется индуктивно, на основе связи знака и его референтов в конкретных лингвистических ситуациях. Это означает, что смысл всегда недоопределен для будущих употреблений. Недоопределенный смысл в качестве правила употребления выражения может отсылать сразу к двум различным референтам в будущем, и ни одна эта референциальная связь знака и объекта не может расцениваться как ошибка. Если смысл не полностью ясен и скепсис о фиксации значения (смысла) неискореним, стоит ли сохранять концепт смысла, не проще ли отказаться от него?

Отвечая на указанный выше вопрос, мы можем подчеркнуть, что, на наш взгляд, модернизированный Катцем фрегевский семантический платонизм имеет в запасе по крайней мере один существенный контраргумент по отношению к скепсису Витгенштейна. Схватывание даже одного единственного референта в конкретной лингвистической ситуации возможно только на основании фиксации смысла (значения) знака. На уровне токенов расхождение между смыслом и референтом может быть почти полным и все же не окончательным. Если даже женщина при помощи выражения «Вот этот мужчина с шампанским» отсылает к мужчине с лимонадом, путая алкогольный напиток с безалкогольным, она все равно фиксирует его как мужчину, как человека, что соответствует по крайней мере части смысла ее дескрипции. Если мы усомнимся в ясности смысла слов «мужчина», «человек», то у нас все равно еще остаются слова «объект», «пред-

мет», «нечто определенное», без понимания смысла которых зафиксировать какой-либо конкретный референт просто невозможно. Значения этих слов, которые представлены в дескрипции Доннеллана эллиптическим образом, являются основанием ее смысла. Витгенштейн воспринимал связь знака и референта как нечто само собой разумеющееся, не требующее дальнейшего прояснения, но это неверно. Эта связь всегда опосредуется смыслом, который присутствует здесь как что-то изначально данное. Смысл не может формироваться индуктивно, как думал Витгенштейн, ибо для осуществления индукции уже необходима фиксация смысла. Смысл формируется не индуктивно, а схватывается интуитивно, целиком, в качестве особого абстрактного объекта.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2018.
2. *Нехаев А.В.* Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 64–75.
3. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ. 1977. Вып. 8. С. 181–210.
4. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions. // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, No. 3. P. 28–304.
5. *Peirce C.S.* Prolegomena to an apology for pragmatism // *Monist*. 1906. Vol. 16. P. 492–546.
6. *Katz J.* The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1990.
7. *Katz J.* Realistic Rationalism. Cambridge, Mass.: MIT Press. 2000.
8. *Katz J.* Sense, Reference, and Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2004.

References

1. *Wittgenstein, L.* (2018). *Filosofskie issledovania*. [Philosophical Investigations]. Moscow. (In Russ.).
2. *Nekhaev, A.V.* (2023). *Metafisicheskie spory o slovah: chto znachit byt realistom v otnoshenii slov?* [Metaphysical debates about words: what does it mean to be a realist about words?]. In: *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 75. P. 64–75. (In Russ.).
3. *Frege, G.* (1977). *Smisl i denotat*. [Sense and Reference]. In: *Semiotics and Computer Science*. Moscow. Vol. 8. P. 181–210. (In Russ.).
4. *Donnellan, K.S.* Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, No. 3. P. 28–304.

5. *Peirce, C.S.* (1906). Prolegomena to an apology for pragmatism. *Monist*. Vol. 16. P. 492–546.
6. *Katz, J.* (1990). *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1990.
7. *Katz, J.* (2000). *Realistic Rationalism*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
8. *Katz, J.* (2004). *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.

Информация об авторах

Ладов Всеволод Адольфович – Томский научный центр СО РАН, Лаборатория логики-философских исследований (634021, Томск, Академический пр., 10/4); «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (634050, Томск, пр. Ленина, 36).
ladov@yandex.ru

Чаплинская Яна Игоревна – Томский научный центр СО РАН, Лаборатория логики-философских исследований (634021, Томск, Академический пр., 10/4)
yana16071992@yandex.ru

Спрукуль Полина Сергеевна – Томский научный центр СО РАН, Лаборатория логики-философских исследований (634021, Томск, Академический пр., 10/4)
polina.sprukul@gmail.com

Information about the authors

Ladov, Vsevolod Adolfovich – Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (10/4, Akademicheskyy av., Tomsk, 634021, Russia), National Research Tomsk State University (6, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia).
ladov@yandex.ru

Chaplinskaya, Yana Igorevna – Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (10/4, Akademicheskyy av., Tomsk, 634021, Russia).
yana16071992@yandex.ru

Sprukul', Polina Sergeevna – Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (10/4, Akademicheskyy av., Tomsk, 634021, Russia).
polina.sprukul@gmail.com

Дата поступления 21.02.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 165.0

DOI: 10.15372/PS20250303

EDN: GIJUNG

О.А. Козырева

КОНТЕКСТУАЛИЗМ И ПЕРСПЕКТИВА ПЕРВОГО ЛИЦА¹

Статья посвящена критике широко распространённой в аналитической философии идеи о том, что местоимение первого лица единственного числа «я» является уникальным способом языкового выражения перспективы первого лица в силу наличия прямой связи между осведомлённостью индивида о самом себе и его готовностью указывать на себя с помощью этого местоимения. В первой части статьи даётся общее представление о проблематике перспективы первого лица в аспекте её языкового выражения, а именно – проблеме когнитивной значимости индексикалов и проблеме объяснения неоднозначного прочтения предложений с косвенной речью о нахождении индивида в пропозициональной установке (*de se* – *de re* прочтения). Отмечается, что многие сторонники критикуемой в данной статье идеи придерживаются так называемого «условия осведомлённости», а способ приобретения индивидом этой осведомлённости зачастую носит явно выраженный картезианский характер. Во второй части статьи демонстрируется, что в действительности в естественных языках встречается безличное использование местоимения «я», а выражать перспективу первого лица можно различными способами, вследствие чего идея об уникальности выражения этой перспективы с помощью местоимения «я» ошибочна. Факт отсутствия в естественных языках единого способа выражения перспективы первого лица предлагается объяснять зависимостью имеющихся способов выражения перспективы первого лица от контекста употребления в коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: перспектива первого лица, установки *de se*, семантика, философия языка, контекстуализм

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

О.А. Kozyreva

CONTEXTUALISM AND THE FIRST-PERSON PERSPECTIVE²

The article critically examines the prevalent idea in analytical philosophy that the first-person singular pronoun “I” uniquely expresses the first-person perspective because of a direct correlation between an individual’s self-awareness and her ability to refer to herself with this pronoun. First, I outline the general idea of the problem concerning the linguistic expression of the first-person perspective. My focus is primarily on the problem of the cognitive significance of indexicals as well as the problem of ambiguity between *de se* and *de re* readings of the sentences involving indirect speech about an individual’s propositional attitudes. Many advocates of the criticized idea implicitly subscribe to the so-called “awareness condition”, while their explanation of how an individual acquires such awareness has a strong Cartesian flavor. Second, I argue that natural languages do allow impersonal use of the personal pronoun “I” and have multiple ways to express the first-person perspective. Both these facts challenge the idea of the unique role the pronoun “I” has in language systems. I propose to explain the lack of a single way to express the first-person perspective by referring to the context-dependent nature of language. To put it differently, the ways of expressing the first-person perspective depend on the context of use in communicative situations.

Keywords: first-person perspective, *de se* attitudes, semantics, philosophy of language, contextualism

Проблема описания и объяснения перспективы первого лица в различных вариантах её формулировок имеет длительную историю в философии³. В данной статье я сосредоточусь только на одном из аспектов этой проблемы, а именно – на способах выражения перспективы первого лица, существующих в естественном языке. На первый взгляд может показаться, что это сугубо лингвистическая тема, исследование которой носит эмпирический характер и не имеет отно-

² The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Strategic Academic Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

³ В традиционном изложении истории западноевропейской философии возникновение этой проблематики чаще всего связывается с именем Р. Декарта и его утверждением «*Cogito Ergo Sum*».

нения к философской проблематике. Однако в рамках активно развивающейся дисциплины онтологии естественного языка интерес к данной теме является вполне философским: он обусловлен стремлением выяснить, какие метафизические интуиции отражаются в языковых способах выражения перспективы первого лица [27].

Я постараюсь показать, что в аналитической философии существует достаточно устойчивое представление о связи между перспективой первого лица и местоимением первого лица единственного числа «я». Следствием этого представления является наделение местоимения «я» дополнительной функцией: не только указывать на говорящего, но и передавать информацию о наличии у него осведомлённости о себе. Иными словами, предполагается, что только тот, кто осознаёт себя, может использовать «я» в своей речи. В качестве иллюстрации упомянутого выше представления будет представлено краткое обсуждение наиболее часто использующихся в аналитической философии пассажей авторства Г. Фреге и Дж. Перри, а в завершение будет показана ошибочность этого представления. Моя аргументация будет нацелена, прежде всего, на опровержение тезиса об уникальности выражения перспективы первого лица с помощью местоимения «я». Сначала я покажу, что в естественных языках имеется безличное использование «я», которое не связано с выражением перспективы первого лица, а затем, что в естественных языках существует множество вариантов того, как выразить перспективу первого лица. Отсутствие единого универсального способа выражения этой перспективы через использование «я», в свою очередь, может быть объяснено принципиальной контекстной зависимостью имеющих способов, то есть уместностью их употребления в том или ином коммуникативном контексте.

Уникальный способ выражения перспективы первого лица: местоимение «я»

Если неискущённому лингвистическими исследованиями человеку, чьим родным языком является русский, задать вопрос о том, как языковыми средствами можно осуществить референцию к самому себе (то есть указать на самого себя), то в качестве наиболее вероятного ответа будет фигурировать местоимение первого лица един-

ственного числа «я». Похожий ответ дадут, скорее всего, и многие пользователи других индоевропейских языков (английского, французского, немецкого и т.д.). Это удивительное единство в способе указания на самого себя приводило многих западноевропейских философов, склонных к признанию тесной взаимосвязи между языком и мышлением, к идее того, что семантика «я» не может сводиться только к тому факту, что это местоимение выступает кореференциальной заменой выражения «тот, кто сейчас говорит». Использование индивидом в речи этого местоимения начинает рассматриваться как языковой способ проявления перспективы первого лица. Если обратиться к истории существования английского языка⁴, то начиная с XVIII века отмечаются всё более частые случаи использования «я» для указания на самого себя не только как на говорящего (роль в коммуникативной ситуации), но и как на некоторую самость [36, p. 119], то есть «я» становится своего рода символической альтернативой этого имени существительного.

Показательной в этом отношении в философии является уже современная нам проблематика так называемой «существенной индексикальности» [30], иначе именуемая проблемой объяснения когнитивной значимости индексикалов [16]. По сути, она располагается на стыке двух областей исследования: метафизики (понятие самости) и лингвистики (местоимение «я»), и именно метафизические причины чаще всего приводятся в качестве обоснования несводимости значений предложений с индексикалом «я» к значениям предложений с кореференциальными ему терминами. Несмотря на то, что предложения «я пишу статью», высказанное мной в определённом контексте, и «Ольга Козырева пишет статью» сообщают одну и ту же информацию об одном и том же объекте и, следовательно, имеют одно и то же истинностное значение, многим кажется интуитивно очевидным, что именно обладание представлением о самой себе с позиции первого лица объясняет мою возможность использовать «я» для указания на саму себя.

⁴ Данных о похожей трансформации значения «я» в других упомянутых ранее языках мною встречено не было, однако с учётом того, что обсуждение проблемы перспективы первого лица в западноевропейской философии шло в едином ключе, вполне можно предположить, что к указанному периоду эта трансформация произошла и в них.

Со временем своё тематическое развитие та же самая проблематика получила при обсуждении неоднозначного прочтения предложений с косвенной речью, в которой сообщается о нахождении индивида в какой-либо пропозициональной установке с позиции третьего лица [14]. Например, Лев делает следующее высказывание обо мне: «Ольга убеждена, что она пишет статью». У этого высказывания с пропозициональной установкой убеждения возможно два прочтения: *de re* и *de se*. Первое прочтение предполагает, что у меня имеется мысль о некотором объекте (*res*), но по каким-то причинам отсутствует осведомлённость о тождестве между этим объектом и мной самой. Второе прочтение, напротив, предполагает, что осведомлённость об этом тождестве у меня имеется – я думаю о себе осознанно [3, с. 137] – и я в принципе готова выразить эту же мысль с помощью индексикала «я», то есть сделать высказывание «я пишу статью». Однако поскольку в высказывании обо мне от третьего лица – Льва – используется местоимение «она», однозначно приписываемый смысл осведомлённости, который, как считается, выражается при использовании говорящим в прямой речи «я», теряется.

На первый взгляд, кажется очевидным, что *de se* прочтения высказываний – это просто частный случай *de re* прочтений, где объект пропозициональной установки и агент пропозициональной установки находятся в отношении тождества (убеждения, выражающиеся в таких высказываниях, часто именуют саморефлексивными). В рамках такого представления сохраняется тождество содержания высказывания, сделанного с перспективы первого лица, и содержания, выражаемого в высказывании, сделанном с перспективы третьего лица⁵, что согласуется с одним из очевидных аспектов коммуникации между индивидами – передачи той же самой информации в косвенной речи.

Однако ряд исследователей настаивает на том, что *de se* прочтения высказываний не сводимы к их *de re* прочтениям. Потенциальная готовность индивида использовать местоимение «я» в высказывании о себе рассматривается в качестве доказательства того, что именно таким образом в естественном языке выражается пер-

⁵ Среди сторонников этого представления следует отметить О. Магидор [24], Э. Каппелена и Дж. Девера [13], С. Бёра и У. Ликана [10].

спектива первого лица и «я» указывает на наличествующую у каждого индивида самость. Наиболее распространённым ходом в аргументации в пользу упомянутой несводимости является принятие так называемого условия осведомлённости, согласно которому индивид использует местоимение первого лица единственного числа «я» для указания на самого себя тогда и только тогда, когда индивид непосредственно осведомлён о самом себе. Непосредственная осведомлённость понимается как отношение, в котором индивид находится только с самим собой. Это отношение в имплицитном виде начинает обсуждаться уже в период Нового времени, когда понятие субъективности конкретизируется через «способность различным образом находиться в отношении с самим собой, самой фундаментальной формой которой является осведомлённость или осознание своей самости. ...Способность определять свою самость в отношении действий и даже способность размышлять о своём прошлом предполагает, что мы каким-то образом осознаём свою самость» [33, р. 1].

Зачастую возможность такого особого эпистемического доступа к самому себе объясняется способностью индивида к интроспекции. Однако крайне редко кто-либо из аналитических философов проблематизирует эту способность при объяснении специфики *de se* прочтений: для многих из них утверждение об интроспекции, с помощью которой индивид приобретает осведомлённость о себе, является интуитивно очевидным и, как следствие, не требующим отдельного доказательства. Не пытаясь подробно проиллюстрировать эту тенденцию в аналитической философии, я тем не менее укажу на один из наиболее ярких примеров использования интроспекции для объяснения выражения перспективы первого лица. Так, указывая на семантическую неоднозначность местоимения «я», У. Дэвис полагает, что специфику убеждений *de se* можно объяснить с помощью понятия самого себя, содержанием которого и будет выступать интроспективная осведомлённость о самом себе: «“Я” означает “я”, потому что мы все используем “я” для выражения общего способа мыслить о самих себе. И каждый из нас использует “я” дейктическим образом для выражения мыслей, которые никто другой выразить не может. Субъективным понятием, встречающимся в этих мыслях, является понятие самого себя. Моё понятие самого себя не может мыслиться вами, потому что моя интроспективная осведомлённость обо мне

самом не может быть у вас. Ваше понятие самого себя не может мыслиться мной по той же самой причине. Как следствие, я не могу мыслить вас тем особым образом, каким я мыслю самого себя, или тем образом, каким мыслите себя вы» [17, р. 53].

Предлагаемое У. Дэвисом объяснение связи между использованием местоимения «я», понятием самого себя и интроспекцией не является принципиально новым. Во многом он продолжает развивать фрегеанскую традицию объяснения когнитивной значимости различных кореференциальных выражений, в которой вводится разграничение между референтом и смыслом языкового выражения, где последний понимается как определённый способ репрезентации референта.

В истории аналитической философии действительно принято обнаруживать истоки представления о несводимости *de se* прочтений высказываний с пропозициональными установками в работах Г. Фреге, где он утверждает, что мысль, выражаемая одним индивидом с помощью местоимения первого лица единственного числа, не может быть тождественна мысли, выражаемой другим индивидом с использованием того же местоимения, даже если все остальные языковые выражения в высказывании совпадают. Так, пропозициональное содержание высказывания «я читаю книгу», совершённого мной, отличается от пропозиционального содержания того же самого высказывания, но совершённого другим человеком, так как в первом случае «я» указывает именно на меня, а во втором — на этого другого человека⁶.

Высказывания с индексикалом «я», по всей видимости, тогда должны обладать особой спецификой, следствием которой становится идея о том, что смысл таких высказываний доступен для «схва-

⁶ В статье я не буду обсуждать вопрос о том, является ли проблема *de se* прочтений высказываний просто частным случаем классической загадки Г. Фреге (как утверждают уже упомянутые Э. Каппелен и Дж. Девер [13]) или же между ними имеются существенные отличия (как, например, считает Дж. Шай [31]). Несмотря на то, что ответ на этот вопрос во многом является основополагающим для обоснования области исследований, связанных с перспективой первого лица и субъективностью, для целей настоящей статьи его обсуждение не столь значимо в силу того, что большинство сторонников того представления, которое я пытаюсь критиковать, в неявном виде придерживаются именно второго из упомянутых вариантов.

тивания» только тому индивиду, который их совершает, то есть он является приватным и не может быть разделён другими индивидами⁷.

Однако интерес представляет не столько то, насколько адекватна такая позиция с точки зрения возможности коммуникации между индивидами, на первый взгляд, требующей публичности смыслов для их «схватывания», сколько то, как обосновывается заявляемая специфика высказываний с индексикалом «я». Для Г. Фреге таким обоснованием становится указание на то особое отношение, в котором каждый индивид находится с самим собой. В подтверждение этой идеи обычно цитируется следующий пассаж: «Каждый человек дан самому себе некоторым особым и изначальным способом, каким он не дан никому другому. Если при теперешних обстоятельствах д-р Лаубен думает, что он ранен, то он кладет в основу этой мысли, вероятно, тот особый способ, каким он дан самому себе. И определяемые этим мысли в состоянии постичь только сам д-р Лаубен. Но вот он хочет передать другим некое сообщение. Мысль, которую может понять только он один, передать невозможно. И поэтому, если при теперешних обстоятельствах он говорит: “Я был ранен”, то он принужден употребить слово “я” в таком смысле, который будет понятен другим, – скажем, в смысле “тот, кто в данный момент говорит с вами”, используя при выражении своей мысли внешние обстоятельства своей речи». [9, с. 332].

Сам Г. Фреге не развивает подробно идею о том, что это за особый способ, которым каждый индивид дан самому себе, но вполне естественно предположить, что таким способом или отношением является картезианская⁸ в своих истоках идея о внутренней осведомлённости индивида о самом себе, то есть то самое условие осведомлённости, которое было сформулировано ранее: только при его соблюдении индивид способен использовать «я» в своём высказывании, а передача этого же смысла в высказывании, сделанным третьим

⁷ Неудивительно, что У. Дэвис, будучи продолжателем фрегеанской традиции, использует почти те же самые термины, что и Г. Фреге.

⁸ Понятие картезианства я обычно использую для обозначения не философских взглядов самого Р. Декарта и некоторых его последователей, а обобщённого широко распространённого представления, сложившегося в среде аналитических философов, о том, какими были эти взгляды.

лицом хоть с прямой, хоть с косвенной речью, невозможна в силу невозможности соблюсти им упомянутое условие.

Может показаться странным, что прояснение позиции Г. Фреге осуществляется через использование нехарактерного для него категориального аппарата картезианства. Согласно наиболее стандартной интерпретации его исследований, предложенной М. Даммитом, между Г. Фреге и антикартезианством, напротив, следовало бы поставить знак равенства [18, р. 666–669].

Однако стоит отметить, что сближение фрегеанства и картезианства не столь уж редкое явление в аналитической философии. Одним из явных примеров, демонстрирующих такое сближение, является позиция Х. Веттштайна, который отмечает, что в контексте проблемы взаимоотношения мышления и языка у Г. Фреге и картезианства имеется много общего [35, р. 63]. Во-первых, Г. Фреге также, как и Р. Декарт придерживался тезиса об эпистемологическом и онтологическом приоритете мысли над языком. Это выражалось в том, что основной задачей философского исследования Г. Фреге видел скорее анализ структур мышления, которое понималось им не как индивидуальный психологический процесс, а как совокупность независимо существующих абстрактных объектов, мыслей, нежели языка. Во-вторых, взгляды Г. Фреге на саму природу языка близки индивидуалистическим концепциям, в которых референция объясняется посредством обращения к индивидуальному акту схватывания значения слова агентом, а не посредством обращения к функционированию слова в публичном пространстве языка.

Картезианская концепция ментального, с точки зрения Х. Веттштайна, сводится к тому, что психика индивида представляет собой своего рода репозиторий репрезентаций внешнего мира, и слова приобретают своё значение благодаря связи не с объектами внешнего мира, а с этими внутренними репрезентациями индивида. Сторонники лингвистического картезианства, как их именует Х. Веттштайн, поддерживают идею о том, что для осуществления референции к объекту индивид должен вступить с ним в определённый когнитивный контакт, суть которого заключается в использовании индивидом понятий. То же самое, по мнению Х. Веттштайна, происходит и у Г. Фреге, для которого невозможно представить понятийно неопосредованную, прямую, референцию: «У Фреге существует область внутренне присущих значимых репрезентаций, отличных от репре-

зентируемых вещей и доступных для психики (даже пусть и не находящихся в ней); языковые выражения появляются тогда, когда их ассоциируют с этими репрезентациями. Фрегеанские смыслы – а не их языковые воплощения – указывают на объекты в первую очередь. Связь между словами и вещами, таким образом, производна от связи между концептуальными репрезентациями и вещами, которые они репрезентируют» [35, р. 65].

В качестве ещё одной стандартной иллюстрации несводимости *de se* прочтений высказываний с пропозициональными установками приводят историю о рассыпавшем сахар в супермаркете покупателе, предложенную Дж. Перри: «Однажды я шёл по следам рассыпанного на полу супермаркета сахара, толкая свою тележку между рядами в поисках покупателя с порванным пакетом сахара, чтобы сказать ему, что он пачкает пол. С каждым поворотом следы становились всё менее заметными. Но я никак не мог найти этого покупателя. Наконец, меня осенило. Я был тем самым покупателем, которого пытался найти <...> Изначально я был убеждён, что покупатель с порванным пакетом сахара пачкал пол. И я был прав. Но я не был убеждён в том, что тем, кто пачкал пол, был я. По всей видимости, это то, в чём я убедился со временем. И когда я, наконец, в этом убедился, я перестал идти по следам рассыпанного сахара и поправил свой порванный пакет» [30, р. 3].

Этот пример задумывался Дж. Перри для того, чтобы продемонстрировать разницу между двумя убеждениями: убеждением в том, что покупатель с порванным пакетом сахара пачкает пол, которое можно выразить как «он пачкает пол» или «покупатель с порванным пакетом сахара пачкает пол», и убеждением в том, что это именно он – Дж. Перри – пачкает пол, и которое Дж. Перри мог выразить как «я пачкаю пол». Именно появление у Дж. Перри второго убеждения способно объяснить, почему его поведение в супермаркете внезапно изменилось. До тех пор пока Дж. Перри был уверен в том, что покупателем, пачкающим пол, выступает кто-то другой, его поведенческая стратегия была одной, как только он осознал, что этим покупателем является он сам, его поведенческая стратегия стала иной: он перестал идти по следам рассыпанного сахара и поправил свой пакет сахара в тележке.

Казалось бы логичным, что изменение поведения Дж. Перри можно объяснить вполне стандартно в рамках теории прямой референции,

сказав, что оно связано с тем, что объектом убеждения Дж. Перри стала выступать новая пропозиция и, таким образом, само убеждение изменилось, приведя впоследствии и к изменению в его действиях. Однако в истории с пачкающим пол покупателем изменения в содержании убеждения не происходит: пропозиция, в которой Дж. Перри был убеждён сначала, и пропозиция, в которой он стал убеждён потом, на самом деле является одной и той же сингулярной пропозицией – «Джон Перри пачкает пол». Таким образом, замена корелативных терминов влечёт за собой изменение в содержании убеждений, которое теория прямой референции «схватить» не в состоянии. В соответствии с этим делается вывод о том, что убеждения от первого лица, выражаемые с помощью местоимения «я», обладают особой объяснительной силой, а само местоимение не может быть элиминировано из естественного языка⁹: «По всей видимости, местоимения первого лица занимают уникальное место среди языковых выражений, поскольку в их конвенциональную семантику “вшита” сила говорящего совершать приписывания самому себе» [34, р. 342].

Позиция Дж. Перри так же, как и позиция Г. Фреге ведёт к признанию идеи того, что смысл высказываний о себе, в которых используется местоимение «я», не доступен никому другому, кроме того, кто это высказывание совершил. Сам Дж. Перри вполне осознавал это следствие и назвал проблему, возникающую в результате признания этой идеи, проблемой ограниченной доступности вслед за предложенным им понятием «пропозиций ограниченной доступности». Последнее он использовал для указания на класс таких пропозиций, «которые могут быть выражены только в особых обстоятельствах» [30, р. 16]. Дж. Перри настаивает на том, что признание существования таких пропозиций – это неизбежное следствие классического представления о способе индивидуации убеждений: различие в пропозициях, в которых убеждены агенты, влечет за собой различие в их состояниях убеждения. Сложности с пропозициями ограниченной доступности возникают лишь тогда, когда необходимо

⁹ Схожим образом на объяснительной силе высказываний об убеждениях с использованием индексикальных выражений настаивал и Д. Каплан: «Если я вижу в окне отражение человека, на котором горят брюки, то моё поведение зависит от того, думаю ли я, что “на нём горят брюки”, или же что “на мне горят брюки”, хотя объект мысли может быть одним и тем же» [23, р. 533].

объяснить возможность коммуникации между индивидами, предполагающую возможность говорящего передать ту же самую мысль слушающему. В отношении своей позиции Дж. Перри считает имеющуюся в ней ограниченную доступность пропозиций «метафизически доброкачественной» [30, р. 19], поскольку ограничения накладываются не на доступ к пропозициям и к состоянию убеждения вообще, а на доступ к связке состояния и пропозиции: «Кто угодно в любой момент времени может иметь доступ к любой пропозиции. Но не каким угодно способом» [30, р. 19].

Несмотря на то, что в статье о существенных индексикалах, где впервые приводится эта история с рассыпавшим сахар покупателем, не обосновывается, в силу чего местоимение «я» уникальным образом выражает перспективу первого лица, со временем для этого обоснования в работах Дж. Перри появляется «понятие себя» (self-notion). Поскольку он разделяет идею о том, что знание референта выражения выступает «семантическим основанием» для использования этого выражения [12, р. 209], то формулировка индивидом высказываний о себе с использованием «я» предполагает, что в убеждениях индивида о самом себе с необходимостью присутствует единичное понятие этого индивида о себе: «Обычно всё, что мы знаем о самих себе, объединяется вокруг особого рода идеи или понятия самого себя, которое мы высказываем с помощью “я”. Хотя моё восприятие того, что передо мной стоит пиво, может и не требовать репрезентации меня самого, информация, которую я непосредственно приобретаю, объединяется в знание обо мне самом (self-attached knowledge), которое я могу высказать как “я вижу пиво” или “передо мной стоит пиво”» [29]. Содержанием такого понятия становится совокупность информации о самом себе, которая приобретается разного рода методами: от восприятия и проприоцепции до интроспекции (для ментальных состояний).

Многообразие способов выражения перспективы первого лица

В предыдущей части статьи я попыталась продемонстрировать, что в аналитической философии действительно распространено представление о том, что перспектива первого лица выражается с по-

мощью местоимения первого лица единственного числа «я», и его неустранимость из естественного языка обусловлена принципиальной неустранимостью перспективы первого лица.

Это представление на самом деле не соответствует действительности, так как, во-первых, естественные языки располагают различными средствами, позволяющими указывать на самого себя, а, во-вторых, с помощью местоимения «я» можно выражать не только перспективу первого лица¹⁰. Для иллюстрации этого утверждения я сначала продемонстрирую, что существует безличное использование «я», не связанное с выражением перспективы первого лица, а затем представлю краткий обзор возможных вариантов выражения перспективы первого лица без использования «я», которые являются как семантически, так и прагматически приемлемыми в различных коммуникативных ситуациях.

Итак, несмотря на то, что тезис об автоматической референции «я», благодаря которому это местоимение часто именуют «чистым» индексикалом, кажется необходимо истинным, лингвистические исследования показывают, что естественные языки допускают безличное использование «я». С. Цобель предлагает именовать личные местоимения, используемые не для указания на говорящего и слушающего (как то изначально предполагает их стандартная семантика), «безлично интерпретируемыми личными местоимениями» [37, р. 2]. Несмотря на то, что она признаёт, что кросс-лингвистические исследования не дают оснований утверждать о большой частотности такого использования местоимения «я» по сравнению с тем же местоимением «ты», тем не менее она демонстрирует, что, по крайней мере

¹⁰ Пока я оставляю без обсуждения вопрос, насколько адекватной является сама позиция, согласно которой перспектива первого лица и связанное с ней понятие самости предшествуют языковым формам их выражения. Критика этой позиции предполагает наличие аргументов в пользу обратного тезиса, согласно которому именно языковые варианты указания на самого себя конституируют понятие самости, тем самым переводя его из психологической или метафизической плоскостей в плоскость лингвистическую [20]. Выбор одной из этих позиций влечёт за собой необходимость обсуждения проблематики лингвистической относительности, что требует проведения отдельного исследования и не входит в задачи настоящей статьи.

в немецком языке, местоимение первого лица единственного числа «Ich» может иметь такое безличное прочтение:

(0) «**Ich** kann doch als Brautpaar nicht von meinen Gästen erwarten, dass sie mir quasi die Feier finanzieren» («a bridal couple can't expect their guests to more or less pay for the party» – «молодожёны не могут ожидать от своих гостей, что те так или иначе заплатят за вечеринку») [37, p. 1].

На первый взгляд, в переводе с немецкого должно фигурировать местоимение «я», так как в оригинальном высказывании стоит «Ich». Однако С. Цобель утверждает, что это было бы семантически неверно, а потому в англоязычной версии она «передаёт» функцию подлежащего нарицательному имени «молодожёны», которое в оригинале находилось внутри сравнительной «как»-конструкции («als Brautpaar»). Фактически (0) должно интерпретироваться как общее высказывание о подмножестве молодожёнов, где «Ich» используется в безличном смысле, обозначающем множество всех людей. Позднее С. Цобель говорит о том, что здесь как раз используется обобщающий модальный оператор GEN, который во взаимодействии со сравнительной «как»-конструкцией и позволяет получить в (0) безличное прочтение личного местоимения [38]. Помимо сравнительных конструкций безличные прочтения личных местоимений (включая местоимение «ты») возникают при наличии в высказывании дискурсивных маркёров типа «ja» («да»), «doch» («однако»), а также модальных и кондициональных выражений [37, p. 32].

Теперь перейдём к запланированному ранее обзору способов выражения перспективы первого лица, существующих в разных естественных языках.

Во-первых, в индоевропейских языках для осуществления функции референции к самому себе могут использоваться безличные местоимения (английское «one», немецкое «man» и др.), то есть если ранее я приводила в пример безличное использование личных местоимений, то теперь речь пойдёт о личном использовании безличных местоимений. Так, преимущественно в британском варианте английского языка обобщённое местоимение «one» в некоторых контекстах выражает именно перспективу первого лица или, как говорит Ф. Мольтманн, используется для обобщающей отделённой референции к самому себе (generalizing detached self-reference) [25]. Например, в высказывании

(1) «**One** can see the picture from the entrance» («картину можно увидеть со входа») безличное «one» указывает одновременно как на всех человеческих индивидов, так и на самого агента высказывания, выражая тем самым его непосредственный опыт восприятия некоторого объекта. Ф. Мольтманн предлагает «прочитывать» подобного рода высказывания как такие, в которых агент приписывает некоторое свойство, которым обладают все индивиды релевантного ситуации домена, «как будто бы себе», то есть проецирует – или симулирует – свой опыт на каждого из этих индивидов [26].

Во-вторых, для указания на самого себя и выражения перспективы первого лица могут использоваться как имена нарицательные, так и имена собственные. Например, К. Яшчоульт приводит два примера высказываний, в которых использование этих классов выражений является более распространённым и приемлемым, нежели местоимений [21, p. 155]:

(2) «**Мама** возьмёт тебя на ручки через минуту» (при обращении к плачущему маленькому ребёнку);

(3) «**Томми** хочет молока» (при обращении маленького ребёнка к маме).

В обоих примерах функцию референции к самому себе выполняет не местоимение «я», однако у компетентных пользователей языка¹¹ – и непосредственных участников этих коммуникативных ситуаций, и читателей настоящей статьи – не возникает проблем с определением того, на кого в действительности указывают выражения «мама» и «Томми», и чья перспектива действительно выражается в (2) и (3), несмотря на то что грамматически используется третье лицо.

Обычно в случаях, приведённых выше, говорят о классе выражений, который получил название личных импостеров (от англ. «imposter», что значит «самозванец»). Такое название отчасти отражает происходящее у этих выражений несовпадение между их изначально предполагаемой денотацией и их актуальной референцией в высказывании. Импостерами чаще всего являются детерминированные группы (DP), которые грамматически согласуются с глаголами

¹¹ Эти примеры не специфичны только для английского языка; подобные высказывания в коммуникативных ситуациях между родителями и детьми встречаются во многих языковых сообществах, в том числе и в русскоговорящих.

в третьем лице, хотя их референтом выступает говорящий или слушающий, что предполагает согласование с глаголами в первом и втором лицах соответственно [15, р. 2]. К. Коллинс и П.М. Постал предполагают, что в английском языке за минимальным исключением практически любая детерминированная группа с определённым артиклем, денотатом которой выступает человек, может функционировать как импостер [15, р. 6]. Они анализируют множество примеров высказываний с импостерами, из которых можно привести в пример пару релевантных теме настоящей статьи высказываний:

(4) **«Ваш покорный слуга** находит время до нашей следующей встречи чрезвычайно долгим».

(5) **«Данный рецензент** не сумел строго следовать логике рукописи».

В этих примерах «ваш покорный слуга» и «данный рецензент» заменяют собой местоимение «я», однако так же, как и в случае ранее приведённых примеров К. Яшчоульт, компетентные пользователи языка вполне успешно справляются с определением референтов использованных в (4) и (5) импостеров.

В качестве ещё одного примера, иллюстрирующего, что импостеры успешно применяются пользователями разных языков для референции к самим себе, выступают высказывания, сделанные в рамках судебного дискурса. Несмотря на то, что решение по делу принимается обычно одним человеком – судьёй – при оглашении своего решения он указывает на себя не при помощи местоимения «я» и даже не демонстративных дескрипций типа «данный судья», а с помощью нарицательного имени «суд»:

(6) **«Суд** считает, что данная норма права не подлежит применению при рассмотрении настоящего спора».

В-третьих, развенчанию идеи уникальности местоимения «я» для выражения перспективы первого лица помогает феномен гоноративов (honorifics). Обычно под этим термином понимаются формы языкового выражения, которые используются для передачи вежливого отношения, уважения, почтения говорящего к слушающему или к иному третьему лицу. Наиболее часто о гоноративных системах говорят в связи с обсуждением азиатских языков, в частности японского, корейского и тайского языков [32], где «через добавление окончаний глаголов, префиксов и грамматических частиц пользователи

обоих языков способны систематическим образом передавать, в каких социальных отношениях они находятся с адресатом и/или референтами выражений предложения» [11, р. 369]. Помимо морфосинтаксических изменений возможно также и существование в языках отдельных лексических единиц. В рамках данной статьи наибольший интерес представляют, конечно же, те гоноративы, которые связаны с местоимением «я».

Так, К. Яшчоульт отмечает, что возникновение в японском языке по разным подсчётам от пятидесяти одной до ста шестидесяти форм местоимения «я» связано именно с развитой гоноративной системой, существующей в этом языке [21, р. 159]. Многие из этих форм представляют собой выражения с так называемым уничижительным оттенком – «королевский раб», «слуга Будды», «маленький человек» – чем отчасти напоминают уже обсуждавшийся выше класс импостеров. Однако в отличие от последних, употребляя эти выражения в своей речи, пользователи японского языка не ассоциируют с ними те понятия, которые обычно выражают эти термины в буквальном значении, а используют их исключительно для указания на самих себя.

Возвращаясь к индоевропейским языкам, можно указать на то, что выразить перспективу первого лица можно и с помощью других местоимений. Классическим примером здесь является использование местоимения первого лица множественного числа «мы» и местоимения второго лица единственного числа «ты»:

(7) «**Мы**, Петр первый, царь и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая. Объявляем сей указ всем подданным нашего государства, какого чину и достоинства оныя ни есть» [8, с. 295].

(8) «И вот **ты** стоишь и думаешь, а что здесь вообще происходит».

Если в первом из вышеприведённых высказываний использование «мы» для указания на самого себя является достаточно известным приёмом (так называемое «царское» я [4, с. 156]), то второй пример нуждается в небольшом пояснении. Контекстом произнесения (8) может выступать такая ситуация, в которой говорящий рассказывает историю о произошедших с ним событиях, и в целях описания себя с позиции условного наблюдателя – например, своего актуального собеседника – выбирает в качестве референциального способа местоимения «ты». Иными словами, такой способ выражения перспективы

первого лица позволяет говорящему отчасти занять в рамках коммуникативной ситуации перспективу третьего лица по отношению к себе, то есть как бы «прочитировать» высказывание о самом себе, сделанное кем-то другим [1, р. 495–496]. Стоит отметить, что и в (7), и (8) глаголы согласуются с употребляемыми местоимениями согласно соответствующим грамматическим правилам, не подвергаясь трансформации в форму первого лица.

Наконец, следует упомянуть класс языков, в которых допускается опущение личных местоимений, выполняющих в предложении функцию подлежащего (так называемые *pro-drop languages*). Например, в испанском языке, который традиционно относят к этому классу¹², использование местоимения первого лица единственного числа не является грамматически обязательным, поскольку форма правильного глагола первого лица единственного числа – а именно личное окончание глагола «*о*» в настоящем времени – однозначным образом «передает» информацию о том, кто именно совершает действие или находится в каком-либо состоянии: в стандартной коммуникативной ситуации «*vivo en Ekaterimburgo*» («живу в Екатеринбурге») является более приемлемым вариантом, чем «*yo vivo en Ekaterimburgo*» («я живу в Екатеринбурге»), хотя и нельзя сказать, что последнее грамматически некорректно¹³. Однако очевидная для пользователей испанского языка избыточность употребления местоимения «я» в высказываниях подобного рода не ведёт к утверждению о том, что говорящие на этом языке в принципе не способны выражать перспективу первого лица. Единственный вывод, который можно сделать из анализа языков, в которых наличествует феномен *pro-drop*, это

¹² Зачастую в литературе в качестве других примеров языков указанного класса приводят итальянский, венгерский, турецкий и японский языки. Вопрос о том, входит ли в этот класс русский язык, является дискуссионным: с одной стороны, вполне допустимыми являются высказывания типа «завтра еду в Москву» вместо «завтра я еду в Москву» [2], что позволяет включить русский язык в число языков, демонстрирующих феномен *pro-drop*, с другой стороны, в отличие от вышеупомянутых «классических» примеров языков, частотность «выпадения» местоимений в русском языке гораздо ниже и зависит от контекста [28].

¹³ Оправданным употребление личного местоимения в таких высказываниях будет в том случае, когда говорящий желает сделать акцент, подчеркнуть, что речь идёт именно о нём. Другими словами, местоимение «я» в подобных случаях будет выполнять исключительно эмфатическую роль.

вывод о том, что в разных языках существуют разные грамматические средства для выражения перспективы первого лица¹⁴.

После ознакомления с представленным выше обзором может возникнуть закономерный вопрос: если естественные языки позволяют разнообразным способом выражать перспективу первого лица, то чем обусловлен выбор того или иного способа выражения? По всей видимости, ответ на этот вопрос кроется в зависимости способов выражения перспективы первого лица от контекста их употребления в коммуникативных ситуациях. В духе дефолтной семантики К. Яшчоульт я полагаю, что значение языкового выражения тесно связано с коммуникативной стратегией говорящего. Иными словами, многообразие коммуникативных контекстов, в которых говорящему по тем или иным причинам требуется выразить перспективу первого лица, приводит к возникновению многообразия способов её выражения: «Использование “я”, “безличного *one*”, “простак”, произвольной PRO-конструкции, а также не лексических ситуационных стратегий для выражения самости может быть желательным в одном контексте и нежелательным в другом не потому, что они выражают различные аспекты или типы *de se tout court*, а потому что того требует успешность речевого акта. Совершая *de se* высказывание, говорящий использует различные лексические и контекстуальные стратегии для того, чтобы представить определённую перспективу, с которой он воспринимает себя. Точнее, говорящий выводит на первый план ту роль, которую он играет на текущем этапе языковой игры, тем самым

¹⁴ Я не стала включать в обзор феномен эгоцентриков – различных языковых выражений, использование которых имплицитно указывает на то, что высказывание передаёт перспективу говорящего, однако на уровне синтаксиса это никак не отражено, исключительно потому, что, как отмечает и сама Е.А. Падучева, «я» выражает говорящего эксплицитным образом в отличие от имплицитного у, скажем так, «чистых» эгоцентрических единиц [7]. Тем не менее при определённой трактовке наличие в естественных языках выражений с эгоцентрической валентностью тоже может рассматриваться в качестве подтверждения того, что перспектива первого лица не с необходимостью связана с местоимением «я»: так, по мнению Е.А. Падучевой, использование говорящим вводного слова «едва ли» в высказывании «Иван едва ли придёт» позволяет ему выразить своё сомнение в том, что упомянутый Иван действительно придёт, а использование говорящим сослагательного наклонения в высказывании «была бы сейчас весна» выражает его желание того, чтобы сейчас была весна [6].

помогая аудитории распознать тип и первичную цель его речевого акта» [22, р. 191].

К. Яшчоульт (в соавторстве с М. Витеком) даёт пример развёрнутого объяснения разницы между двумя высказываниями с кореференциальными выражениями – «пожалуйста, перестань работать и поговори со своей женой» и «пожалуйста, перестань работать и поговори со мной» – которые может произнести Анна, пытаясь обсудить с Джоном школьные проблемы их дочери [22, р. 202–203]. Во втором высказывании Анна указывает на себя стандартным образом, используя местоимение «я» (точнее, его форму в косвенном падеже «мной»), а в первом заменяет его на кореференциальное нарицательное имя «жена». Эту замену К. Яшчоульт предлагает объяснять стремлением Анны представить себя в этой коммуникативной ситуации с позиции не просто говорящего, а официальной жены, которая имеет право в силу нормативных отношений ожидать от своего мужа участия в общих семейных делах. Иначе, коммуникативная цель Анны в таком диалоге состоит не столько в том, чтобы просто передать Джону своё желание или требование о разговоре с ней, сколько в том, чтобы «напомнить» ему об этих самых нормативных отношениях между ними, которые и наделяют её правом требовать что-либо от него. Таким образом, выбор Анной способа передачи перспективы первого лица зависит от её коммуникативной цели в конкретной коммуникативной ситуации, и поэтому разнообразие способов передачи перспективы первого лица напрямую зависит от разнообразия коммуникативных ситуаций: именно контекст высказывания определяет то, какое языковое выражение говорящий будет использовать для референции к самому себе.

Заключение

Основная задача настоящей статьи состояла в том, чтобы опровергнуть устоявшееся в аналитической философии представление о том, что местоимение первого лица единственного числа «я» является уникальным способом выражения перспективы первого лица, что даёт основания говорить о некоторой фундаментальной метафизической связи между понятием самости (эго или «Я») и языковым выражением «я». Приведённое мной возражение указанному представлению основывалось на том, что оно имеет какой-либо смысл,

только при соблюдении двух условий: 1) местоимение «я» может использоваться только для выражения перспективы первого лица; 2) выразить перспективу первого лица можно только с помощью местоимения «я». Результаты кросс-лингвистических исследований, краткий обзор которых был дан в статье, не подтверждают истинность сформулированных условий, в связи с чем представление о связи между местоимением «я» и философской идеей самости вряд ли можно считать обоснованным.

Дополнительно была предпринята попытка ответить на вытекающий из проведённого обзора вопрос о том, от чего зависит выбор говорящим конкретного языкового способа выражения перспективы первого лица. Предлагаемый мной ответ на этот вопрос заключается в том, что способы выражения перспективы первого лица в естественном языке зависят от той «цели», которую преследует говорящий в коммуникации. Как было показано в статье, в естественных языках имеется множество вариантов того, как осуществлять референцию к самому себе, и использование говорящим конкретного варианта во многом обусловлено тем, в какой коммуникативной ситуации он находится. Эта ситуативная обусловленность позволяет признать наличие контекстной зависимости способов выражения перспективы первого лица, которую можно конкретизировать через понятие коммуникативной цели.

Этот вывод вполне соответствует по своему духу так называемому коммуникативному повороту в семантике естественного языка, произошедшем в последние несколько десятилетий [19]. Суть этого поворота состоит в отходе от рассмотрения условие-истинностного аспекта значения (meaning) выражений естественного языка как единственного возможного объекта изучения семантики и обращении внимания на остававшиеся долгое время в тени другие аспекты значения, которые могут быть, в общем и целом, сведены к той роли, которую выражение играет в коммуникативном контексте (conversational context)¹⁵. Те языковые способы выражения перспективы первого лица, которых были рассмотрены ранее, объединяются в еди-

¹⁵ Схожее представление можно встретить в рамках программы ситуационной семантики, предложенной Дж. Перри и Дж. Барвайсом. По крайней мере, близкую идею коммуникативного поворота интерпретацию их программы предлагает А.Ю. Моисеева [5].

ную семантическую группу именно на основании своей коммуникативной роли в определённых контекстах – то есть служить средством референции к самому себе – вследствие чего можно говорить о том, что их значения, по крайней мере в одном из аспектов, совпадают¹⁶.

Литература

1. Золян С. О «переносном» употреблении местоимения «я» (на материале русского языка) // Chuzhdoezikovo Obuchenie – Foreign Language Teaching. 2024. Vol. 51, № 4. Р. 491–498.
2. Касевич В.Б. Эллипсис и *pro-drop* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 3. С. 315–323.
3. Куслий П.С. Субъект и время в проблематике современной философии языка // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 1. С. 130–148.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.
5. Мусеева А.Ю. Контекстные роли в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри. Путь к значению через эпистемологию и прагматику // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 49–63.
6. Падучева Е.А. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
7. Падучева Е.А. Эгоцентрические языковые единицы [Электронный ресурс] // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). URL: http://rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы#вторичные-и-52 (дата обращения: 18.11.2024).
8. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986.
9. Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Г. Фреге Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова, под. ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.

¹⁶ Безусловно, сторонники «чистой семантики», чьё внимание сосредоточено именно на условии-истинностном аспекте значений выражений, могут возразить, что весь коммуникативный поворот в семантике просто сводится к её «загрязнению» прагматикой. Однако такое возражение, по сути, возвращает нас обратно к проблеме разграничения семантических и прагматических аспектов значения выражений – проблеме, от которой те, кто фактически «стоит» за этим коммуникативным поворотом, и стремились избавиться. На мой взгляд, такой шаг назад может быть оправдан только в том случае, если будет показана очевидная несостоятельность результатов исследований, проводимых в рамках коммуникативной парадигмы, что с учётом появления новых формальных подходов к моделированию значения видится мне крайне маловероятным.

10. Boër S., Lycan W. Who, Me? // *The Philosophical Review*. 1980. Vol. 89, № 3. P. 427–466.
11. Brown L. Contrasts between Japanese and Korean Honorifics // *Rivista degli Studi Orientali*. 2008. Vol. 81. P. 369–385.
12. Campbell J. What Is It to Know What «I» Refers to? // *The Monist*. 2004. Vol. 87, № 2. P. 206–218.
13. Cappelen H., Dever J. *The Inessential Indexical: On the Philosophical Insignificance of Perspective and the First Person*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
14. Castaneda H.-N. «He»: A Study on the Logic of Self-consciousness // *Ratio*. 1966. Vol. 8. P. 130–157.
15. Collins C., Postal P.M. *Imposters. A Study of Pronominal Agreement*. Cambridge, MA: MIT, 2012.
16. Corazza E., Dokic J. On the Cognitive Significance of Indexicals // *Philosophical Studies*. 1992. Vol. 66, № 2. P. 183–196.
17. Davis W.A. Indexicals and *De Se* Attitudes // *Attitudes De Se: Linguistics, Epistemology, Metaphysics* / Ed. by N. Feit, A. Capone. Stanford, CA: CSLI, 2013.
18. Dummett M. *Frege: Philosophy of Language*. London: Duckworth, 1973.
19. Harris D.W. The History and Pre-History of Natural Language Semantics // *Innovations in the History of Analytical Philosophy* / Ed. by S. Lapointe, C. Pincock. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 149–194.
20. Hinzen W., Schroeder K. Is “the First Person” a Linguistic Concept Essentially? // *Journal of Consciousness Studies*. 2015. Vol. 22, № 11–12. P. 149–179.
21. Jaszczolt K. *Meaning in Linguistic Interaction: Semantics, Metasemantics, Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
22. Jaszczolt K., Witek M. Expressing the Self: From Types of *De Se* to Speech-act Types // *Expressing the Self: Cultural Diversity and Cognitive Universals* / Ed. by M. Huang, K.M. Jaszczolt. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 187–221.
23. Kaplan D. *Demonstratives* // *Themes from Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
24. Magidor O. The Myth of Indexicals // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29. P. 249–283.
25. Moltmann F. Generalized Detached Self-Reference and the Semantics of Generic *One* // *Mind & Language*. 2010. Vol. 25, № 4. P. 440–473.
26. Moltmann F. Generic *One*, Arbitrary *PRO*, and the First Person // *Natural Language Semantics*. 2006. Vol. 14. P. 257–281.
27. Moltmann F. *Natural Language Ontology* // *The Routledge Handbook of Metametaphysics* / Ed. by R. Bliss, J.T.M. Miller. Abington, New York: Routledge, 2021. P. 325–338.
28. Pekelis O.E. Expletives, Referential Pronouns and Pro-drop: The Russian Extraposition Pronoun *Èto* in Light of the English *It* and the German *Es* // *Lingua*. 2018. Vol. 203. P. 66–101.
29. Perry J. *Myself and I* // *Philosophie in Synthetischer Absicht (A festschrift for Dieter Heinrich)*; ed. by M. Stamm. Stuttgart: Klett-Cotta, 1998. P. 83–103. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998c.pdf> (дата обращения: 18.11.2024).
30. Perry J. The Problem of the Essential Indexical // *Noûs*. 1979. Vol. 13. P. 3–21.

31. *Shaw J.R.* De Se Exceptionalism and Frege Puzzles // *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 6. P. 1057–1086.
32. *Shibatani M.* Honorifics // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Second Edition. Vol. 5 / Ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 381–390.
33. *Thiel U.* The Early Modern Subject. Self-consciousness and Personal Identity from Descartes to Hume. Oxford: Oxford University Press, 2011.
34. *Wechsler S.* What “You” and “I” Mean to Each Other: Person Indexicals, Self-Ascription, and Theory of Mind // *Language*. 2010. Vol. 86, № 2. P. 332–365.
35. *Wettstein H.* The Magic Prism: An Essay in the Philosophy of Language. Oxford: Oxford University Press, 2004.
36. *Whales K.* Personal Pronouns in Present Day English. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
37. *Zobel S.* Impersonally Interpreted Personal Pronouns. Doctoral Dissertation, University of Göttingen, 2014.
38. *Zobel S.* The Impersonal Use of German 1st Person Singular Ich // *Linguistic Inquiry*. 2023. Vol. 54, № 2. P. 378–394.

References

1. *Zolyan, S.O.* (2024). О “perenosnom” upotreblenii mestoimeniya “ya” (na materiale russkogo yazyka) [On the “figurative” use of the pronoun I (based on the material of the Russian language)]. In: *Chuzhdoezikovo Obuchenie* [Foreign Language Teaching], 51 (4), 491–498. (In Russ).
2. *Kasevich, V.B.* (2014). Ellipsis i pro-drop [Ellipsis and pro-drop]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistsheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies], 10 (3), 315–323. (In Russ).
3. *Kusliy, P.S.* (2022). Sub'yekt i vremya v problematike sovremennoy filosofii yazyka [Subject and time in the issues of contemporary philosophy of language]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. 27 (1), 130–148. (In Russ).
4. *Maytinskaya, K.E.* (1969). Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem [Pronouns in languages of different systems]. Moskva, Nauka.
5. *Moiseeva, A.Yu.* (2023). Kontekstnye roli v situatsionnoy semantike Dzh. Barvaiza i Dzh. Perry [Contextual roles in J. Barwise and J. Perry’s situation semantics]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 75, 49–63. (In Russ).
6. *Paduchyeva, E.A.* (2011). Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiya govoryashchego [Egocentric valencies and the deconstruction of the speaker]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 3, 3–18. (In Russ).
7. *Paduchyeva, E.A.* Egotsentricheskie yazykovye edinitsey [Egocentric linguistic elements] [Electronic resource]. In: *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Materials for the project of corpus description of Russian grammar].

URL: http://rusgram.ru/Эгоцентрические_языковые_единицы#вторичные-и-52 (data of access: 18.11.2024).

8. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolutizma* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. Volume 4. Legislation of the period of the establishment of absolutism]. Moskva, Yuridicheskaya literatura. 1986. (In Russ).

9. Frege, G. (2000). Mysl'. Logicheskoye issledovaniye [The thought. A logical inquiry]. In: Frege, G. Logika i logicheskaya semantika [Logic and Logical Semantics]. Moskva, Aspekt Press, 326–342. (In Russ).

10. Boër, S., Lycan, W. (1980). Who, Me? The Philosophical Review, 89 (3), 427–466.

11. Brown, L. (2008). Contrasts between Japanese and Korean Honorifics. Rivista degli Studi Orientali, 81, 369–385.

12. Campbell, J. (2004). What Is It to Know What «I» Refers to? The Monist, 87 (2), 206–218.

13. Cappelen, H., Dever, J. (2013). The Inessential Indexical. On the Philosophical Insignificance of Perspective and the First Person. Oxford, Oxford University Press.

14. Castaneda, H.-N. (1966). “He”: A Study on the Logic of Self-consciousness. Ratio, 8, 130–157.

15. Collins, C., Postal, P.M. (2012). Imposters. A Study of Pronominal Agreement. Cambridge, MA, MIT.

16. Corazza, E., Dokic, J. (1992). On the Cognitive Significance of Indexicals. Philosophical Studies, 66 (2), 183–196.

17. Davis, W.A. (2013). Indexicals and *De Se* Attitudes. In: Feit, N., Capone, A. (Eds.). *Attitudes De Se: Linguistics, Epistemology, Metaphysics*. Stanford, CA, CSLI, 2013, 29–58.

18. Dummett, M. (1973). Frege: Philosophy of Language. London, Duckworth.

19. Harris, D.W. (2017). The History and Pre-History of Natural Language Semantics. In: Lapointe, S., Pincock, C. (Eds.). *Innovations in the History of Analytical Philosophy*. London, Palgrave Macmillan, 149–194.

20. Hinzen, W., Schroeder, K. (2015). Is “the First Person” a Linguistic Concept Essentially? Journal of Consciousness Studies, 22 (11–12), 149–179.

21. Jaszczolt, K. (2016). Meaning in Linguistic Interaction: Semantics, Metasemantics, Philosophy of Language. Oxford, Oxford University Press.

22. Jaszczolt, K., Witek, M. (2018). Expressing the Self: From Types of *De Se* to Speech-act Types. In: Huang, M., Jaszczolt, K. M. (Eds.). *Expressing the Self: Cultural Diversity and Cognitive Universals*. Oxford, Oxford University Press, 187–221.

23. Kaplan, D. (1989). Demonstratives. In: Almog, J., J., Perry & H., Wettstein (Eds.). *Themes from Kaplan*. Oxford, Oxford University Press, 481–563.

24. Magidor, O. (2015). The Myth of Indexicals. Philosophical Perspectives, 29, 249–283.

25. Moltmann, F. (2010). Generalized Detached Self-Reference and the Semantics of Generic *One*. Mind & Language, 25 (4), 440–473.

26. Moltmann, F. (2006). Generic *One*, Arbitrary *PRO*, and the First Person. Natural Language Semantics, 14, 257–281.

27. Moltmann, F. (2021). Natural Language Ontology. In: Bliss, R., Miller, J.T.M. (Eds.). *The Routledge Handbook of Metametaphysics*. Abington, New York, Routledge, 325–338.
28. Pekelis, O.E. (2018). Expletives, Referential Pronouns and Pro-drop: The Russian Extraposition Pronoun *Éto* in Light of the English *It* and the German *Es*. *Lingua*, 203, 66–101.
29. Perry, J. (1998). Myself and I. In: Stamm, M. (Ed.). *Philosophie in Synthetischer Absicht* (A festschrift for Dieter Heinrich). Stuttgart, Klett-Cotta, 83–103. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998c.pdf> (access date: 18.11.2024).
30. Perry, J. (1979). The Problem of the Essential Indexical. *Noûs*, 13, 3–21.
31. Shaw, J.R. (2019). *De Se* Exceptionalism and Frege Puzzles. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy*, 6, 1057–1086.
32. Shibatani, M. (2006). Honorifics. In: Brown, K. (Ed.). *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Second Edition. Vol. 5. Oxford, Elsevier, 381–390.
33. Thiel, U. (2011). The Early Modern Subject. Self-consciousness and Personal Identity from Descartes to Hume. Oxford, Oxford University Press.
34. Wechsler, S. (2010). What “You” and “I” Mean to Each Other: Person Indexicals, Self-Ascription, and Theory of Mind. *Language*, 86 (2), 332–365.
35. Wettstein, H. (2004). *The Magic Prism: An Essay in the Philosophy of Language*. Oxford, Oxford University Press.
36. Whales, K. (1996). *Personal Pronouns in Present Day English*. Cambridge, Cambridge University Press.
37. Zobel, S. (2014). *Impersonally Interpreted Personal Pronouns*. Doctoral Dissertation, University of Göttingen.
38. Zobel, S. (2023). The Impersonal Use of German 1st Person Singular Ich. *Linguistic Inquiry*, 54 (2), 378–394.

Информация об авторе

Козырева Ольга Александровна – Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет (620000, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51).

olga.kozyreva@urfu.ru

Information about the author

Kozyreva, Olga Aleksandrovna – Ural Federal University (620000, 51, Lenin Ave., Ekaterinburg, Russia).

olga.kozyreva@urfu.ru

Дата поступления 08.08.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 51: 101.8

DOI: 10.15372/PS20250304

EDN: IZRHLR

В.М. Резников

ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИЕ НЕТЬЮРИНГОВЫ МАШИНЫ В ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ И ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАТИКИ

Как известно, машина Тьюринга, разработанная задолго до появления компьютеров, не была предназначена для учета взаимодействий программ, компьютеров и других устройств. Однако работа Интернета и искусственного интеллекта предполагает различные виды взаимодействий. В современной информатике были созданы различные модели, учитывающие взаимодействия. В статье я исследовал модели расширенных машин Тьюринга и расширенных алгоритмов с целью определения адекватности модели машины Тьюринга для описания и решения проблем, с которыми справляются эти модели. Я показал, что расширенные машины Тьюринга корректно описывают поведение модели Тьюринга и успешно решают задачи, с которыми она справляется. Кроме того, в статье я описал задачу по управлению машиной Тьюринга движением автомобиля, управляемого роботом. Она не справляется с этой задачей, но расширенные модели Тьюринга обеспечивают ее решение. Однако формального доказательства о том, что машины Тьюринга не справляются с проблемами, решаемыми расширенными машинами Тьюринга, пока нет. Поэтому вопрос о строгом соотношении возможностей машин Тьюринга и расширенных машин Тьюринга остается открытым.

Ключевые слова: Модель Тьюринга; интерактивные вычисления; расширенная машина Тьюринга; расширенная модель алгоритмов; философия информатики

V.M. Reznikov

**INTERACTING NON-TURING MACHINES
IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AND THE PHILOSOPHY OF INFORMATICS**

As is known, the Turing machine, developed long before the advent of computers, was not intended to take into account the interactions of programs, computers and other devices. However, the operation of the Internet and artificial intelligence involves different types of interactions. In modern computer science, various models have been created that take interactions into account. In this paper, I examined models of extended Turing machines and extended algorithms to determine whether the Turing machine model is adequate to describe and solve the problems that these models can handle. I showed that extended Turing machines correctly describe the behavior of the Turing model and successfully solve the problems that it can handle. Also, in the article I described the problem of controlling the movement of a car driven by a robot by a Turing machine, it does not cope with this problem, but extended Turing models provide a solution to it. Therefore, the question of the strict relationship between the capabilities of Turing machines and extended Turing machines remains open.

Keywords: Turing model; interactive computing; extended Turing machine; extended model of algorithms; philosophy of computer science

Специалисты в области информатики выделяют несколько этапов в развитие этой дисциплины. Так, на ее первом этапе основное внимание уделяется проблемам, относящимся к вычислительной математике. На втором этапе происходит расширение сферы интересов и наряду с исследованиями в области научных вычислений осуществляется освоение и развитие другой области приложений, относящейся к символьным вычислениям, которые имеют принципиальное значение для создания баз данных. Как отмечает известный специалист в области информатики Ф. Арбаб, модель Тьюринга была вполне адекватной для первых двух периодов развития компьютерной дисциплины [3, р. 10]. Эти два периода относятся к сфере последовательного программирования, и в этой области компьютер имеет минимальное взаимодействие с другими устройствами, так как сначала он получает входные данные для вычислений, а в конце работы он передает последующему компьютеру полученные результаты. Одна-

ко на третьем этапе, который называют итерационным этапом или этапом взаимодействия, ситуация радикально изменяется, потому что компьютеры вступают в многочисленные взаимодействия с другими компьютерами или иными устройствами [3]. В рамках итерационного этапа информатики известно несколько направлений исследований, в которых изучается генезис свойства итерационных взаимодействий компьютеров, механизмы моделирования машины Тьюринга и обратная задача по описанию работы итерационных моделей в модели Тьюринга. В настоящей статье я проанализировал полученные результаты в рамках этих направлений, и кроме того, я провел анализ адекватности философии эмпиризма для исследований в области информатики.

Отметим, что впервые обратил внимание на принципиальное отличие итерационных вычислений от последовательных вычислений, известный специалист в области информатики, и, в частности, в параллельном программировании Р. Милнер при получении престижной премии Тьюринга. Он писал, что логика работы современных компьютеров соответствует модели Тьюринга, причем последняя была создана Тьюрингом еще до появления реальных вычислительных машин [2]. Поэтому непрерывное усложнение решаемых проблем с помощью вычислительной техники, относящихся к согласованию работы различных компьютеров, и, в частности, к параллельным вычислениям, приводит к необходимости создания новой модели работы компьютеров, которая не является усовершенствованной моделью последовательного и алгоритмического программирования [10]. Мысль Милнера о необходимости новой логики для описания работ взаимодействующих компьютеров была реализована им в специально разработанном для этой цели, так называемом пи-исчислении, а впоследствии на основе его исчисления был разработан язык программирования под названием Пикт.

Вклад Милнера является существенным в выделении интерактивного программирования, как отдельного направления в информатике, так в ряде публикаций он сформулировал ряд специфических особенностей параллельных вычислений, которые не являются присущими последовательному программированию. На основе этих публикаций в работе [9] приведен результат сопоставительного анализа свойств, которыми обладают модели последовательного и параллельного про-

граммирования. Во-первых, машина Тьюринга исполняет алгоритм решаемой проблемы, однако новая модель работы компьютерной техники, в противовес жесткому предписанию работы под управлением машины Тьюринга, предполагает описание информационного потока между различными компьютерами. Во-вторых, решение любой проблемы по модели Тьюринга имеет иерархическую структуру, а в моделях взаимодействия решение, как правило, имеет гетерогенную структуру. В-третьих, поведение исполняемых программ по модели Тьюринга имеет детерминистский характер, напротив, в итерационной модели заранее неизвестно, когда компьютеры, решающие проблему, будут активированы. В-четвертых, в алгоритмической модели Тьюринга в решении любой задачи выделяются три этапа: начало ее решения, основной блок решения и конец решения. В модели взаимодействия нет выделенного этапа окончания решения, и в любой момент времени возможно взаимодействие агентов, решающих проблему, а также внешнее воздействие на вычислительную систему. Необходимо отметить, что практика применения компьютеров в инженерных, экономических и других приложениях привела к пониманию принципиального отставания научных теорий от запросов практических исследований и оказалась значимым фактором для учета взаимодействия в теориях Р. Милнера, П. Вегнера и других создателей итерационной парадигмы программирования. Однако в создаваемых теоретиками концепциях, по-разному определяется место физических компьютерных устройств. Так, Милнер считал, что нет необходимости в полном учете особенностей работы компьютеров в моделях взаимодействия, потому что взаимодействие программ отличается большой гибкостью, например, одни программы могут замещаться другими, в то же время связи компьютерных устройств редко имеют динамический характер. Авторы работы [5] критикуют недооценку Милнером учета базовых свойств компьютерных устройств в моделях взаимодействия в информатике. Кроме того, они отмечают, что Милнер в своем докладе в связи с получением премии Тьюринга показал редуцируемость алгоритмов, описывающих работы машины Тьюринга к модели итерационных взаимодействий, однако он не предъявил доказательства о сводимости или несводимости модели взаимодействия к модели Тьюринга.

Реактивные системы

Другое значимое направление информатики, направленное на исследование взаимодействий в информатике, известно под названием реактивных систем [8]. Реактивные системы состоят из реактивных компьютеров, а реактивные компьютеры – это компьютеры, взаимодействующие с другими компьютерами и иными внешними устройствами. В рамках этого направления активно изучается адекватность модели Тьюринга и тезиса Тьюринга для исследований интерактивных взаимодействий. Мотивацией для выделения этого направления является то, что модель Тьюринга не обладает несколькими характеристиками присущими реактивным компьютерам. Несмотря на то, что эти свойства, близки тем, которые ранее были сформулированы Милнером с целью указания уникальности интерактивных взаимодействий, имеет смысл описать характеристики, указываемые представителями реактивных систем, так как последние весьма специфичны. Приведу три основные характеристики реактивных систем. Во-первых, программное обеспечение реактивных систем состоит из неоднородных программ. Неоднородные программы – это такие программы, которые могут быть изменены во время работы, кроме того, аппаратура, реализующая реактивные системы, тоже может подвергаться тому, что называется на языке технарей апгрейду. Необходимо отметить, что ранее введенные данные, необходимые для работы реактивного компьютера, сохраняются и после выключения этого компьютера. Во-вторых, реактивные компьютеры взаимодействуют друг с другом и с внешней средой в реальном времени, причем моменты взаимодействий заранее неизвестны и не могут быть запрограммированы. В-третьих, реактивные системы работают непрерывно в течение определенного времени, причем критерий остановки системы не задается заранее, а ее физическая остановка реализуется по запросу внешней среды. В рамках направления реактивных систем популярным является обсуждение вопроса о том, какие необходимы расширения модели Тьюринга для того, чтобы расширенная модель стала адекватной для исследований интерактивных компьютерных систем. При этом не считается, что расширение модели Тьюринга противоречит тезису Черча – Тьюринга, так как последний был предназначен для оценивания эффективности модели Тьюринга при реа-

лизации алгоритмов, а реактивные системы наряду с алгоритмическими проблемами решают и неалгоритмические проблемы по взаимодействию компьютеров друг с другом и с внешней средой. Минимальные расширения модели Тьюринга предполагают ее оснащение механизмом по изменению программ и компьютерных устройств, а также дополнительным вводом для нечисловой информации, в некоторых случаях реализация расширений предполагает участие оракулов.

Идеи интерактивного взаимодействия в работах П. Вегнера и Д. Гольдин

Еще одно направление, которое возникло в качестве реакции на учет проблемы взаимодействий компьютеров между собой и с внешней средой, известно под названием интерактивных взаимодействий. Основателем этого направления является П. Вегнер, выдающийся исследователь в области компьютерной науки [12]. Если мотивацией для двух ранее рассмотренных в моей статье направлений исследований в области взаимодействий компьютеров с внешней средой и друг с другом являлись исследования в области параллельного программирования, то для Вегнера и его последователей мотивацией являлась идея взаимодействия как таковая в области информатики. Их теория учитывает и разрабатывает проблемы взаимодействия, которые связаны с параллельным программированием, робототехникой, Интернетом, искусственным интеллектом и т.д. Кроме того, по сравнению с ранее рассмотренными подходами к проблеме взаимодействия, направление Вегнера оказывается более радикальным. Так, в публикациях Вегнера, Гольдин и других защищается тезис о неполном соответствии машины Тьюринга для исследований интерактивных взаимодействий в области информатики и соответственно о некорректности тезиса Черча – Тьюринга за пределами алгоритмических вычислений. Вегнер и Гольдин обосновывают, что их теория не противоречит тезису Черча – Тьюринга, так как область применимости последнего ограничена исключительно реализацией алгоритмов, а использование интерактивных вычислений не ограничено исполнением алгоритмов [4]. Напомним определение алгоритмов знаменитого специалиста в области информатики Д. Кнута. Так, соглас-

но Кнуту, алгоритм — это однозначная, строго определенная последовательность действий, которая не предполагает ввода исходных данных либо опирается на их однократный ввод. У Вегнера и Гольдин нет формального доказательства неадекватности тезиса Черча — Тьюринга в контексте приложений к интерактивным взаимодействиям, но они привели много вполне убедительных примеров для неформального обоснования неадекватности этого тезиса. Их примеры относятся к программированию, жизни социума, кулинарии и т.д. Я приведу некоторые их примеры, не имеющие алгоритмического описания. Так, по справедливому мнению Вегнера и Гольдин, договоры о купле и продаже, как правило, вполне поддаются алгоритмизации, однако с брачными контрактами ситуация совершенно другая: последние в подавляющем числе случаев не могут быть полностью алгоритмизированы. Также процесс приготовления блюд, за исключением самых несложных, тоже не поддается алгоритмическому описанию. Приведу яркий пример Вегнера и Гольдин о возможности машины Тьюринга управлять движением автомобиля, пилотируемого роботом. Какая нужна информация машине Тьюринга для управления автомобилем? Для этого необходимо знать в каждый момент времени координаты движущегося автомобиля, обстановку на дороге, поведение пешеходов, скорость и направление ветра, положение других движущихся автомобилей на дороге и на основании этого определять направление и скорость его движения. А так как невозможно заранее спрогнозировать параметры управления движением, поэтому функциональных возможностей модели Тьюринга недостаточно для управления движением. Каково должно быть расширение функций машины Тьюринга для того, чтобы она могла обеспечить управление автомобилем? Минимальное расширение предполагает использование камеры для наблюдения за движением, устройства связи с внешним миром для получения информации о погодных условиях и устройства ввода информации. Теперь обратимся к работе программ, входящих в операционную систему, интернет или искусственный интеллект. Они взаимодействуют с внешней средой, способны в ходе работы получать новые данные, изменять их, при этом программы работают непрерывно в течение длительного промежутка времени, и у них нет этапа окончания работы, поэтому, следуя Вегнеру, работа программ операционной системы, искусственного ин-

теллекта и Интернета не может быть полностью алгоритмизирована. Таким образом, Вегнер и представители направления взаимодействия машин Тьюринга показали, что машина Тьюринга не вполне адекватна для решения задач по моделированию взаимодействия вычислительных устройств с внешней средой. В связи с этим возникает естественный вопрос: каковы необходимые минимальные усовершенствования машин Тьюринга с целью использования их как взаимодействующих машин?». Решение этого вопроса в работе Вегнера и Гольдин основано на понятии машины с памятью, которое было ранее введено Гольдин [4]. Машина с памятью, по Гольдин, является недетерминистской, трехленточной машиной. Одна лента предназначена для ввода информации, другая для печати результатов работы, третья – это рабочая лента, снабженная памятью, она предназначена для вычислений с использованием ранее полученных и хранящихся в памяти результатов. Схема работы интерактивной машины с памятью такова: на каждом шаге работы на бесконечной ленте для ввода информации выбирается строка символов v_i , и она преобразуется в выводную строку символов w_i , при этом формируется строка перемежающихся символов $\{(v_1, w_1), (v_2, w_2), \dots\}$. Эта строка представляет собой наблюдаемое поведение работы взаимодействующей машины с памятью. За счет памяти, которой обладает рабочая лента, ее содержимое влияет как на текущие вычисления, так и на результаты предыдущих вычислений. При этом, как отмечают Вернер и Гольдин, содержимое рабочей ленты не является доступным посторонним наблюдателям. В результате исследований было показано, что минимальное расширение машины Тьюринга с целью применения ее для моделирования взаимодействий заключается в необходимости наделения этой машины рабочей лентой с памятью. На основе таких преобразований модифицированная машина способна изменять поступающую информацию и обрабатывать ее. Одна из реакций на восприятие ограничительных результатов Геделя, Тьюринга, Вегнера и Гольдин состояла в разработке понятия строгого тезиса Черча – Тьюринга. Однако, прежде чем сформулировать это понятие, уместно привести определения понятий, как ранее использованных (например, машина Тьюринга), так и тех, что будут использованы несколько позже (в частности, тезис Черча – Тьюринга и некоторые другие).

Анализ некоторых базовых понятий в области вычислимости

Машина Тьюринга – это мыслимая концепция вычислительного устройства, созданного Тьюрингом с целью подтверждения его гипотезы об отрицательном решении десятой проблемы Гильберта. Теперь остановимся на определении тезиса Черча – Тьюринга, однако сначала отметим, что история названия данного тезиса изложена в работе [2]. Тезис Черча – Тьюринга имеет следующую формулировку: машина Тьюринга адекватна для эффективных вычислений частично рекурсивных функций. В этом тезисе подразумевается, что речь идет об алгоритмических вычислениях. Алгоритм – это множество понятных, однозначно понимаемых инструкций, которые способно выполнить физическое устройство. В контексте тезиса Черча – Тьюринга имеет место семантическое равенство между понятиями эффективная вычислимость и алгоритмическая вычислимость. Еще одно важное понятие – это физический принцип Черча – Тьюринга. Функция эффективно вычислима физической системой тогда и только тогда, когда она вычислима на машине Тьюринга [4]. Это определение критикуется в ряде работ, так как в исходной формулировке принципа речь идет об абстрактном вычислителе без конкретизации его природы, а не о произвольном физическом устройстве [4]. Теперь перейдем к определению строгого тезиса Черча – Тьюринга.

Строгий тезис Черча-Тьюринга утверждает, что каждое эффективное вычисление может быть выполнено машиной Тьюринга [4]. Это определение критикуется сторонниками взаимодействующих машин Тьюринга, так как работа машин Тьюринга ограничена вычислением алгоритмов, а существует множество ситуаций, которые не могут быть полностью алгоритмизированы [6, р. 19].

Теперь несколько слов о восприятии направления интерактивных взаимодействий Вегнера. Это направление критикуется, потому что окончательно не определено как соотносятся множества описываемых и решаемых проблем на основе машин Тьюринга и расширенных машин Тьюринга. Дело в том, что Вегнером и Гольдин строго показано, что в рамках расширений машины Тьюринга выразимы и решаемы все проблемы, которые доступны машине Тьюринга. Однако у Вегнера нет строгого доказательства того, что с проблемами, вы-

разимыми и решаемыми на расширенной машине Тьюринга, машина Тьюринга не способна справиться. Как известно, одной из тенденций информатики является не только создание новых расширений машин Тьюринга, но и расширение алгоритмов. В частности, известный логик и специалист в области информатики Ю. Гуревич создал специальный вариант расширенных алгоритмов, в котором принципиально описаны и решены проблемы, с которыми справляется машина Гольдин. Однако представители направления интерактивных взаимодействий не представили доказательства о выразимости и решении проблем, с которыми справляется теория алгоритмов Гуревича [7]. Таким образом, вопрос о соотносительной эффективности расширенных машин Тьюринга и расширенных алгоритмов остается открытым.

Отметим, что публикации Вегнера представляют интерес для философски-ориентированных исследователей, так как он характеризует созданную им с коллегами теорию взаимодействующих машин как плодотворный сдвиг исследований в информатике и вообще в науке от рационализма к эмпиризму. В связи с этим представляется актуальным вопрос о выявлении наиболее адекватной философской теории для научных исследований в области информатики. Известно, что информатика – это синтез математики (прежде всего логики) и инженерии. Вегнер, основатель теории взаимодействующих машин Тьюринга, увлекался философией и в студенческие годы получил достаточно серьезную философскую подготовку. В ряде статей он корректно показал, что в философском отношении его теория демонстрирует плодотворность перехода от философии рационализма к философии эмпиризма. Однако в совместной статье Вегнер и Гольдин предприняли попытку обоснования универсальности философии эмпиризма для развития и применения знания в науке и социальной жизни [4]. Обоснование эмпиризма построено на критике несовершенств в достижениях рационалистов в науке, философии и теологии. Так, критикуется чистая математика, так как, по мнению, Вегнера и Гольдин, она верна априори и создана рационалистами. В частности, критикуется программа Гильберта, так как Д. Гильберт был рационалистом, а его программа не была выполнена полностью вследствие результатов критического характера, полученных Геделем и Тьюрингом. Отмечу непоследовательность критики Вегнера и Гольдин: так, они высоко оценивают вышеупомянутые результаты

Тьюринга и Геделя, характеризуя их как эмпирические достижения, хотя бесспорно, что теоремы Геделя о неполноте являются чисто математическими результатами, а Гедель был платоником, и, следовательно, рационалистом. Отмечу, что с защищаемым Вегнером эмпиризмом (даже если ограничиться только наукой) связаны не только достижения, но и неудачи. Так, обратимся к влиятельной эмпирической концепции логического эмпиризма. Известно, что А. Эйнштейн связывал свои достижения в области частной теории относительности с плодотворным влиянием Э. Маха и еще больше Д. Юма [11]. Однако не всегда следование эмпиризму оказывало положительное влияние как на понимание достижений в области физики, так и на собственные открытия в этой области. Известно, что Мах не смог согласиться с открытием атомов, так как оно было получено не на основе чисто экспериментальных исследований. В книге нобелевского лауреата С. Вайнберга приведен пример, когда следование позитивизму не позволило физiku В. Кауфманну стать автором нового открытия электрона [2]. Очевидно, что эмпиризм не является универсальной философией для науки, однако остается актуальным вопрос о наиболее адекватной философской теории для приложений активно развивающихся областей знания, в частности, искусственного интеллекта, статистики и некоторых других.

Заключение

Статья показывает, что одной из тенденций современной информатики является создание и совершенствование теорий расширенных машин Тьюринга и расширенных алгоритмов. Дело в том, что в конце прошлого столетия машины Тьюринга оказались не вполне адекватными для решения ряда проблем информатики: в области параллельных вычислений, Интернета и искусственного интеллекта. Как известно, машины Тьюринга адекватны для исполнения алгоритмов, а вышеперечисленные области информатики предполагают описание и решение проблем, связанных с взаимодействием компьютеров друг с другом, с другими устройствами и с внешней средой. Причем решение этих проблем выходит за рамки возможностей алгоритмизации. Статья показывает, что для решения этих проблем адекватными являются расширения машин Тьюринга: взаимодействующие

нетьюринговые машины Гольдин и расширения концепций алгоритмов, в частности, теории взаимодействующих алгоритмов Гуревича.

Кроме того, я проанализировал философские основания моделей взаимодействия информатики и показал доминирование эмпиризма в основаниях этой области информатики. В работе я критикую на примере физики статус универсальной адекватности любой философской теории для специальных областей знания. Тем самым я показал актуальность по созданию философских теорий, предназначенных для обоснования корректного применения знания в области информатики.

Литература

1. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. *Целищев В.В.* История тезиса Черча // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. Т. 1. С. 3–8.
3. *Arbab F.* Computing and Interaction // *Interactive Computation: the New Paradigm* / Eds. by D. Goldin, S. Smolka, P. Wegner. Springer-Verlag, 2006.
4. *Goldin D.* Persistent Turing machines as a model of interactive computation // *Foundations of Information and Knowledge Systems* / Eds. by D. Schewe, B. Thalheim. Springer, 2000.
5. *Goldin D., Wegner P.* Principles of Interactive Computation // *Interactive Computation: the New Paradigm* / Eds. by D. Goldin, S. Smolka, P. Wegner. Springer-Verlag, 2006.
6. *Goldin D., Wegner P.* The Interactive Nature of Computing: Refuting the Strong Church–Turing Thesis // *Minds & Machines*. 2008. Vol. 18. P. 17–38.
7. *Gurevich Y.* Interactive Algorithms 2005 with Added Appendix // *Interactive Computation: the New Paradigm* / Eds. by D. Goldin, S. Smolka, P. Wegner. Springer-Verlag, 2006.
8. *Leeuwen J., Wiedermann J.* A Theory of Interactive Computation // *Interactive Computation: the New Paradigm* / Eds. by D. Goldin, S. Smolka, P. Wegner. Springer-Verlag, 2006.
9. *Martin A., Magnaudet M., Conversy S.* Modelling interactive computing systems: Do we have a good theory of what computers are? // *Philosophical Problems in Science*. 2022. Vol. 73. P. 77–119.
10. *Milner R.* Elements of interaction: Turing Award Lecture // *Communications of the ACM*. 1993. Vol. 36 (1). P. 78–89. – URL: <https://doi.org/10.1145/151233.151240> (дата обращения: 21.08.2025).
11. *Norton J.* How Hume and Mach Helped Einstein Find Special Relativity // *Discourse on a new method* / Eds. by M. Domski, M. Dickson. Carus Publishing Company, 2010.
12. *Wegner P.* Towards Empirical Computer Science // *The Monist*. 1999. Vol. 1. P. 58–108.

References

1. *Weinberg, S.* (2004). *Mechty ob okonchatelnoi teoriii*. [Dreams of final theory]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.).
2. *Tselishchev, V.V.* (2009). *Istoriya tezisa Cherkha* [History of Church's thesis]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Human sciences in Siberia], Vol. 1, 3–8.
3. *Arbab, F.* (2006). Computing and Interaction. In: Goldin, D., Smolka, S., Wegner, P. (Eds.). *Interactive Computation: the New Paradigm*. Springer-Verlag.
4. *Goldin, D.* (2000). Persistent Turing machines as a model of interactive computation // *Foundations of Information and Knowledge Systems*. In: Schewe, D., Thalheim, B. (Eds.). Springer.
5. *Goldin, D., Wegner, P.* (2006). Principles of Interactive Computation. In: Goldin, D., Smolka, S., Wegner, P. (Eds.). *Interactive Computation: the New Paradigm*. Springer-Verlag.
6. *Goldin, D., Wegner, P.* (2008). The Interactive Nature of Computing: Refuting the Strong Church–Turing Thesis. *Minds & Machines*, 18, 17–38. DOI: 10.1007/s11023-007-9083-1.
7. *Gurevich, Y.* (2006). Interactive Algorithms 2005 with Added Appendix. In: Goldin, D., Smolka, S., Wegner, P. (Eds.). *Interactive Computation: the New Paradigm*. Springer-Verlag.
8. *Leeuwen, J., Wiedermann, J.* (2006). A Theory of Interactive Computation. In: Goldin, D., Smolka, S., Wegner, P. (Eds.). *Interactive Computation: the New Paradigm*. Springer-Verlag.
9. *Martin, A., Magnaudet, M., Conversy, S.* (2022). Modeling interactive computing systems: Do we have a good theory of what computers are? *Philosophical Problems in Science*, 73, 77–119.
10. *Milner, R.* (1993). Elements of interaction: Turing Award Lecture. *Communications of the ACM*, 36 (1), 78–89. Available at: <https://doi.org/10.1145/151233.151240> (date of access: 21.08.25).
11. *Norton, J.* (2010). How Hume and Mach Helped Einstein Find Special Relativity. In: Domski, M., Dickson, M. (Eds.). *Discourse on a new method*. Carus Publishing Company.
12. *Wegner, P.* (1999). Towards Empirical Computer Science. *The Monist*, 18, 58–108.

Информация об авторе

Резников Владимир Моисеевич – Институт философии и права СО РАН
(630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
mathphil1976@gmail.com

Information about the author

Reznikov, Vladimir Moiseevich – Institute of Philosophy and Law, SB RAS
(8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).
mathphil1976@gmail.com

Дата поступления 26.06.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 165:004.8

DOI: 10.15372/PS20250305

EDN: RYFNQL

А.А. Шевченко**НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ:
ОТ М. ПОЛАНИ ДО ALPHAZERO**

В статье анализируется концепция неявного знания, введенная М. Полани, и ее актуальность в современном научном и технологическом контексте. Рассматривается исторический фон идеи, ее эпистемологические последствия и социальное измерение коллективного неявного знания в науке. Особое внимание уделено проблеме «черного ящика» в искусственном интеллекте на примере эволюции шахматных алгоритмов от Deep Blue к AlphaZero, демонстрирующих переход от формализованного явного знания к непрозрачному неявному знанию. В статье подчеркивается, что неявное знание сохраняет ключевое значение для понимания природы научного познания и современных когнитивных систем.

Ключевые слова: неявное знание; эпистемология; философия науки; искусственный интеллект; «черный ящик»; коллективное знание; Deep Blue; AlphaZero; эпистемологический сдвиг

A.A. Shevchenko**TACIT KNOWLEDGE:
FROM M. POLANYI TO ALPHAZERO**

The article explores Michael Polanyi's concept of tacit knowledge and its relevance in contemporary scientific and technological contexts. It reviews the historical and epistemological background, the social dimension of collective tacit knowledge in science, and the challenges posed by the "black box" problem in artificial intelligence. Using the evolution of chess algorithms from Deep Blue to AlphaZero as a case study, the article illustrates the shift from explicit, formalized knowledge to opaque, tacit knowledge. It emphasizes the enduring

importance of tacit knowledge for understanding the nature of scientific practice and modern cognitive systems.

Keywords: tacit knowledge; epistemology; philosophy of science; artificial intelligence; “black box”; collective knowledge; Deep Blue; AlphaZero; epistemological shift

Исторический и эпистемологический контекст

Концепция неявного знания, представленная Майклом Полани в «Личностном знании» в 1958 г. [2] и детализированная в «Неявном измерении» в 1966 г. [7] долгое время оставалась на периферии аналитической эпистемологии. Уже само название первой монографии было вызовом идеалу объективности, к которому стремилась аналитическая философия, так как понятие «личное» воспринималось как синоним субъективного, эмоционального и ненадежного. А ключевое утверждение М. Полани «мы знаем больше, чем можем сказать», ставшее основным тезисом второй монографии [7], бросает вызов традиционным моделям знания как пропозиционального, верифицируемого и формализуемого. Оно указывает на существование познавательного опыта, который не может быть полностью передан в форме текста, правил или формул, такое знание реализуется в действиях, интуиции, практическом мастерстве.

Еще более фундаментально то, что традиционная наука со времен Просвещения строилась на идеалах прозрачности, воспроизводимости и объяснимости. Закон всемирного тяготения Ньютона предлагает элегантную и понятную математическую модель, которая не только предсказывает движение планет с высокой точностью, но и описывает силы, его вызывающие. Все параметры модели измеримы, а ее предсказания поддаются экспериментальной проверке. М. Полани же утверждал, что всякая форма знания, даже самая строгая наука, опирается на неформализуемый пласт компетенций, мастерства и личного участия.

Однако, хотя концепция неявного знания М. Полани и оставалась в тени, она все же не была проигнорирована полностью. Во-первых, в ней имеется очевидное сходство с различием Г. Райла между «знанием-как» (knowing-how) и «знанием-что» (knowing-that), суть которого изложена в книге «Понятие сознания» [3] и статье «Зна-

ние-как и знание-что» [9]. Г. Райл утверждал, что такое умение как, например, езда на велосипеде не сводится к знанию пропозициональных истин о равновесии и механике. Оно представляет собой автономную форму познания, которая не требует вербализации. Однако в аналитической традиции «знание-как» часто воспринималось как вторичное, производное от «знания-что», и это ограничивало его философскую значимость. М. Полани же претендует на преодоление этой дихотомии, утверждая, что неявное знание – не просто навык, а основание всякого познания. «Хотя неявное знание может существовать само по себе, явное знание должно опираться на неявное понимание и применение. Следовательно, всякое знание либо неявное, либо укоренено в неявном знании. Совершенно явное знание невозможно представить» [8, р. 144]. Это утверждение имеет радикальные последствия: оно ставит под сомнение саму возможность создания полностью формализованной науки, в которой все знание будет кодифицировано и доступно для логического анализа.

Другой причиной сохранения интереса к идее неявного знания было то, что если для аналитической эпистемологии она была маргинальной, то в философии науки ее влияние было более заметным. Идеи М. Полани имели параллели с работами Томаса Куна, особенно с понятием научной парадигмы, которое усваивается учеными через практику, а не через формальные правила. Ученый, работающий внутри парадигмы, обладает огромным пластом неявного знания о том, как ставить эксперименты и интерпретировать результаты. Это знание не зафиксировано в учебниках, но оно критически важно для функционирования науки [1, гл. 5].

Неявное знание в науке и его артикуляция

Идеи М. Полани стали по-настоящему востребованы лишь в последнюю четверть века с развитием социальной эпистемологии (которая изучает знание как коллективный феномен), эпистемологии добродетелей (которая смещает фокус с анализа убеждений на анализ познавательных способностей и навыков самого познающего субъекта) и, особенно, в связи с бурным развитием систем искусственного интеллекта, таких как глубокие нейронные сети и большие языковые модели.

Современные ИИ-системы, такие как AlphaFold (предсказание структуры белков) или Kepler (обнаружение экзопланет), в узкоспециализированных задачах демонстрируют эффективность, превосходящую человеческую. Однако их внутренняя логика принятия решений часто остается для нас недоступной, что затрудняет понимание, как и почему был получен конкретный результат. Эти модели обучаются на огромных массивах данных и формируют сложные паттерны, корреляции, веса связей, которые невозможно полностью интерпретировать. Это знание существует не в форме правил, а в форме распределенных числовых значений, что делает его аналогом неявного знания, описанного М. Полани.

Этот феномен получил название «проблема черного ящика» и породил целую область исследований – объяснимый ИИ (Explainable AI, XAI). Цель XAI – сделать «прозрачными» решения, принимаемые нейросетями, чтобы можно было их проверить, объяснить и доверять им. Однако до сих пор не существует универсального способа декодировать «мысли» глубокой нейронной сети. Это означает, что мы можем доверять результату, но не понимаем метода, что противоречит самой сути научного подхода.

«Неявность» и «непрозрачность» знания порождают сразу несколько проблем. Во-первых, это проблема верификации и доверия. Как мы можем доверять результату, механизм получения которого не понимаем? Наука всегда опиралась на критическую проверку и фальсификацию гипотез. Но как фальсифицировать «интуицию» машины? Мы можем проверить ее предсказания эмпирически (например, подтвердить структуру белка в лаборатории), но это оставляет сам метод познания в виде «черного ящика». Это и есть знание без понимания, что представляет собой кризис самой объяснительной модели, ведь главная цель науки – не только предсказывать, но и понимать мир. Опасность в том, что это может привести к появлению научных теорий, которые работают, но не имеют под собой ясной теоретической базы, понятной человеку. И, наконец, еще одна проблема связана с передачей знания. Если ключевые открытия совершаются с помощью неявного знания ИИ, как обучать следующее поколение ученых? Достаточно ли будет научить их «общаться» с ИИ-систе-

мами, задавая правильные вопросы и интерпретируя ответы, или же мы потеряем фундаментальное понимание самой сути научного поиска?

Центральная эпистемологическая проблема заключается в том, может ли неявное знание быть полностью эксплицировано. Как справедливо отмечается в статье, посвященной проблеме обоснования «недокументарного» знания: «Некоторые проблемы, с которыми мы сталкиваемся в связи с неявным знанием, с этой ситуацией “знать больше, чем можешь выразить словами”, заключаются в том, можно ли сделать неявное знание явным. Можно ли его кодифицировать как “знание-что” или информацию?» [4, р. 97].

Социальное измерение: коллективное неявное знание

Классическая интерпретация концепции М. Полани фокусируется на индивидуальном исследователе, подчеркивая личностный характер неявного знания как интуитивного, неартикулируемого компонента познания. Однако современная наука представляет собой в высшей степени коллективное предприятие, где знания генерируются, передаются и применяются в рамках социальных сетей, лабораторий и междисциплинарных команд. Это ведет к переосмыслению представлений о носителе неявного знания: общепринятым становится представление о коллективном субъекте такого знания, где неявное знание проявляется не только в индивидуальном сознании, но и в групповых практиках. В науке неявное знание может быть свойством не отдельного разума, а группы как единого целого, воплощенным в принятых научных практиках, распределенном труде и неформальных нормах взаимодействия. «Знание-как» может принадлежать всей лаборатории или организации, даже если ни один ее член по отдельности не способен полностью его изложить.

Это позволяет анализировать сложные научные коллаборации не как простую сумму индивидуальных знаний, а как единую эпистемическую систему. Такое знание служит необходимой основой как для явного знания, так и для самого существования научной практики. Именно фундаментальный характер и неустранимость неявного знания и подчеркивает М. Полани: «Провозглашенная цель совре-

менной науки – установить строго отстраненное, объективное знание. Любое отклонение от этого идеала принимается лишь как временный недостаток, который следует стремиться устранить. Но предположим, что неявная мысль является неотъемлемой частью всякого знания – тогда идеал устранения всех личностных элементов знания фактически будет означать стремление уничтожить все знание» [8, p. 20].

Социальная трактовка неявного знания радикально расширяет рамки, изначально заданные М. Полани. Такое знание перестает быть исключительно психологическим или феноменологическим свойством индивида. Оно становится организационным принципом устройства не только социальных институтов (в частности института науки), но и общества в целом. Общим примером «простого» коллективного неявного знания может служить езда на велосипеде в автомобильном потоке, где участники неосознанно координируют свои действия на основе неартикулируемых норм и ожиданий. Такое знание как бы «распределено» в обществе и фактически его организует [6, p. 26–27]. Оно не зафиксировано в правилах, но регулирует поведение. В рамках «социальной» интерпретации неявное знание – это не просто «еще не формализованное» знание, подлежащее экспликации. Напротив, социальный ракурс подчеркивает его принципиальную неформализуемость, поскольку оно встроено в динамику социальных отношений и культурных контекстов. Именно в социальном измерении неявное знание М. Полани эволюционировало от индивидуальных интуиций к коллективному феномену, интегрирующему эпистемологию с социологией науки. В эпоху глобальных коллабораций неявное знание становится ключом к пониманию того, как различные общества генерируют и поддерживают знания, выходя за пределы индивидуального опыта.

Эволюция шахматных алгоритмов: от явного знания к неявному

Хорошую возможность для более глубокого понимания этих проблем дает эволюция шахматных алгоритмов. Шахматы – идеальная модель для анализа эпистемологических трансформаций, так

как эта игра имеет четкие правила, но бесконечное множество стратегий, что делает ее одновременно формализуемой и интуитивной. Переход от систем, основанных на человеческой экспертизе, к системам, обучающимся «с чистого листа», является не просто технологическим скачком, а разворачивающимся эпистемологическим экспериментом, который вновь актуализирует классические проблемы философии науки, касающиеся природы знания, способов его обоснования и передачи. История шахматных алгоритмов прослеживается как переход от явных, формализованных процедур к системам, в которых «знание» материализуется в сложно организованных, но нечетко интерпретируемых весах и аксиомах, что очень похоже на интересующее нас неявное знание.

Важнейшая отправная точка здесь — знаменитая статья Клода Шеннона (1950 г.) [11], в которой он формулирует задачу «как программировать ЭВМ для игры в шахматы». Одно из ключевых утверждений: «Основной тезис нашей работы заключается в том, что современные универсальные компьютеры способны играть в шахматы на вполне приемлемом уровне благодаря использованию соответствующего алгоритма (или «программы») [11, р. 257]. Эта идея легла в основу всей классической шахматной программы. Эта статья задает и соответствующую рамку, в которой шахматы можно понимать как проблему формальной процедуры поиска и оценки позиций. К. Шеннон стремится редуцировать игру к набору алгоритмических правил: оценочным функциям, дереву поиска и эвристикам. Система IBM Deep Blue, победившая чемпиона мира по шахматам в 1997 г., стала вершиной парадигмы программирования, основанной на явном знании. Ее архитектура, несмотря на сложность, была эпистемологически прозрачной. Она опиралась на исчерпывающий перебор вариантов (*brute-force computation*) и оценочную функцию, которая представляла собой сложную систему эвристик, сформулированных гроссмейстерами.

Один из создателей Deep Blue, М. Кэмпбелл, описывал этот процесс как попытку формализовать интуицию экспертов: «Носителем шахматных знаний была оценочная функция. Она включала более 8000 параметров... Мы консультировались с гроссмейстерами, стремясь формализовать их знание в этих параметрах. Это, например,

параметры “безопасность короля” или “ладья на открытой вертикали”. При формировании оценочной функции для расширенного описания учитывается ряд факторов, в том числе частота или регулярность применения хода гроссмейстерами» [5, р. 67].

Таким образом, Deep Blue представлял собой систему, эпистемологический статус которой был полностью прозрачен. Его «знание» было совокупностью решений, внедренных человеком. Он не обладал автономным пониманием, а лишь с огромной скоростью применял заданные ему инструкции. Объяснение хода Deep Blue, в принципе, соответствовало дедуктивно-номологической модели научного объяснения Карла Гемпеля. Согласно этой модели, объяснить феномен – значит подвести его под общий закон. В случае Deep Blue «законами» выступали множество правил его оценочной функции (например, «ценность контроля над центром равна X », «безопасность короля равна Y »), а «начальными условиями» – конкретная позиция на доске. Ход дедуктивно выводился как оптимальный с точки зрения максимизации значения этой функции. Проблема была в сложности, а не в принципиальной непознаваемости. Deep Blue, таким образом, представлял собой попытку преобразовать неявное знание гроссмейстеров (стратегическую интуицию) в явные параметры (8000 формальных правил). Эта попытка, однако, демонстрирует и пределы формализации: даже 8000 параметров не смогли полностью «ухватить» шахматную интуицию (что доказал более поздний разгром Deep Blue версиями ИИ нового поколения).

Появление AlphaZero в 2017 г. стало радикальным разрывом с предыдущей парадигмой. В отличие от своих предшественников, AlphaZero не использовала человеческие эвристики или базы данных. Ее архитектура, основанная на обучении с подкреплением (reinforcement learning) и самоигре, позволила ей приобрести знание «с чистого листа». Как сообщали разработчики AlphaZero в основополагающей статье: «AlphaGo Zero обучается с чистого листа (*tabula rasa*), исключительно за счет самоигры, без использования человеческих данных, экспертных знаний или каких-либо априорных сведений, кроме базовых правил игры» [12, р. 354]. Знание AlphaZero не существует в виде набора артикулируемых правил. Система демонстрирует глубокое позиционное «понимание», но это понимание не

является дискурсивным. Оно представляет собой очень эффективное «знание-как» без соответствующего «знания-что» в его пропозициональной форме. Фактически, это искусственный аналог неявного знания М. Полани.

Такое знание стало примером того, что в современной эпистемологии называется «эпистемической непрозрачностью» (epistemic opacity). Непрозрачность AlphaZero не является просто следствием масштаба (хотя он и важен). Она является следствием природы его знания, которое не представлено в виде дискретных правил, а распределено по множеству числовых весов нейронной сети.

Авторы упомянутой статьи в *Nature* прямо заявляют, что AlphaZero достигла сверхчеловеческого уровня в шахматах за относительно короткий тренировочный период. Ее знание представляет собой содержательное, стратегическое понимание, близкое к человеческой интуиции. Оно не может быть передано в виде инструкций, но может быть усвоено через подражание, как в традиционной передаче неявного знания. Анализ стиля или манеры игры показывает, что стиль игры AlphaZero тоже сильно отличался от «традиционных» представлений о «правильной» игре: неожиданные жертвы материала в начале игры, рассчитанные на долгосрочное и весьма неочевидное позиционное преимущество, удивительное чувство динамики, что шахматисты часто называют интуицией или мастерским «чутьем». При этом мы имеем дело с интуицией, не сводимой к алгоритмам, что, опять же, позволяет говорить о появлении некоторого искусственного аналога неявного знания [10].

AlphaZero демонстрирует, что «неявный» характер знания может быть воспроизведен аппаратно и без явного человеческого вмешательства. Возникает вопрос: чем отличается неявное, «человеческое» знание, описанное М. Полани, от «непрозрачного» знания шахматного алгоритма? Формальных отличий может быть очень много, но в действии оба вида знания проявляют себя похожим образом, демонстрируя узнавание паттернов и корреляций, гибкость и «чувство» контекста. Переход от Deep Blue к AlphaZero представляет собой не просто технологический прогресс, а фундаментальный эпистемологический сдвиг, делающий аппарат М. Полани центральным для понимания природы и ограничений современного ИИ. В эпоху тоталь-

ной цифровизации неявное знание казалось одним из очевидных свидетельств человеческой уникальности. Однако быстрая эволюция искусственных систем неявного знания заставляет думать о поиске новых форм симбиоза человека и машины, где неявное знание человека и вычислительная мощь искусственного интеллекта дополняют друг друга.

Эпистемологические последствия и перспективы анализа неявного знания

Эволюция шахматных алгоритмов от Deep Blue к AlphaZero демонстрирует не просто технологический прогресс, а изменение самой логики построения и функционирования когнитивных систем. Переход от явного, заложенного вручную знания к знанию, выработанному автономно в процессе обучения, сопровождается изменением его эпистемологического статуса. В системах вроде AlphaZero знание становится непрозрачным, распределенным и несводимым к пропозициональным правилам, что делает его функциональным аналогом неявного знания в понимании М. Полани.

Этот сдвиг имеет глубокие последствия. Во-первых, он порождает проблему объяснимости. Непрозрачность системы делает невозможным прямой анализ ее «рассуждений», что ставит под вопрос традиционные научные критерии верификации. Во-вторых, он изменяет саму модель передачи знаний от ИИ к человеку. Если из Deep Blue можно было бы (теоретически) извлечь набор правил, то у AlphaZero можно лишь учиться, как у мастера-человека, что является классическим примером передачи неявного знания. Бывший чемпион мира Владимир Крамник, анализируя партии AlphaZero, подчеркивал именно этот аспект.

Концепция неявного знания, предложенная М. Полани, оказывается полезным инструментом для анализа этих трансформаций. Она помогает понять, почему попытки полной формализации и прозрачности сталкиваются с фундаментальными ограничениями как в человеческом познании, так и в искусственном. Таким образом, концепция неявного знания не теряет своей значимости даже в контексте современных технологий. Она указывает на то, что даже в эпоху

цифровизации и автоматизации познание продолжает оставаться практикой, в которой формальные правила и неформальные компетенции неразрывно связаны.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 608 с.
2. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 р.
3. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999. 408 с.
4. Burns C.S. What Documents Cannot Do: Revisiting Michael Polanyi and the Tacit Knowledge Dilemma // *Information & Culture*. 2021. Vol. 56. № 1. P. 90–104.
5. Campbell M. Knowledge Discovery in Deep Blue // *Communications of the ACM*. 1999. Vol. 42. № 11. P. 65–67.
6. Collins H., Evans R. *Rethinking Expertise*. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. 160 p.
7. Polanyi M. *The Tacit Dimension*. – N.Y.: Doubleday & Company, 1966. 104 p.
8. Polanyi M. *Knowing and Being*. – Chicago: University of Chicago Press, 1969. 264 p.
9. Ryle G. *Knowing How and Knowing That* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1945. Vol. 46. P. 1–16.
10. Sadler M., Regan N. *Game Changer*. – London: Batsford, 2019. 416 p.
11. Shannon C.E. *Programming a Computer for Playing Chess* // *Philosophical Magazine*. 1950. Series 7. Vol. 41. № 314. P. 256–275.
12. Silver D. et al. *Mastering the Game of Go without Human Knowledge* // *Nature*. 2017. Vol. 550. № 7676. P. 354–359.

References

1. Kuhn, T. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.). 608 p.
2. Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znaniye: Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.). 344 p.
3. Ryle, G. (1999). *Ponyatie soznaniya* [The Concept of Mind]. Moscow, Idea-Press Publ. (In Russ.). 408 p.
4. Burns, C.S. (2021). What Documents Cannot Do: Revisiting Michael Polanyi and the Tacit Knowledge Dilemma // *Information & Culture*. No. 56 (1). P. 90–104.
5. Campbell, M. (1999). Knowledge Discovery in Deep Blue // *Communications of the ACM*. Vol. 42. No. 11. P. 65–67.
6. Collins, H., Evans, R. (2007). *Rethinking Expertise*. Chicago, University of Chicago Press. 160 p.

7. *Polanyi, M.* (1966). *The Tacit Dimension*. N.Y., Doubleday & Company. 104 p.
8. *Polanyi, M.* (1969). *Knowing and Being*. Chicago, University of Chicago Press. 264 p.
9. *Ryle, G.* (1945). *Knowing How and Knowing That* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 46. P. 1–16.
10. *Sadler, M., Regan, N.* (2019). *Game Changer*. London, Batsford. 416 p.
11. *Shannon, C.E.* (1950). *Programming a Computer for Playing Chess* // *Philosophical Magazine*. Ser. 7. Vol. 41. No. 314. P. 256–275.
12. *Silver, D. et al.* (2017). *Mastering the Game of Go without Human Knowledge* // *Nature*. Vol. 550. No. 7676. P. 354–359.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич – Институт философии и права
СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
shev@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Shevchenko, Aleksandr Anatolyevich – Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).
shev@philosophy.nsc.ru

Дата поступления 02.08.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

Философские проблемы истории науки

УДК: 1(091)

DOI: 10.15372/PS20250306

EDN: RORCNP

М.Н. Вольф

РОЛЬ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Статья посвящена анализу парадоксальной роли философии И. Канта в формировании исторического поворота. Основная проблема заключается в том, что сам Кант отвергал применимость эмпирической истории к философии, настаивая на ее априорной строгости, но именно его критическая система стимулировала переосмысление философского знания как исторически обусловленного. В работе раскрываются пять ключевых идей: 1) кантовский «коперниканский переворот» как прообраз последующих философских «поворотов»; 2) интерпретативная трудность кантовской системы как источник герменевтической традиции; 3) идея прогресса разума как основание историко-философского мышления; 4) различие между историческим поворотом и историзмом; 5) вклад неокантианства и гегелевской философии в закрепление исторического подхода. Автор показывает, что исторический поворот не был внешним по отношению к кантианству, но вырос из дискуссий Канта с современниками, внутренних напряжений кантовской системы и реакции на нее, особенно в XIX–XX вв. В итоге, философия, долгое время практиковавшая отказ от исторического метода, в XX в. приобретает черты исторически рефлексивной дисциплины.

Ключевые слова: Кант; исторический поворот; интерпретативный поворот; интерпретация; неокантианство; историзм; философия истории; метод; прогресс

M.N. Volf

THE ROLE OF KANT'S CRITICAL PHILOSOPHY FOR THE HISTORICAL TURN

This article analyzes the paradoxical role of Kant's philosophy in the emergence of the historical turn. The central issue is that while Kant rejected empirical history as a foundation for philosophy, his critical system provoked a rethinking of philosophical knowledge as historically conditioned. Five core ideas are explored: 1) Kant's "Copernican turn" as a model for later philosophical turns; 2) the interpretive opacity of his system as the origin of the hermeneutic tradition; 3) the concept of rational progress as a basis for historical philosophy; 4) the distinction between the historical turn and historicism; 5) the roles of Neo-Kantianism and Hegelianism in consolidating the historical approach. The author argues that the historical turn grew out of Kant's discussions with his contemporaries, the internal tensions of the Kantian system and the reaction to it, especially in the 19th–20th centuries. As a result, philosophy, which for a long time had rejected the historical method, in the 20th century acquired the features of a historically reflexive discipline.

Keywords: Kant; historical turn; interpretative turn; interpretation; Neo-Kantianism; historicism; philosophy of history; method; progress

Лингвистический поворот признается наиболее влиятельным в философии XX в. На фоне других философских процессов спустя столетие в литературе его характеризуют как всеобъемлющий *мегаповорот* или даже как революционный сдвиг парадигмы гуманитарных наук, поскольку именно он послужил основой теоретической переориентации не только всей философии, но и многих гуманитарных дисциплин [9, р. 1]. Однако это только один взгляд на динамику развития гуманитарных наук, поскольку лингвистический поворот не исчерпывает всего множества процессов. Он послужил удобной описательной моделью, на основании которой были построены исследовательские модели для иных культурных и интеллектуальных процессов, в результате чего стало возможным говорить о других поворотах: в философии об эпистемологическом, прагматическом, метафизическом, семантическом; в смежных с ней областях – историческом, риторическом, вычислительном, интерпретативном, перформативном, культурном, экономическом, экологическом и многих дру-

гих. Это многообразие дало основания современной истории философии говорить о XX в. как о «веке поворотов». То общее, что объединяло все эти повороты – демонстрация крайне высокой степени дифференцированности гуманитарных наук, отказ от канонов и формирование новых теоретических и методологических подходов в каждой из областей.

Можно сказать, что такая поворотная ситуация в европейской философии обязана новаторским взглядам И. Канта. Выражение «коперниканский переворот», которое Кант использует в специфическом значении, характеризуя свое новое понимание метафизики в «Критиках», чем провозглашает оригинальный, критический тип рациональности и ставит предметы в прямую зависимость от человеческого знания или познания, что в какой-то момент начинает символизировать революционный характер кантовской философии в целом. Конечно, философская революция не произошла немедленно после выхода в свет «Критик»; в некоторых случаях отрефлексировать революционные последствия кантовских идей стало возможным только в XX в.¹ – веке «поворотов».

К слову сказать, генезис критической философии Канта, радикальные трансформации, которые претерпевал идеи на протяжении его философской карьеры, периоды и подпериоды развития кантовской философии также характеризуются в терминах *Umkipprungen*, *Kehren* – поворотов, переворотов, и *Umkipprungen* – это собственный термин Канта [4, с. 251]. Можно на этом основании сказать, что «поворот» и «переворот» («твист» в англоязычной традиции) – это в некотором смысле кантовский термин, который, в соответствии с кантовским видением, подразумевает определенные изменения, необязательно радикальные, но происходящие вследствие в равной мере ошибок и озарений, зависящих от метода [4, с. 251 (сн. 138)], и в современном понимании именно установление и функционирование нового метода нередко с отказом от доминировавшего канона характеризует наступление поворота.

Однако и сам Кант жил в эпоху одного из наиболее острых поворотов или, пользуясь другой терминологией, в одну из переломных

¹ Например, проблема синтетических априори, активно дискутируемая в рамках спекулятивного поворота.

эпох, которые являются движущими силами философии². Век Канта – это трехстороннее противостояние: с одной стороны, религии и теологии, с другой – философии, а с третьей – естественных и гуманитарных наук, в котором каждая из сторон пыталась отстоять или вернуть свое главенство, авторитет и влияние на общество. Развитие наук повлекло за собой массовый кризис веры и религиозных убеждений европейского общества, следствием чего стал подрыв моральных основ, что привело к осознанию возможных социальных последствий, а это, в свою очередь, простимулировало вступить в игру философию, перехватив интересы религии и теологии.

Процессы трансформации, переживаемые обществом времен Канта, мировоззренческие особенности этой эпохи в философской историографии именуют «натуралистическим поворотом» [19]. В поисках ответов на вызовы натуралистического поворота Кант предлагает радикально переосмыслить природу человека. Как представитель третьей силы – философской стороны – Кант не обесценивает ни науку, ни религию, он пытается показать, что все его оппоненты в построении подлинной картины мира двигались в ложном направлении, и что их физикалистские, механистические или спекулятивные теологические основания не дают истинного представления о конечной реальности. Искать ее следует в самой сущности человека, но для этого нужно новое, альтернативное и строгое рациональное прочтение его природы. Такой действительно радикальный переворот сцены, переключение объективного и субъективного, потребовало ревизии прежних представлений, отказа от детерминизма и материализма, и соответственно, создания новых метафизики, морали, истории и политики.

Поворотные процессы после Канта не только переосмыслили философскую методологию, но и определили ее новый вектор – от универсальных истин к их историческому осмыслению, приведя в конечном итоге к историческому и/или интерпретативному поворотам³. «Исторический поворот» – продукт отнюдь не XX в. Он обозначился в XVIII в. и совместил в себе несколько направлений: зарождаю-

² О переломных эпохах см.: [2, с. 73-94].

³ Эти два поворота имеют общий генезис и тесно связаны, в некоторых контекстах нет особенного смысла их различать. Ниже скажем об этом подробнее.

щийся историзм, кантовскую систему, изложенную в «Критиках», а также дальнейшее ее философское осмысление у Г.В.Ф. Гегеля и неокантианцев, но уже с учетом влияния набирающего вес историзма.

Для самого Канта и его системы вопросы истории и сопряженные с ними вопросы субъективности и эстетики играли второстепенную роль. Амбициозные цели по пересмотру исходных философских оснований требовали от Канта принципиального сосредоточения на содержании и тщательной проработке основ новой системы, которая если и смогла бы оказать влияние на такие «субъективные» дисциплины как история, то только в своей дальнейшей реализации на уровне просчитывания или оценки следствий из этой системы. Сам же Кант практически не выходил за рамки конструирования критической системы и практически не обращался к построению смежных философских дисциплин на новых, им предложенных, принципах. Кроме того, Кант был убежден, что его философский стиль является вполне строгим и научным. Однако он не казался таковым его читателям и последователям, по крайней мере, не был для них вполне ясным. В силу этого читатели Канта столкнулись со значительными трудностями интерпретации его положений, как следствие возникает необычный и принципиально новый на тот момент феномен организации целого философского направления: не вокруг обсуждения и уточнения доктрины, проблем или сопутствующих им вопросов, как это бывало ранее, а вокруг, с одной стороны, критических откликов на предложенную систему, а с другой, вокруг затруднений с пониманием и интерпретацией некоторых положений (что особенно ярко прослеживается в неокантианстве⁴). В итоге складывается некая общая герменевтическая тенденция, стержнем которой является интерпретативный поворот (одной из частей которого, наряду с субъективным и эстетическим, является исторический поворот), и вместе они определяют лицо целой эпохи философствования после Канта, инспирированной его работами [7; 8, р. 31]⁵.

⁴ Попытки и подходы к интерпретации кантовских идей в неокантианстве обстоятельно изложены в следующих работах: Марбургское неокантианство см. в: [16]; Баденское неокантианство в лице В. Виндельбанда см. в: [12].

⁵ Об интерпретативном повороте вне кантовского контекста см.: [18]. В рамках интерпретативного поворота центральной концепцией стала не интерпретация,

Историки философии нередко задаются вопросом о существовании прогресса в философии [14, р. 13-24]⁶. Так и в случае с Кантом у нас есть все основания спросить: действительно ли кантовская философия являет нам образец прогресса, гениальной организации новой системы или это лишь пример нового формулирования⁷, причем не самый удачный, потребовавший от его последователей колоссальных усилий по прояснению даже не самих концепций, а формулировок, в которых они выражены. Кантовские формулировки требовали разъяснений, которые сами оказались не слишком легко и изящно сформулированными, и уже в свою очередь требовали интерпретации выводов относительно интерпретации трудных мест и т.д., так что в итоге вместо ряда альтернативных интерпретаций получилась матрешечная конструкция, где каждое последующее поколение философов настаивало на том, что кантовский критический

а скорее текст и текстуальность. «Текст» как концепция обеспечивает связанность культурных объектов, и в этом случае можно говорить о культуре как тексте и равным образом все прочие феномены также могут быть поняты как текст, который необходимо прочесть и проинтерпретировать. В нашем случае интерпретация понимается буквально, в конкретном герменевтическом ключе: непосредственное объяснение истории, субъективности, восприятия (эстетики) с учетом различных подходов и систем, в которые они вписаны, и их роли в развитии человечества.

⁶ Согласно Э. Кенни, прогресс в философии можно понимать двояко – в аристотелианском или витгенштейнианском смысле. Первый ставит вопрос о понимании, систематизации и организации того, что уже известно в философии, но поскольку философия всеобъемлюща, то и организация знаний настолько сложна, что сделать это может только гений, это идея позитивного прогресса – перехода от одной системы организации философского знания к другой. Второй – вариант негативного или терапевтического прогресса, когда более поздние философы обнаруживают и исправляют ошибки более раннего, и задача философии состоит в том, чтобы излечить от интеллектуальных болезней – освободить нас от чар нашего интеллекта. Хотя, если задачи и достижения философии различаются от века к веку, то и соблазны к заблуждениям в разные века столь же различны.

⁷ О возможности интерпретировать философию как *набор предложений, сформулированных в некотором исторически обусловленном словаре* и затруднения, связанные с таким пониманием, см.: [6] (особенно Часть I. Случайность). Ниже, обсуждая историзм и его формы, мы предлагаем читателю соотноситься с этим «определением» и иметь в виду, что контекстуалистские и релятивистские формы историзма исходят из подобного же определения.

проект был неправильно понят их предшественниками, и в конечном итоге он оброс, по выражению К. Америкса, «вложенной серией глубоких критических недоразумений» [8, р. 32]. Если для XX в., особенно для истории философии, множественные интерпретации некоторых затруднений или учений уже стали нормой, то для первых читателей Канта и его последователей это было явным кризисным моментом, который сам по себе требовал решения. Поначалу те интерпретации, которые выглядели для их критиков несостоятельными, представлялись не иначе как «недоразумения», но постепенно и сами эти «недоразумения» становились влиятельными и вполне respectable идеалистическими системами, например, учения Ф.Г. Якоби, И.Г. Фихте или Г.В.Ф. Гегеля, хотя на деле их можно представить как пояснения и поправки к предшествующим интерпретациям, устраняющим неточности или неясности. Тем самым, весь XIX в. подготавливалась почва для интерпретативного поворота, превращая философию в некое «герменевтическое предприятие по пониманию и улучшению своих современных предшественников в подробной последовательной манере... с мотивацией... нахождения способа выразить... глобальное понимание курса и значения философии вплоть до ее последних разработок» [8, р. 33]. Следует заметить, что эта манера, в полезности которой сегодня никто сомневаться не станет, оказалась в конечном итоге свойственна не только гуманитарным наукам или истории философии, но в таком изложении вполне приложима и к аналитической философии, активно взаимодействующей с логикой и математикой.

Сам по себе интерпретативный поворот как будто чувствительно снижает уровень элитарности философского предприятия, низводя его на уровень «разговоров»⁸ и позволяя любому, кто способен предложить собственную интерпретацию, встать в один ряд с философскими гениями прежних эпох. Однако философия в рамках интерпретативного поворота сохраняет свою автономию, не смешиваясь,

⁸ «Разговор» – еще один технический термин Р. Рорти наряду с «формулированием», который отражает специфику философствования в неопрагматистской и релятивистской философской среде XX в., непосредственно связанную с развитием, итогами и особенностями дискурса в рамках интерпретативного и исторического поворотов. См.: [6].

например, с литературой, поскольку в силу своего исконного стремления к истине все-таки нацелена на поиск наилучшего объяснения или единственно верной интерпретации, и в случае обретения таковых (пусть даже временных, на несколько десятилетий) подпитывает нашу веру в ее (философии) прогресс, который обеспечивается пусть не единственно истинным объяснением, то хотя бы силой наиболее весомой аргументации.

Иногда историография стремится сделать участниками интерпретативного поворота не только последователей Канта, особенно неокантианцев, практически полностью посвятивших себя задачам переинтерпретации, но и самого Канта, подчеркивая значение используемого им понятия *Deutung*, которое чаще рассматривают не в буквальном значении как *интерпретацию*, а в более примитивном смысле *истолкования*⁹. Значимость этого понятия проявляется из собственного кантовского контекста: различие двух типов интерпретации, доктринальной или аутентичной, возникает при обсуждении особого вида суждений – рефлексивных, то есть суждений о целях природы, религии, морали и истории, выносимых людьми без знания достоверной картины реальности. Чаще к доктринальной интерпретации прибегают, выдавая собственный человеческий перцептивный или жизненный опыт, представления, спекулятивную убежденность в чем-либо за такие, которые имеют ценность и значение «сами по себе», но на деле они остаются значимыми не в контексте истории как таковой, а только человеческого опыта об истории, или не как знание божественного плана вне какой-либо привязки к человеческому измерению, а только как человеческое понимание замысла Бога. На деле, полагает Кант, следует стремиться к аутентичным интерпретациям, но часто люди довольствуются только доктринальными, сопровождаемыми рефлексивными суждениями. Это пример того самого редкого случая, когда Кант обращается к своего рода «следствиям» из своей системы, показывая, что без достижения конечной реальности и обращения к ней люди не в состоянии вынести корректных суждений о «текущих» ситуациях в области религии, истории, истории философии, и что в таких условиях приходится

⁹ Подробнее об интерпретации у Канта см.: [15].

довольствоваться *интерпретациями*. Этот нюанс в различении значений *Deutung* позволяет говорить о том, что интерпретативный поворот был инициирован уже самим Кантом, а не попытками интерпретации не всегда ясных его читателям рассуждений.

Как мы отметили выше, частью герменевтического комплекса и отчасти отождествляемым с интерпретативным поворотом является исторический поворот. Матрешечный принцип интерпретации складывается исторически, предполагая смену интерпретации посредством смены философских поколений, в исторической перспективе, а потому без учета историцистских принципов и поправки на исторический контекст он бы не состоялся. Однако исторический поворот обладает своей собственной спецификой. Нет сомнений, что философия стремится к отысканию или формулированию вечных истин, которые не зависят от времени или культурных изменений. Тем не менее, такое привычное аисторическое измерение философии, в целом характерное для античной, средневековой, нововременной философии, а в XX в. возрожденное аналитическими философами, начинает размываться с появлением в конце XVIII в. нового идейного течения – историзма, претендующего на создание метода понимания реальности или даже установления истины о мире, согласно которому учет исторического контекста и культурного разнообразия, а не стремление к высшим или божественным принципам, являются главными критериями познания.

Вплоть до XVIII в. философию мало интересовала история или историческая составляющая философского знания. Исторические пассажи, если и присутствовали в философских текстах, то носили вводный, вспомогательный характер, служили демонстрацией несостоятельности предшествующих рассуждений, как, например, в *Метафизике А* Аристотеля. Согласно Аристотелю, долгая история поисков знания наконец готова завершиться окончательной систематизацией этого знания в его научных проектах и прежде всего в проекте создания так называемой Первой философии. Спекулятивная, внеисторическая и априорная – именно так можно было бы охарактеризовать предпочтения философии. Пожалуй, единственная уступка истории со стороны философии, начиная с Античности – это признание преемств, линий учительств-ученичеств, но и в них важна была не сама

хронологическая составляющая, а дискурсивность и дискуссионность процесса передачи знания от поколения к поколению, что либо указывало на его традиционность, позволяя достоверно проследить авторитетный источник знания, либо, наоборот, опиралось на требование разорвать нить традиции, подчеркивая принципиальную новизну и оригинальность умозаключений нового поколения философов и ошибочность рассуждений прежнего. Идея аисторичности философии, сопровождающая ее на протяжении всего ее существования, крайне жизнеспособна, и среди наших современников ее активно пропагандировали аналитические философы. Сегодня ей противостоит не менее авторитетная позиция историзма/историцизма, который стал проникать в философию в XVIII в. Во второй половине XVIII в. возникает идея, что философия не может рассматриваться независимо от географических и социальных условий развития того или иного общества и цивилизации, и коль скоро эти условия предельно разнообразны, то и выстроить некую единую линейную схему прогресса философии невозможно. Иными словами, в XVIII в. у философии появляется грозный конкурент в лице историзма¹⁰. Именно дискуссии Канта и Гегеля с историзмом – на разных основаниях и с разными результатами – определили содержание и направление всего исторического поворота вплоть до настоящего времени.

Кант с его убежденностью, что историческое познание, опирающееся на факты, является эмпирическим, что таким образом осуществленное познание, то есть помимо рациональных принципов, не будет являться необходимым и что по той же причине нет смысла, исходя из эмпирических предпосылок, изучать философскую историю, поскольку она не в состоянии будет продемонстрировать развитие рациональности и человеческого ума [1, с. 53–63; 13], очевидно не мог бы стать ключевой фигурой в становлении историзма. Однако преобразование им философского мышления явным образом повлекло изменения и в историческом мышлении. Вероятно, наиболее значимой в этом контексте является его идея «прогресса разума»,

¹⁰ Емкое изложение понятия историзма (или историцизма) с учетом его значения для развития философии представлено в: [10, S. 143–155]. Для наилучшего понимания возникновения и содержания историзма можно обратиться к [5].

которая и определила развитие последующих концепций исторического развития и, прежде всего, гегелевских идей. И что наиболее важно, именно в рамках данного контекста проблема истории философии, поставленная Кантом, впервые определяется как философская проблема.

Ф. Мейнеке, анализируя истоки историзма в немецкой культуре, говорит о двух группах германских интеллектуалов, которые имели отношение к формированию историзма: одна подготавливала этот процесс за счет подъема духовной жизни в целом (И.И. Винкельман, Ф. Шиллер и И. Кант), другая непосредственно формировала сам метод (Ю. Мёзер, И.Г. Гердер и И. Гёте) [5, с. 224–225]. При этом, если вклад Шиллера и Гёте, принадлежащих разным группам, рассматривается в контексте их близких дружеских отношений [5, с. 225], то Кант и Гердер оставались непримиримыми врагами, несмотря на то что Гердер был учеником Канта и несмотря на значительное сходство подходов к понятию истории с рационалистических и прогрессистских оснований. Их разногласия начались после кантовской критики «ненаучного» труда Гердера «Идеи к философии истории человечества»¹¹ и уже не прекращались, хотя при этом вклад Гердера

¹¹ Подробнее об этом труде Гердера см.: [5, с. 313–336]; о разногласиях и сути кантовской критики Гердера: [4, с. 399–416].

Канту предложили написать рецензию на «Идеи» Гердера, он согласился и отнесся к работе негативно, несмотря на дружеские отношения между ними, фактически оскорбив Гердера, подчеркнув несостоятельность авторского метода, зависимость скорее от характера самого автора: Кант отказал Гердеру в логической точности в определении понятий, в отсутствии доказательств, обвинил в приверженности аналогиям, основанным на смелом воображении – по сути назвал Гердера выдумщиком и фантазером, не имеющим ясного представления о предмете, о котором тот пишет [4, с. 399–340]. Кант и Гердер не поняли друг друга: Кант не понял аргументов Гердера и не принял его метод, Гердер не принял критики Канта и был возмущен и обижен тем, что Кант отнесся к нему как к школяру, пожурился, словно за слабую студенческую работу. В ответ Гердер не публично обвинил своего критика в плагиате. В письме Гаману он пишет: «...я узнаю об одной статье Канта в *Berlinische Monatsschrift*, тоже под названием “Идея истории человечества”, но только “во всемирно-гражданском понимании”»; и, читая, понимаю больше о рецензии, но не о характере этого человека. Ведь это так злонамеренно и по-детски – взять из предисловия план незавершенной, даже едва начатой книги, построить на нем идею в совершенно том же ключе и при этом

в понятие истории будет оставаться куда более значимым, нежели вклад Канта¹².

Несмотря на резкую критику вклада Гердера в формирование историцистского метода¹³, не исключено, что Кант с его системой мог, как показывает Мейнеке, оказаться под влиянием зарождающихся идей историзма. К 1700 г., возникнув, историзм сразу заявил о себе как о потребности в более критичном рассмотрении исторического материала, к которому, по аналогии с естественными науками, были применены более строгие методы, в том числе скептический и критический, и последний применялся не только в качестве критики источников, но и в качестве предметной критики событий. Кант послужил проводником этих идей, дав критическому подходу строгие основания, а также, как пишет Мейнеке, внутреннюю уверенность, и истоки этого подхода, как кажется, связаны «с развитием исторического понимания» [5, с. 33].

На первый взгляд вырисовывается достаточно простая дихотомия: классический аисторический подход в философии, достигший кульминации в кантовской критической системе, противостоит пост-

делать вид, будто в мире нет подобных книг...» [4, с. 404]. Гердер имеет в виду статью Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» [3, с. 5–23], без отсылки к которой не обходится практически ни одно обсуждение кантовского понимания истории и ее возможного прогресса.

¹² Согласно Мейнеке, Гердер подчеркивает ценность любого явления и эпохи, настаивая, что они являются не только средством, но одновременно и средством и целью. И хотя сам Гердер в своем «универсально-историческом воодушевлении» иногда придавал большое значение эпохам как ступеням развития в ущерб их ценности, он чувствовал эту ценность, что и привело его на вершину исторического формирования идей и раннего историзма, а с этой вершины можно уже видеть и другие вершины, завершающиеся творчеством Л. фон Ранке [5, с. 310]. Значимость изысканий Гердера понятна: «Подлинное историческое величие Гердера заключалось в том, что он, также впадая в ложную идеализацию первобытного времени, с самого начала подчеркивал его безвозвратность и тем самым относительность и применял отныне тот же релятивизм ко всем историческим явлениям» [там же]. Следует отметить, что в XX в. релятивизация является наиболее значимой характеристикой исторического поворота и нового историзма.

¹³ Кант внимательно и ревниво следил за публикацией последующих томов гердеровских «Идей». На вторую часть он снова пишет рецензию, на третью часть ввиду недостатка времени он поручает писать рецензию Х.Я. Краусу [4, с. 406, 448–450].

кантианской традиции с ее внимательным отношением к историческому контексту, за точку отсчета которой могут быть приняты труды Гердера. На деле все сложнее, и внутри самого историзма следует различать разные его вариации [7, р. 6]: историзм, приписываемый Гердеру, на который «Критики» Канта не оказали никакого влияния, и историзм более философского плана, например, гегелевский, ощутивший мощное влияние Канта и выражающий глубокий *неисторический* интерес к истории [1]. Такое уточнение ведет к более глубокому пониманию сущности «исторического поворота», а именно наличия фундаментального контраста «между историцизмом как таковым – как радикально новым способом мышления, который в конечном итоге подрывает всю идею систематической философии как отличительного и прогрессивного предприятия – и более сложным и умеренным обращением к историческим соображениям, “историческим поворотом”, который включает в себя радикальное изменение философии в отношении стиля ее выражения, при этом все еще оставляя место для ее постоянной и не относительной ценности во многих ее систематических утверждениях. Если быть более точным, то существует по крайней мере четыре различных вида явлений, играющих особенно значимую роль в немецкой мысли конца восемнадцатого века, которые следует различать: (а) растущий и подробный интерес к историческим фактам как таковым, но такой, который может не оставить никакого следа в философии, разве что предоставить случайные примеры для иллюстрации различных идей; (b) крайне оптимистичный взгляд, что история функционирует в философии в значительной степени как в науке и поэтому (учитывая довольно простую модель научного прогресса) имеет прозрачную прогрессивную форму, чье основное рациональное содержание может быть адекватно выражено даже без прямого обращения к историческим соображениям; (с) релятивистское использование истории для философских целей, то есть историзм; и (d) сложная презумпция исторического поворота – то есть философская позиция, которая выходит за рамки (а) и (b), но воздерживается от (с), подчеркивая, что исторические соображения являются важнейшей частью эффективного представления по крайней мере некоторых аргументов, центральных для философии как развивающейся систематической дисциплины» [7, р. 6].

Чтобы не углубляться в детали, мы оставим без комментария эту систематизацию, просто примем ее здесь как итоговую схему развития историцизма, все нюансы которой позволяют увидеть и всю многогранность посткантовских попыток примирить историцизм с критической философией. Даже если Кант не до конца разобрался или, вернее, не достаточно ясно определил идею чистого разума, а потому и не смог задать ее истинное и однозначное содержание таким образом, чтобы она не вызывала споров у его последователей, он тем не менее, продемонстрировав роль рассудка в процессе познания и определив границы разума с учетом изложенной в первой «Критике» истории чистого разума, показал эвристический потенциал категории развития, которая опирается на критицизм, который, в свою очередь, основывается на историзме¹⁴.

Не разрабатывая прямо вопросов исторической истины и присущей ей субъективности, Кант косвенно оказал значительное влияние на формирование исторического мышления, и особенно – на формирование в неокантовской философии того современного и привычного нам модуса истории философии¹⁵, который в полной мере раскрылся в XX в. как попытки примирения философии со своей историей. Однако между Кантом и неокантовцами пролегла целая эпоха, в которой историзм должен был примириться с философскими подходами, прежде всего речь идет о гегелевском соединении исторического и рационального.

Возвращаясь к вопросу о возможности прогресса в философии и к двум его трактовкам, аристотелианской и витгенштейнианской, мы можем спросить себя, чем же считать кантовскую философию: результатом труда вспыхнувшей на небосклоне звезды гения, создавшего величайшую систему и показавшего безусловный прогресс философии или просто упражнениями *следующего* философа, кото-

¹⁴ О том, каким образом в классическом понимании истории философии поиски истины в отдельных философских системах (Канта, Гегеля и Хайдеггера) совмещаются с историческим развитием, см. глубокое и подробное исследование: [11].

¹⁵ Неокантовская модель истории философии Виндельбанда до сих пор используется как один из востребованных и популярных учебников по истории философии.

рый занимался *всего лишь* поиском ошибок прежних поколений и их исправлением, новым формулированием, а скорее переформулированием, то есть актуализацией и пересмотром старых концепций и проблем на свойственном ему языке и стиле мышления? Но независимо от того, как историки философии отвечают на этот вопрос, мы подчеркнем: даже если Кант всего лишь исправлял прежние ошибки, ему удалось переформулировать предшествующие концепции таким образом, что это перевернуло, в буквальном значении слова «революция», всю философию. Развитию исторического поворота поспособствовала кантовская идея прогресса разума, которая повлияла на концепции исторического развития, особенно на философию истории Гегеля, посткантианская философия в свою очередь уточнила и развила эти идеи, что в конечном итоге привело к укреплению исторического подхода в XX в. В конце XX в., после нескольких десятилетий доминирования аисторической идеологии в аналитической философии, возникает течение «нового историзма», который представлен такими именами как Ч. Тейлор, А. Макинтайр и М. Сэндел, которые критикуют аналитические концепции морали и справедливости за отказ видеть в этих концепциях значительную составляющую исторической обусловленности, в частности, недостаточную историзацию субъекта, разума и справедливости. Особенной критике подвергались идеи Дж. Ролза, который, тем не менее, также входит в число участников этого течения наряду со С. Кавеллом, У. Селларсом, Дж. Шнеевиндом, Р. Брэндомом, Р. Бернстайном и др. Важным аспектом нового историзма является не только следование гегелевским установкам, но и непременная критика претензий кантовского подхода на универсализацию, в том числе морали и справедливости¹⁶.

Необходимость считаться и отвечать на вызовы историзма в каждой из его новых эволюционных форм повлекла череду буквально *поворотных моментов* для философии, поскольку ей пришлось отказаться от поиска вечных истин и сосредоточиться на контекстуальной обусловленности знания, что было несвойственно ей в предшествующие возникновению историзма эпохи, но стало основой для совре-

¹⁶ Подробнее см.: [17, р. 55–70].

менной философии и гуманитарных наук. Сохраняющаяся установка на то, что системное философское мышление формируется не универсальными рациональными принципами, а исторически обусловленными проблемами, говорит о том, что исторический поворот состоялся.

Литература

1. Вольф М.Н. «Априорная» история философии Канта и Гегеля в историографии философии XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 53–63.
2. Горан В.П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии / Отв. ред. В.Н. Карпович, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филос. и права. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 269 с.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1966. (Философ. наследие) Т. 6. 743 с. С. 5–23.
4. Кюн М. Кант: биография / Перевод с английского А. Васильевой, под научной редакцией К. Чепурина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 608 с. (Интеллектуальная биография).
5. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 480 с.
6. Порти Р. Случайность, ирония и солидарность / Перевод с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
7. Amerik K. Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 2006. 335 p.
8. Ameriks K. Interpretation after Kant // Critical Horizons, 2009. Vol. 10. Iss. 1. P. 31–53.
9. Bachmann-Medick D. Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture / Transl. A. Blauhut. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. 311 p.
10. Bauer E.J. Historismus / Historizismus // Handbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe / herausgegeben von Hubert Cancik, Burkhard Gladigow, Karl-Heinz Kohl. Band III. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer GmbH, 1993. S. 143–155.
11. Beelmann A. Theoretische Philosophiegeschichte: Grundsätzliche Probleme einer philosophischen Geschichte der Philosophie. Basel: Schwabe, 2001. 325 p.
12. Beizer F. Historicism and neo-Kantianism // Studies in History and Philosophy of Science. 2008. Vol. 39, Iss. 4. P. 554–564.
13. Kant I. (n.d.) Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik. F3. Ss. 340.25–35, 341.1–15. [Online] Available from: <https://korpora.zim.uni-duisburgessen.de/kant/aa20/> (Accessed: 18th February 2021).
14. Kenny A. The Philosopher's History and the History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York: Oxford University Press, 2005. P. 13–24.

15. *Makkreel R.* Imagination and Interpretation in Kant: The Hermeneutical Import of the Critique of Judgment. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 195 p.
16. *Renz U.* Reason's genuine historicity: the establishment of a history of philosophy as a philosophical subdiscipline in Marburg Neo-Kantianism // *British journal for the history of philosophy*. 2021. Vol. 29, №. 4. P. 694–717.
17. *Stern R.* Hegel and the New Historicism // *Hegel Bulletin*. 1990. Vol. 11 (1–2). P. 55–70.
18. *The Interpretive turn: philosophy, science, culture* / Ed. by D. Hiley, J. Bohman, R. Shusterman. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 336 p.
19. *Wilson C.* Kant and the naturalistic turn of 18th Century philosophy. New York: Oxford University Press, 2022. 312 p.

References

1. *Volf M.N.* Apriornaya istoriya filosofii Kanta i Gegelya v istoriografii filosofii XIX veka ['A Priori' History of Philosophy of Kant and Hegel in the 19th-Century Historiography of Philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science] 2021. № 63. S. 53–63. (In Russ.).
2. *Goran V.P.* Teoreticheskie i metodologicheskie problemy istorii zapadnoy filosofii [Theoretical and Methodological Problems in the History of Western Philosophy] / Ed. by V.N. Karpovich. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. 2007. (In Russ.).
3. *Kant I.* Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose] // *Kant I. Sochineniya v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes] 1966. Vol. 6. Moscow: Mysl'. P. 5–23. (In Russ.).
4. *Kühn M.* Kant: biografiya [Kant: A Biography] / Trans. from English by A. Vasileva; scientific ed. by K. Chepurin. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANHiGS. 2021. 608 p. (Intellektual'naya biografiya). (In Russ.).
5. *Meinecke F.* Vozniknovenie istorizma [The Origins of Historicism] / Trans. from German. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 2004. (In Russ.).
6. *Rorty R.* Sluchaynost', ironiya i solidarnost' [Contingency, Irony, and Solidarity] / Trans. from English by I. Khestanova, R. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo. 1996. (In Russ.).
7. *Ameriks K.* Kant and the Historical Turn: Philosophy as Critical Interpretation. Oxford: Clarendon Press. 2006. 335 p.
8. *Ameriks K.* Interpretation after Kant. // *Critical Horizons*. 2009. № 10 (1). P. 31–53.
9. *Bachmann-Medick D.* Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture / Transl. A. Blauhut. Berlin, Boston: De Gruyter. 2016. 311 p.
10. *Bauer E.J.* Historismus / Historizismus // *Handbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe*, Bd. III / Ed. by H. Cancik, B. Gladigow, K.-H. Kohl. Stuttgart, Berlin, Köln: Kohlhammer GmbH. 1993. S. 143–155.

11. *Beelmann A.* Theoretische Philosophiegeschichte: Grundsätzliche Probleme einer philosophischen Geschichte der Philosophie. Basel: Schwabe. 2001. 325 p.
12. *Beizer F.* Historicism and neo-Kantianism. *Studies in History and Philosophy of Science*. 2008. № 39(4). P. 554–564.
13. *Kant I.* (n.d.). Handschriftlicher Nachlaß: Lose Blätter zu den Fortschritten der Metaphysik. F3. S. 340.25–35, 341.1–15. [Online] Available from: <https://korpora.zim.uni-duisburgessen.de/kant/aa20/> (Accessed: 18th February 2021).
14. *Kenny A.* The Philosopher's History and the History of Philosophy // *Analytic Philosophy and History of Philosophy* / Ed. by T. Sorell and G.A.G. Rogers. New York: Oxford University Press. 2005. P. 13–24.
15. *Makkreel R.* Imagination and Interpretation in Kant: The Hermeneutical Import of the Critique of Judgment. Chicago: University of Chicago Press. 1990. 195 p.
16. *Renz U.* Reason's Genuine Historicity: The Establishment of a History of Philosophy as a Philosophical Subdiscipline in Marburg Neo-Kantianism. *British Journal for the History of Philosophy*. 2021. № 29 (4). P. 694–717.
17. *Stern R.* Hegel and the New Historicism. *Hegel Bulletin*. 1990. № 11 (1–2). P. 55–70.
18. *Hiley D., Bohman J., Shusterman R.* (Eds.). The Interpretive Turn: Philosophy, Science, Culture. Ithaca: Cornell University Press. 1991. 336 p.
19. *Wilson C.* Kant and the Naturalistic Turn of 18th Century Philosophy. New York: Oxford University Press. 2022. 312 p.

Информация об авторе

Вольф Марина Николаевна – Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

rina.volf@gmail.com

Information about the author

Volf, Marina Nikolaevna – Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia).

rina.volf@gmail.com

Дата поступления 10.07.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 101

DOI: 10.15372/PS20250307

EDN: PMFQXT

С.А. Смирнов**ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА:
СМЫСЛЫ И РАМКИ.****Часть 2**

Работа является продолжением предыдущей статьи, посвященной поворотам в истории философии. Автор допускает, что истинный смысл понятия поворота наступает тогда, когда авторы поворота совершают в своей философской практике возвращение к родовому началу, к истоку, обращаясь к античным и далее мифологическим корням. Настоящий поворот наступает тогда, когда ставятся под вопрос онтологические основания и встает необходимость возврата к началу, чтобы посредством этого возвращения вновь совершить акт мышления, дабы вернуть этому акту онтологическую силу, а человеку – его исконное место, чтобы он вновь начал мыслить. В таком случае допускается, что истинный поворот начинается тогда, когда философ совершает новое другое начало, обращаясь к родовым истокам, восстанавливая тем самым духовную традицию.

Автор предлагает рассмотреть гипотезу, согласно которой все повороты, которые совершались в XX веке, суть части антропологического поворота, поскольку все они так или иначе касались прежде всего онтологического неблагополучия человека, касались различных сторон его деятельности, обнаруживая разного рода человеческие дефициты и нехватку: в познании, коммуникации, средствах и методах исследования, языке, логическом анализе, духовных практиках и т.д.

В таком случае разные виды поворотов, будь то лингвистический, риторический, прагматический и другие, выступают разными попытками восполнить тот или иной человеческий дефицит. Тем самым привычные и известные повороты в истории философии больше относятся к разного рода практикам по выработке тех иных средств, в которых нуждается человек: средств познания, средств коммуникации, средств мышления, языковых

средств. Но все они относятся к главному и постоянному – к антропологическому повороту, понимаемому как восстановление истока, обращение к онтологическому началу, восстановление места человека в мире.

Ключевые слова: поворот в истории философии; лингвистический поворот; прагматический поворот; антропологический поворот; смена онтологической установки; смена картины мира; методологический сдвиг

S.A. Smirnov

URNS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY IN THE 20th CENTURY: MEANINGS AND FRAMEWORKS.

Part 2

The work is a continuation of the previous article, devoted to turns in the history of philosophy. The author admits that the true meaning of the concept of a turn occurs when the authors of the turn make a return to the generic beginning in their philosophical practice, return to the generic source, turning to ancient and then mythological roots. A true turn occurs when the ontological foundations are questioned and the need arises to return to the beginning, in order to perform the act of thinking again through this return, in order to return ontological power to this act, and to man – his original place, so that he can begin to think again. In this case, it is assumed that a true turn begins when a philosopher makes a new, different beginning, turning to ancestral sources, thereby restoring the spiritual tradition.

The author proposes to consider the hypothesis according to which all the turns that took place in the twentieth century are parts of the anthropological turn, since all of them in one way or another concerned primarily the ontological ill-being of man, concerned various aspects of his activity, revealing various kinds of human deficiencies and shortages – in knowledge, communication, in the means and methods of research, in language, logical analysis, spiritual practices, etc.

In this case, different types of turns, be it linguistic, rhetorical, pragmatic and others, act as different attempts to fill this or that human deficit. Thus, the usual and well-known turns in the history of philosophy relate more to different kinds of practices for the development of those other means that a person needs – means of knowledge, or means of communication, or means of thinking, or linguistic means. But they all relate to the main and constant – to the anthropological turn, understood as the restoration of the source, an appeal to the ontological beginning, the restoration of the place of man in the world.

Keywords: turn in the history of philosophy; linguistic turn; pragmatic turn; anthropological turn; change of ontological attitude; change of worldview; methodological shift

В первой части статьи мы рассмотрели понятие поворота с разных точек зрения и на разном материале. Мы попробовали представить феномен поворота в разных проекциях: поворот как смена картины мира, как смена онтологической установки, смена методов или способов мышления (методологический поворот), смена научной темы или повестки. Мы увидели, что в большинстве своем носители тех или иных поворотов в XX веке предлагали фактически смену научной повестки и доказывали необходимость в связи с этим поиска новых средств и методов исследования. При этом в основании данных исследований сохранялись старые онтологии и установки. Смена повестки происходила в течение всего века достаточно часто, а список поворотов постоянно рос. Вместе с тем, как мы полагаем, не каждый вновь объявленный поворот может называться собственно поворотом, поскольку не предполагает ни смены онтологии, ни методологического сдвига, ни смены картины мира.

Поворот как другое начало

Г.-Г. Гадамер в предисловии к сборнику своих работ по герменевтике и эстетике для русских читателей заметил:

«Немецкая философия нашего столетия ... характеризуется решительным поворотом – событием, которое в такой форме едва ли могло произойти в других странах Европы. Я имею в виду шаг, совершенный Гуссерлем и Хайдеггером, а также теми, кто учился у них. ...Это переход от мира науки к миру жизни ..., выход за пределы научного факта должен был означать для Германии нечто совсем иное и почему в наши дни мы ждем от философии жизненного мира всей широты жизненного опыта и его оправдания, его прояснения и обогащения» [3, с. 7].

Это было написано им в конце жизни, в 1990 году. В другой работе он вспоминал:

«Мои студенческие годы пришлись на эпоху, когда Европу вследствие первой мировой войны начинал захватывать процесс всеобщей

провинциализации ... Мир потерял ориентиры. Нам нужны были новые идеи, практически же мы были ограничены внутринемецкой сценой ... Помог Хайдеггер. Одни благодаря ему поняли, кем был Маркс, другие – кем был Фрейд, а все мы в конце концов поняли, кем был Ницше. Мне же благодаря Хайдеггеру открылось, что теперь мы можем “повторить” философскую мысль греков. ... На примере Платона и Аристотеля стало возможным учиться тому, что любое философское мышление есть дальнейшее продумывание изначального опыта мира. ... Тогда Аристотель и Гегель, Кант и Хайдеггер, Уайтхед и Витгенштейн – примечания к Платону, участники бесконечного диалога. ... То, что привело Хайдеггера с его мышлением к “повороту”, можно было описать как пограничный опыт нашего самопонимания ... Философствование не начинается с нуля – ему надлежит возвращать язык философии, отчужденный от сказующего смысла своей речи, к высказыванию того, о чем идет речь» [3, с. 9–14].

Фактически Г.-Г. Гадамер указал на определенную историческую ситуацию, которая нуждалась в повороте, означающем онтологическую оглядку назад и вглубь, попытку совершения нового шага через возвращение к началу и переосмысление основ мира, начиная с древних греков, обращение к базовым вещам, основам, пограничному опыту, чем занимались всегда в истории философии.

Фактически первая четверть XX века была такой серией возвратов к началу: назад «к самим вещам», к бытию, к новому началу, к истоку, к сути вещей. Тем самым, если относиться к высказываниям Г.-Г. Гадамера методологически, как к правилу, объясняющему любую историческую ситуацию, чреватую поворотом, то последний рождается именно в ситуации необходимости обращения к началу. А это означает не просто смену повестки или смену метода. Это означает совершение онтологического действия по восстановлению начала.

Это вылилось в данном случае в предложение – преодоление scientизма, сдвиг в сторону философии жизни в разных версиях: к экзистенциальной философии, к гуссерлевской феноменологии жизненного мира.

Г.-Г. Гадамер показывает, что поворот в истории философии не наступает сам по себе. Он не является следствием желания отдельного философа. Должна созреть определенная социокультурная си-

туация. В то же время поворот осуществляется осознанно и ответственно конкретными авторами «поворотных» работ, осознающими свою роль в этом повороте¹. Поворот «сидит» на конкретных носителях. И он требует от них необходимости не просто дальнейшего шага, но прежде всего возвращения к корням и истокам, началу, с тем, чтобы далее совершить новое начало, но не повтор, а другое начало, что фактически и проделывали каждый на своем опыте: В. Дильтей, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, а в России – М. М. Бахтин, Л. С. Выготский и в целом представители Третьего Славянского Ренессанса [9]².

При этом, замечает Г.-Г. Гадамер, при осуществлении нового другого начала предлагалось радикально иное каркасное, ядерное понятие – понятие жизни, поскольку понятие бытия страдало абстрактностью, хотя и было рамочным. Но с ним нельзя было работать.

Но суть дела не в новом понятии. Новое другое начало предполагало осуществление вновь в новой ситуации повторения опыта начала, опыта Платона и Аристотеля, опыта И. Канта и Ф. Ницше. Другое начало может совершить поворот и обозначить новый горизонт при главном условии – при мышлении о начале, при «продумывании изначального опыта мира».

Г.-Г. Гадамер при этом указывает на «поворот», к которому пришел М. Хайдеггер. Это уже указание на конкретный эпизод и конкретную работу М. Хайдеггера. Позже, уже в 1949 году, немецкий философ сделал доклад, который так и назывался – «Поворот» (*Die Kehre*)³.

А в 30-е годы он переживает поворот от «Бытия и времени» – к Времени и бытию. В большой работе «Вклады в философию. От

¹ Осознанность и осмысленность своего действия как нового начала, как поворота, видны и по самим работам «поворотных» авторов. Это видно по таким работам, как «Вклады в философию. От события» М. Хайдеггера, «К философии поступка» М.М. Бахтина, и т.д. Эти работы и по своему жанру, и по своей грамматике выглядят как тексты, манифестирующие новое начало.

² Наиболее глубоко и ярко о новом другом начале сказал М.М. Бахтин в своей недописанной пионерской работе «К философии поступка», заявив целую программу, отличную как от советского идеологического проекта, как от западной рационалистической традиции, так и от русской софиологии. Работы же Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера он не знал и не мог знать [см. подр. 10; 18].

³ Die Kehre – поворот, извилина дороги, разворот, выраж.

события» его интересует уже не метафизика, не онтология, даже не бытие («я уже неохотно употребляю это слово»), а «другое начало» (*Der andere Anfang*), которое необходимо осуществить, предварительно вернувшись назад, дабы добраться до истока. На его родном наречии слово *Die Kehre* означает место крутого поворота на извилистой тропинке, когда приходится повернуть почти обратно, с тем, чтобы затем подобраться ближе к перевалу. Это изгиб на неторной тропе, на нехоженной дорожке, по которой идет путник. В те же 40-е годы М. Хайдеггер пишет «Неторные тропы» (*Holzweg*), сравнивая философа с путником, идущим по неторной тропе [24; 25].

Если выделять ключевой признак, показывающий, что желаемая социокультурная ситуация сложилась и назревает поворотность, то таковым выступает главный – дефицит мышления. Мы вновь разучаемся мыслить, то есть понимать, что происходит в мире, что происходит с нами. Ситуация онтологической дезориентации, о которой писал в выше приведенном отрывке Г.-Г. Гадамер, подтолкивает нас к совершению поворота. Он не происходит сам собой. Он осуществляется конкретными поворотными авторами. Но он должен вызреть. Яблоко должно созреть и упасть с дерева, с тем, чтобы его потом подобрать.

Нужно вновь начать мыслить, обращаясь к началу. Нужно свернуть с магистрали на тропинку и идти по нехоженной, извилистой дорожке, чреватой поворотами, дабы попасть к источнику. К.Ф. фон Вайцеккер вспоминал свои прогулки с М. Хайдеггером: «Однажды он повел меня по лесной дороге, которая сходила на нет и оборвалась посреди леса в месте, где из-под густого мха проступала вода. Я сказал: “Дорога кончается”. Он хитро взглянул на меня: “Это лесная тропа (*Holzweg*). Она ведет к источникам”» [цит. по: 2, с. 5–6].

Метафора поворота как изгиба по неторной тропинке нужна философу для показа целой серии моментов поворота. Поворот суть сход с магистрали, на неторную дорожку. Чтобы снова начать, надо вновь найти утраченный источник. Надо свернуть с магистрального движения в сторону, но свернув, ты попадаешь на неторную тропу. Поворот суть отказ от последовательности и поступательности движения и отказ от привычки вести историю в жанре рассказа о последовательных событиях. Поворот – это не новая глава в многотомной истории мысли, представленной как многовековой единый процесс.

Повернуть – значит закрыть ранее написанную книгу и вновь начать писать историю с чистого листа⁴.

«Мы еще слишком бездумно склонны по привычке представлять себе историю, исходя из процесса, а в этом последнем видеть последовательность фактов, фиксируемых историографией. Мы очерчиваем историю рамками происходящего вместо того, чтобы осмыслить историческое соразмерно его настоящим истокам из события. Событие в своем существе есть то, что послано бытием, причем так, что само бытие сбывается и пребывает в том или ином событии и соответственно вместе с событием изменяется» [23, с. 253].

Соответственно, поворот означает эту самую событийность, которая в своем существе есть факт возвращения бытия, которое, в свою очередь, «требуется человеку». Последнее означает призыв к нашей мысли. Мыслить мы разучились. Точнее, не хотим вновь этого делать. Бытие есть «вызов нашей мысли». И здесь круг у М. Хайдеггера замыкается, поскольку мыслить – значит содействовать существу бытия.

«Иными словами, готовить (создавать) среди сущего те места для существа бытия, в которых оно говорило бы о себе и своем пребывании. ... Возвращение в бытие как событие поворота, обращающего забвение в хранение, возвратит нас к существу нынешней эпохи бытия» [23, с. 254–256].

Существо поворота, по М. Хайдеггеру, означает возвращение бытия человеку, а последнее предполагает обретение им своего места. Онтологический поворот есть поворот антропологический. Но оба означают поворот мышления, требующий возврата к утраченным истокам, возвращения к началу, совершения нового другого начала. Только таким образом человек обретает свое обетованное место. Это место человека в бытии и означает его онтологическое присутствие:

«Присутствие значит постоянное, задевающее человека, достигающее его, ему врученное пребывание» [23, с. 398].

Пребывание же означает присутствие во времени:

⁴ Я склонен думать, что такие «веховые», «поворотные» авторы, как М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер вообще мыслили всегда поворотами, постоянными изгибами. Их мысль сродни ходьбе путника, идущего по извилистой дорожке. А их переживания в мире мысли схожи с пребыванием этого самого путника в чужом лесу, в непроходимой чаще, на проселках, тропинках, нехоженных тропах (см. [24; 25]).

«Время не есть. Время имеет место ... Время и бытие сбываются в событии» [23, с. 400].

Эпистрофе

На фоне многочисленных разговоров о различных поворотах на ум приходит то, что вообще-то само по себе философствование есть поворот, то есть возвращение к первоосновам, к началу, к самому себе. П. Адо, обсуждая опыт философствования в Античности, обращал внимание на то, что он представляет собой опыт обращения к началам посредством духовных упражнений, практик заботы о себе, опыт *ἐπιστροφῆς*, опыт возвращения к началу, к истоку, посредством которого, обращения, возможно преобразование себя. В латинском варианте это означает конверсию (*conversion*). И то, и другое предполагает как самое простое – изменение точки зрения, изменение мнения, так и глубинное преобразование личности и переворот сознания. В пределе, и здесь вступает в дело еще одно понятие, метанойа (*μετάνοια*), такой переворот предполагает покаяние и «умопрему», перемену ума, трансформацию мышления, переустройство всего строя личности [1, с. 199 и др.]. Конверсия в латинском или эпистрофе в древнегреческом означают главный смысл практики заботы – чтобы пережить и прожить перерождение и возрождение, необходимо вернуться к первоначалу. Перерождение личности невозможно без обращения к родовым истокам. Вся античная философия с точки зрения французского исследователя означала практики духовных упражнений, а не построение доктрин, а в основании этих упражнений лежал опыт заботы о себе. На этом строится богатый репертуар упражнений⁵.

⁵ Если П. Адо рассматривал античный опыт в академическом ключе как университетский профессор, то уже М. Фуко относился к этому опыту через призму современной ему ситуации. Он разрабатывал свой проект практик себя на основе изучения опыта заботы о себе у римских стоиков и в раннем христианстве в качестве образца для современной ему ситуации, требующей нового начала, поворота, который необходимо осуществить, опираясь на богатую духовную традицию в духе: нам всем необходимо самих себя переначать. Поворот понимался им уже не как смена эпистем (историю которых он ранее описывал), а как опыт переиначивания себя, опыт перемены ума и строя личности [22].

В христианской традиции такая практика была продолжена. Она легла в основание канона монашеской духовной аскезы. На этом строится далее и участный органон аскезы и молитвенных практик⁶.

За христианским и античным горизонтом стоит еще более дальний горизонт, горизонт большого Мифа, архетипичного для всех первобытных культур. Это горизонт родового начала, приобщение к которому выступает обязательной практикой мифа, живущего в ритуалах приобщения и обращения. Рождение человека и его дальнейшая жизнь связаны с его приобщением к сакральному истоку. Посредством ритуалов перехода (разного рода лиминальные пограничные практики), приобщаясь к родовому началу, человек становится реальным в этом мире. Без приобщения к сакральному началу человек и род не мог считаться действительным, существующим. Собственно приобщение к началу творения и есть поворот, предполагающий вечное возвращение к началу, что выступает сердцевиной жизни в мифе. А миф живет через ритуалы приобщения и обращения (см. [20; 21; 28])⁷.

Исследователь мифа М. Элиаде делает вывод:

«...в конечном итоге желание восстановить Время начала – это желание пережить время, когда боги присутствовали на земле, обрести сильный, свежий и чистый Мир, такой, каким он был *in illo tempore*. Это жажда священного и одновременно ностальгия по Бытию» [28, с. 63].

В.Н. Топоров вслед за М. Элиаде на основе исследования огромного массива данных делает вывод о том, что создание мифа не заключается в сочинении легенд и сказок, за которыми никакая реальность не стоит. Наоборот, мифология предполагает «создание наибо-

⁶ В работах С. С. Хоружего проделана работа по реконструкции православного участного органона, на котором должна выстраиваться практика аскезы личности [26].

⁷ Понято, что древний опыт обращения и возвращения к сакральному началу можно объяснить и сугубо земными причинами, увязывая его с календарными годовыми циклами, сбором урожая, сменой времен года, добычей пропитания. Это так и было. В основе любого мифа лежит естественное природное или социальное явление. Как молния становится символом Зевса или Перуна. Но мы обсуждаем поворот как феномен человеческого сознания. Архаичное сознание понимало обращение к началу в сакральном смысле, а не просто как добычу хлеба и воды. Мы ведем речь о модели мира, которая выстраивалась в архаичных культурах и мифологиях (см. реконструкцию модели мира в архаичных мифах [21]).

лее семантически богатых, энергетических, имеющих силу примера образов действительности», она направлена на то, чтобы структурировать пространство и время человека, его мира обитания, с тем, чтобы не ввергнуться в хаос, немоту и бессловесность [20, с. 5]. Для архаичной культуры высшим смыслом обладает то в мире, что сакрально, а сакрально то, что исходит из начала творения мира. Последнее живет в постоянных ритуалах возрождения начала и приобщения к нему. Начало воспроизводится посредством ритуала перехода и возрождения. На постоянном повторении ритуалов приобщения и возрождения строится духовная традиция [20, с. 11].

Базовый инвариантный сценарий поворота тем самым выстраивается на основе действия, заложенного в ритуале приобщения к началу, в коем воспроизводится это начало, но на новом, современном повороте материале. Каждый носитель поворота должен в этом акте (актах) поворота возрождать исходное сакральное начало творения мира. Поворот есть аналог нового рождения начала. Если этот базовый сценарий в объявленном повороте не закладывается и сознательно не выстраивается, то он редуцируется в манифесты, теоретические дискуссии, переименования и перестановки имен, порождение большого количества не всегда содержательных текстов⁸.

⁸ Основным стержнем такого сценария, положенного в основании архаичного родового мифа, выступает пошаговое проживание ситуации наступления Хаоса и затем его преодоление путем построения модели мира, порядка, Космоса. Носителем такого преодоления хаоса выступает культурный герой, приносящий себя в жертву для борьбы с Хаосом и его представителями (хтоническими природными стихиями и проч.). Олицетворениями образа культурного героя выступают царь, священнослужитель и поэт (философ) [21]. В целом, если перевести сказанное на обмирщенный язык и в опыт каждого индивида, то собственно его возрождение и становление в качестве взрослого ответственного существа предполагает формирование ясного, структурированного сознания, опирающегося на духовные опоры и ориентиры. Человек же еще не ставший, ребенок, растерянный и потерянный, и есть буквально несобранный, не обретший опоры и ориентиры, его поведение деструктурировано и бесцельно. Он онтологически дезориентирован. Созидание мира и себя в мире есть структурирование своего хронотопа по образцам, заложенным еще во Время Оно, в сакральном начале. Собираение себя в точку и структурирование своего умного действия есть смысл духовных упражнений и духовных практик, а также молитвенной практики духовной аскезы в различных духовных традициях, в том числе у православных монахов.

Ю.А. Шичалин тонко подметил, что культура в принципе имеет своим конституирующим началом парадигму возвращения, обращения к своему истоку, началу [27]. Возвращение, эпистрофе, вообще есть необходимый момент рефлексии, готовность культурных форм (в том числе философской мысли) к осмыслению своих начал и потребности вновь ощутить, нащупать свою почву, твердь, от которой надобно вновь оттолкнуться в моменты распада и забвения и идти дальше. Постоянный пересмотр своих начал есть необходимое условие вообще существования культуры.

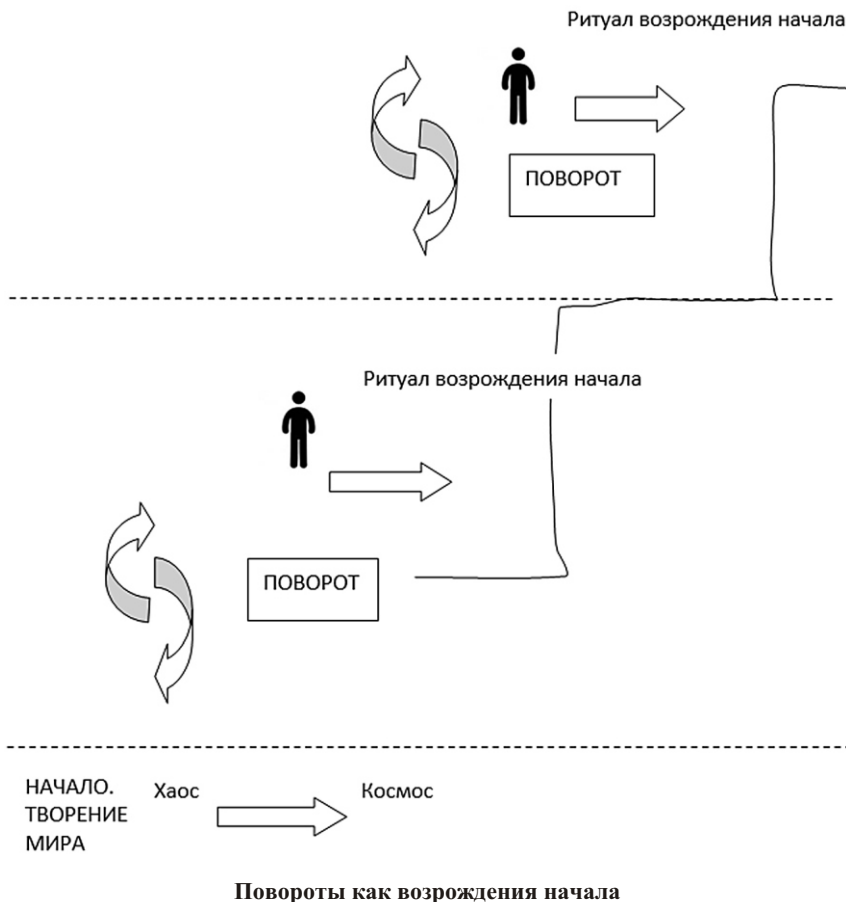
В свою очередь и эпистрофе выступает частью триады, базовой схемы, по которой и выстраиваются большие периоды истории, как это и было выработано в неоплатонизме: сначала период *пробы* (μονή), процесса, ровного течения, затем период *исхождения* (πρόοδος), отказа от себя, дробление на части, побеждают центристские силы, затем *возвращение* к началам (ἐπιστροφή), восстановление утраченной целостности [27, с. 11 и др.]⁹. Изначальное пребывание бытия в силу своей полноты провоцирует исход из себя онтологического избытка за свои пределы, дробление полноты на части, отступление от себя, выход из себя. Затем в силу обратного процесса, онтологического недостатка, предполагается возвращение к себе, к изначальной целостности [27, с. 11].

Обозначим базовую схему так понимаемого поворота как обращения к началу и представления таким образом и самой истории как ломаной линии обращений к началу и его возрождению (см. рисунок).

Условно историю философии можно представить в виде такой ломаной линии возвращений, повторов и сдвигов, новых возвращений и новых сдвигов, но никак не в виде поступательной линии развития (см. рисунок)¹⁰.

⁹ Ю.А. Шичалин вообще допускал возвратную модель базовой моделью в истории культуры, она, будучи отработанной на античном материале, затем многократно повторялась в истории [27, с. 10]. Затем трехчастную модель пути к себе (пребывание – исход – возвращение) через практики богообщения стали применять исихасты на личном молитвенном опыте.

¹⁰ В.В. Библихин ссылается в своих лекциях на один момент у Л. Витгенштейна, в котором тот отмечает, что самое сложное для человека, как для всякого живого существа, – это двигаться назад. Мы привыкли идти вперед, всегда поступательно. И весь прогресс так построен – как движение только вперед. А назад мы

Многие повороты в XX веке были связаны со сменой тематики, языковыми играми, сменой повестки, но не всегда обращались к ба-

не привыкли, не умеем, не любим. Вот Л. Витгенштейн и совершил попытку – сделать шаг назад, обратиться вспять, совершить «смену аспекта». Поэтому в ФИ он пишет: «Какова твоя цель в философии? Показать мухе выход из мухоловки» [ФИ 309]. Залезть в мухоловку муха может быстро, а вот обратно вылезти не может, не умеет, не привычно. Для этого надо осуществить шаг назад. Поворот в истории философии – это и есть задний ход из мухоловки, предполагающий попытку понять, почему и как это мы все оказались в очередном тупике.

зовому сценарию поворота, предполагающему возвращение к началу и попытку восстановить новую целостность мира и вернуть человеку его место. Ведь сам поворот начинается с осознания самой ситуации – ситуации хаоса и утери целостности мира, утери человеком смысла и духовных опор, утери способности мыслить свое начало. Это принятие ситуации утери понимается «культурным героем» (его персонализациями – поэтом, философом) как личное культурное задание, как знак судьбы. И тогда поворот выступает как ответ на этот вызов, как выполнение им этого задания. Носитель поворота претендует на то, что он выстраивает, восстанавливает на себе, собой, через свой опыт, новое начало мира, дабы выработать ответ на радикальный вызов – грядущий хаос и конец мира.

Антропологический поворот

Поворот всегда предполагает праздник возрождения, собирания человеком себя в точку и центрирование мира вокруг духовных опор на новом жизненном материале, в новых формах жизни, но это все равно собирание мира в целостность. Но потому он и осуществляется, что носители поворота чувствуют необходимость этого шага собирания мира на самом себе.

Можно сказать, что в XX веке фактически на разном материале и в разных версиях была одна большая попытка осуществить один такой поворот – антропологический поворот, тянувшийся в течение всего века, начиная с работ В. Дильтея, Ч.С. Пирса, М. Шелера, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, К. Ясперса, М.М. Бахтина, Э. Кассирера, Г. Плеснера, С.Л. Франка, М. Бубера, Л.С. Выготского, П.А. Флоренского (это плеяда 10-х-20-х годов) и заканчивая работами позднего М. Фуко, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкого и далее С.С. Хоружего и других авторов возрождения философской антропологии (см. [4; 5; 6; 7; 8; 11; 15; 17])¹¹.

¹¹ Список имен всегда будет неполный. Тем более, если учитывать, что антропологический поворот тотален, он воплощается во многих сферах и видах деятельности, в разных науках и искусствах и принимает разные формы и имена. См., например, развертывание антропологического поворота в настоящее время в гу-

Представители антропологического поворота фактически осуществили попытку радикальной переориентации философии в целом, не только смену повестки. Такая переориентация не может быть сведена к созданию отдельно взятой, очередной философской дисциплины и не может осуществиться в рамках одного исторического такта. Во многих работах об этой переориентации уже говорилось [4; 5; 6; 7; 8; 15; 17]¹². Вкратце она заключается в следующем:

1. Переход от эссенциалистской парадигмы к разного рода опыту энергичности, к духовным практикам преображения, к отказу от рассмотрения человека как объекта описания и исследования, обладающего некоей сущностью, в пользу человека как всегда возможного сущего, способного к преображению и преодолевающего свои границы.

2. Отказ от разного рода наукомерных моделей, базирующихся на привычных дуальных оппозициях типа субъект и объект, сущность и явление, внешнее и внутренне, естественное и искусственное, в пользу поисковых моделей, выстраиваемых всякий раз под новые практики.

3. Проведение сквозного человекомерного принципа во взглядах на мир и социум, на сферы жизнедеятельности и попытка видеть везде меру человека.

манитарных науках, в литературоведении, включая все свои составляющие: свой манифест, героев, опорные тексты и т.д. (см. [12; 13; 14]). Правда, новизна здесь в методологическом плане почти не прослеживается. Речь идет опять о старом лозунге носителей АП – назад к человеку, необходимо обратиться к человеку, о чем давно уже писал, например, М.М. Бахтин, говоря, что сквозь текст мы рано или поздно упрямся в человека.

¹² Некоторые авторы полагают, что назрела ситуация возрождения и самой философской антропологии, проект которой, казалось, был завершен как отдельное направление. Авторы полагают востребованность человекомерного дискурса, настаивают на том, что собственно философско-антропологический большой разговор должен вернуться, обрести свое новое начало, поскольку достижения наук и высоких технологий показывают явно выраженный дефицит понимания того, в какой неблагоприятной ситуации оказался человек в целом [14]. Полагаю, что возвращение ФА невозможно. Именно в связи с вышеназванным преодолением дисциплинарного подхода. Но проникновение человекомерного дискурса во все аспекты и сферы жизнедеятельности становится все более актуальным.

4. Отказ от построения доктрин и концепций о человеке, отказ от поиска абстрактной идеи человека в пользу выработки репертуаров и ансамблей антропопрактик развития, среди которых не только художественные, культурные, религиозные практики, но и практики исследования, проектирования и конструирования.

5. Тем самым антропологически ориентированный дискурс выступает сквозным, рамочным, мерным для любого другого дискурса и проекта развития, преодолевающим узкодисциплинарный подход.

6. Методологическое переоснащение не только гуманитарных и социальных наук, но и всей научной сферы, предполагающее внедрение рефлексивных антропопрактик в самые разные научные и социальные дискурсы и проекты, изменение словарей и парадигм через встраивание в них человекомерных дискурсов и текстов.

Фактически этот долгий, длящийся в несколько этапов, не законченный до сих пор, проходящий с перерывами и паузами и вновь возобновляющийся антропологический поворот может быть рассмотрен как рамочный для всех вышеназванных поворотов, поскольку именно он претендует на восстановление целостности мира и его сохранение через возрождение человека, его целостности, возвращение человека к своему бытию и предназначению посредством восстановления его места в мире и его родовых духовных начал. Все остальные повороты суть его манифестации, воплощающиеся в поиске нового инструментария, новых способов, методов, нового языка, новых средств его осуществления. Потому XX век и кажется богатым на разнообразные повороты, поскольку все они пытались преодолеть обнаруженные у человека дефициты: языка, понимания, средств познания, объяснения, средств действия, воображения, представления, способов обретения и построения своего места в мире. Человек в течение всего века обнаруживал в себе самом тотальный дефицит, тем самым подтверждая вердикт М. Шелера, констатировавшего, что человек, увлекшись познанием и овладением мира, самого себя до сих пор и не знает.

Условно говоря, названные повороты суть перформативы, акты исполнения одного, антропологического, поворота, его форм представления и манифестаций. А потому они никак не заканчивались

и всякий раз проявляли себя в новой ипостаси, поскольку они были суть проявлениями онтологической недостаточности человека, ищущего постоянно свое новое начало¹³.

На этом фоне лингвистический или риторический, прагматический или биографический повороты выглядят как метафоры, брошенные тем или иным автором, акцентирующим внимание на очередной обнаруженный дефицит, означающий, что мы еще не обсудили ту или эту тему, а они крайне важны, актуальны, а человек, мол, испытывает крайний дефицит средств для разговора на эту тему, и тем самым разворачиваются целые направления исследований¹⁴.

¹³ Явно выраженной редукцией выглядит допущение, что XX век – это век лингвистического поворота, а последний является характерной чертой философии XX века [19, с. 153]. Авторы лингвистического поворота, указавшие на то, что философы, особенно метафизики типа М. Хайдеггера, неправильно говорят, у них неправильная грамматика, почему-то забывали указать, что речь идет о конкретных людях, неправильно говорящих. Но что мешает говорить правильно? И что значит правильно говорить? Почему кто-то говорит правильно, а кто-то неправильно? Ситуация антропологического или онтологического дефицита редуцировалась до ситуации дефицита языковых и логических средств анализа, в итоге мы получаем логический анализ, новый тренд в философии, заслоняющий более глубокий – это человек разучился говорить, точнее, разучился мыслить, он потерял себя и свое место, потерял ориентацию. Ему надо вернуться к себе и тогда он найдет язык, он научится вновь говорить, как это было показано в начале фильма А. Тарковского «Зеркало»: «Я могу говорить!». Если человек находит вновь утраченное начало, то он вновь научается говорить.

¹⁴ В.В. Савчук ссылается на К. Вульфа, представителя исторической антропологии, полагающего, что лингвистический, иконический и перформативный повороты суть части и подступы к главному повороту XX века – антропологическому [16, с. 143]. Все три поворота суть повороты к антропологическому способу рассмотрения мира. Первый увязывает место человека, его сознание, с языком и его структурами, второй – с ролью воображаемого, третий указывает на действие и исполнение. В итоге все они означают способы, методы, манифестации человека, выбираемые разными исследователями. Но все они увязаны со сдвигом места человека. На последнее обращал внимание уже не только хрестоматийный М. Шелер, но и задолго до него И. Кант, И.Г. Фихте, далее С. Кьеркегор, К. Маркс, Ф. Ницше, Л. Фейербах. Все они обращали внимание на базовое неблагополучие человека в мире и его кенозис, сужение его духовного горизонта существования. Их концепции подготовили собственно сам антропологический поворот, начавшийся в 10-20-е годы XX века [17].

Заключение

Повороты человеку необходимы. История культуры, история философии, живут поворотами. Но они делают свою созидательную работу тогда, когда предполагают обращение к источнику рождения и возрождения, обращение к животворному началу с тем, чтобы новая повестка наполнялась живительной силой, наполняющей энергией новое слово, дающей импульс для нового созидания, дабы не ввергнуться в хаос и безумие пустого переименования и переименования, за которыми стоят всего лишь гордыня нарциссизма и самолюбования их авторов.

Если мы оглянемся на вышеприведенный краткий обзор всевозможных названных поворотов, то мы можем увидеть, что в XX веке происходит кенозис феномена поворотов. Большинство так называемых поворотов не предполагает обращения и восстановления родового истока. Они все сводятся лишь к смене темы, повестки, поиску новых инструментов, практических средств. В большинстве своем носителей разнообразных поворотов не интересует произошло ли постижение глубин в познании миров, их интересует то, кто оказался более эффективен в техническом овладении миром. Уже никто не заботится о золотом каноне в истории философии. Р. Рорти в итоге победил, ратуя за пользу и счастье людей. Но его последователи пошли дальше. В настоящее время актуальными становятся разнообразные проекты, связанные с техническим прогрессом и конкуренцией за овладение ресурсами мира и сознанием людей (см. В.В. Савчук о медиальном повороте [29]). Поэтому повороты будут случаться и дальше, они будут становиться все более жесткими, агрессивными, связанными с борьбой за умы и сердца людей, носить характер медийных информационных атак, осуществляемых с помощью самых разных изощренных средств, помогающих манипулировать массовым сознанием. В информационных и гибридных войнах все средства хороши. И мы все дальше и дальше будем отходить от своего начала, забывая самих себя.

Литература

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.

2. *Бибихин В.В.* Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 3–14.
3. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
4. *Говорунов А.В.* Философская антропология – возвращение проекта // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 12–20.
5. *Гумбрехт Х.У.* Как антропологический поворот может затронуть гуманитарные науки? // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 18–24.
6. *Долмейр Ф.* Возвращение философской антропологии. Субъективные размышления // Человек. 2010. № 4. С. 5–11.
7. *Конец В.А.* Антропологический поворот/разворот культуры – новый вариант проекта модерна // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 5–11.
8. *Марков Б.В.* Антропологический поворот в философии XX века // Очерки социальной теории. М., 1994.
9. *Махлин В.Л.* Третий Ренессанс // Бахтиология. Исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетейя, 1995. С. 132–154.
10. *Махлин В.Л.* Философская программа М.М. Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1997. 54 с.
11. *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 частях. Часть третья: Философия науки и историография. СПб.: ИД «Мирь», 2011. 336 с.
12. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 27–36.
13. *Платт К.М.Ф.* Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // Новое литературное обозрение. 2010. № 106.
14. *Прохорова И.Д.* Новая антропология культуры: Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 9–16.
15. *Ростова Н.Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93–98.
16. *Савчук В.В.* Метафора поворота в философии // Философские науки. 2010. № 10. С. 135–150.
17. *Смирнов С.А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки // Философия и культура. 2017. № 2. С. 23–35.
18. *Смирнов С.А.* Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2023. № 18. С. 280–323.
19. *Современная западная философия.* Энциклопедический словарь. М.: Культурная революция, 2009. 392 с.
20. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования области мифопоэтического: Избранное. М.: ИГ «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
21. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естество-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–40.

22. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 уч. году / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993. 447 с.
24. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
25. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
26. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 352 с.
27. Шичалин Ю.А. 'Ελιετροφί или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М.: ЛИА «ДОК», 1994. 128 с.
28. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. 144 с.

References

1. Hadot, P. (2005). Duhovnye uprazhnenija i antichnaja filosofija [Spirit Exercises and Ancient Philosophy]. Moscow; St. Petersburg: Stepnoj Veter Publ; Kolo Publ., 448. (In Russ.).
2. Bibikhin, V.V. (1993). Delo Hajdeggera [The Heidegger Affair]. Heidegger M. Vremja i bytie [The Time and Being]. Moscow: Respublika Publ., 3–14. (In Russ.).
3. Gadamer, H.-G. (1991). Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of Beauty]. Moscow: Iskusstvo Publ., 367. (In Russ.).
4. Govorunov, A.V. (2014). Filosofskaja antropologija – vozvrashhenie proekta [Philosophical Anthropology – The Return of the Project]. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury [International Journal of Cultural Studies], 2 (15), 12–20. (In Russ.).
5. Gumbrecht, H.U. (2012) Kak antropologicheskij povорот mozhet zatronut' gumanitarnye nauki? [How might the Anthropological Turn Affect the Humanities?]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 114, 18–24.
6. Dolmejr, F. (2010) Vozvrashhenie filosofskoj antropologii. Subjektivnye razmyshlenija [The Return of Philosophical Anthropology. Subjective Reflections]. Chelovek [Chelovek], 4, 5–11. (In Russ.).
7. Konev, V.A. (2014). Antropologicheskij povорот/razvorot kul'tury – novyj variant proekta moderna [Anthropological Turn/reversal of Culture – a New Version of the Modernist Project]. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury [International Journal of Cultural Studies], 2(15), 5–11. (In Russ.).
8. Markov, B.V. (1994). Antropologicheskij povорот v filosofii XX veka [The Anthropological Turn in XX century Philosophy] Oчерki social'noj teorii [Essays on Social Theory]. Moscow.
9. Makhlin, V.L. (1995). Tretij Renessans [The Third Renaissance]. Bahtinologija. Issledovanija, perevody, publikacii [Bakhtinology. Research, translations, publications]. St. Petersburg: Aleteja Publ., 132–154. (In Russ.).

10. *Makhlín, V.L.* (1997). *Filosofskaja programma M. M. Bahtina i smena paradigmy v gumanitarnom poznanii* [The Philosophical Program of M. M. Bakhtin and the Paradigm Shift in Humanitarian Knowledge]. Moscow, 54. (In Russ.).

11. *Ogurtzov, A.P.* (2012). *Filosofija nauki: dvadcatyj vek: koncepcii i problemy*. [Philosophy of Science: Twentieth Century: Concepts and Problems]. Part 3. St. Petersburg: Mir Publ., 336. (In Russ.).

12. *Poseljagin, N.* (2012). *Antropologicheskij povorot v rossijskikh gumanitarnykh naukah* [Anthropological turn in Russian humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 113, 27–36. (In Russ.).

13. *Platt, K.M.F.* (2010). *Zachem izuchat' antropologiju? Vzgljad gumanitarija: vmesto manifesta* [Why Study Anthropology? A Humanitarian's View: Instead of a Manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 106, 11–15. (In Russ.).

14. *Prohorova, I.D.* (2009). *Novaja antropologija kul'tury: Vstuplenie na pravah manifesta* [New Anthropology of Culture: Introduction as a Manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 100, 9–16. (In Russ.).

15. *Rostova, N.N.* (2020). *Antropologicheskij povorot v filosofii: antropologija vs ontologija* [The Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs. Ontology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 456, 93–98. (In Russ.).

16. *Savchuk, V.V.* (2010). *Metafora povorota v filosofii* [Metaphor of a Turn in Philosophy]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 10, 135–150. (In Russ.).

17. *Smirnov, S.A.* (2017). *Antropologicheskij povorot: ego smysl i uroki* [The Anthropological Turn: Its Meaning and Lessons]. *Filosofija i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2, 23–35. (In Publ.).

18. *Smirnov, S.A.* (2023). *Metod M.M. Bahtina* [M.M. Bakhtin's method]. *Chelovek.RU* [Chelovek.RU], 18, 280–323. (In Russ.).

19. *Sovremennaja zapadnaja filosofija. Jenciklopedicheskij slovar'* (2009) [Modern Western Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija Publ., 392. (In Russ.).

20. *Toporov, V.N.* (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija oblasti mifopojeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoetic: Selected]. Moscow: Progress – Kul'tura Publ., 624. (In Russ.).

21. *Toporov, V.N.* (1982). *Pervobytnye predstavlenija o mire (obshhij vzgljad)* [Primitive Ideas About the World (General View)]. *Ocherki istorii estvenno-nauchnykh znaniy v drevnosti* [Essays on the History of Natural and Scientific Knowledge in Antiquity]. Moscow: Nauka Publ., 8–40. (In Russ.).

22. *Foucault, M.* (2007). *Germenevtika subjekta: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans* [Hermeneutics of the Subject: Course of Lectures Delivered at the Collège de France]. In 1981–1982. Transl. from France. A.G. Pogonjajlo. St. Petersburg: Nauka Publ., 677. (In Russ.).

23. *Heidegger, M.* (1993). *Vremja i bytie* [Time and Being]. Moscow: Respublika Publ., 447. (In Russ.).

24. *Heidegger, M.* (1991). Razgovor na proselochnoj doroge [Conversation on a Country Road]. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 192. (In Russ.).

25. *Heidegger, M.* (1993). Raboty i razmyshleniya raznyh let [Works and Thoughts from Different Years]. Moscow: Gnozis Publ., 464. (In Russ.).

26. *Khorujy, S.S.* (1998). K fenomenologii askezy [Towards the Phenomenology of Asceticism]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury Publ., 352. (In Russ.).

27. *Shichalin, Yu.A.* (1994). Ἐπιστροφή ili Fenomen «vozvrasheniya» v pervoj evropejskoj kul'ture [Ἐπιστροφή or the Phenomenon of "Return" in the First European Culture]. Moscow: LIA «DOK» Publ., 128. (In Russ.).

28. *Jeliade, M.* (1994). Svjashhennoe i mirskoe [Sacred and Profane]. Moscow: MSU Publ., 144. (In Russ.).

Информация об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

smirnoff1955@yandex.ru

Information about the author

Smirnov, Sergey Alevtinovich – Institut of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

smirnoff1955@yandex.ru

Дата поступления 11.06.2025.

Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 167+ 1(091)

DOI: 10.15372/PS20250308

EDN: OUPTXA

Н.В. Бряник**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ИСТОРИИ НАУКИ Э. ГУССЕРЛЯ**

В постпозитивистской философии науки при всем разнообразии направлений достаточно общепризнана доминирующая тенденция – поворот философии науки к истории науки. Постпозитивистские трактовки истории науки (Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер и др.) созданы в явной или скрытой полемике с позитивистской концепцией эволюции, и тем самым остаются в концептуальных границах данной парадигмы. В этой связи представляют интерес те версии истории науки, которые выходят за пределы данной парадигмы. К их числу можно отнести концепцию Э. Гуссерля, в которой история науки рассматривается через призму генезиса дедуктивных наук (геометрии и математической физики): от возникновения изначального смысла до формирования научной традиции в этих теоретических науках, которая для каждого данного поколения ученых выступает в качестве «универсального априори истории». Возникновение математической физики в Новое время оценивается им как разрыв с предшествующей научной традицией, что означает кризис в науке, который сопровождается кризисом европейского человечества в целом. В статье на основе работ Э. Гуссерля по истории науки реконструируется система базовых понятий, воссоздающая феноменологическую версию истории науки.

Ключевые слова: Э. Гуссерль; философия науки; история науки; начало/истоки; смысл; язык; научная традиция; «универсальное априори истории»; кризис науки; научная рациональность

N.V. Bryanik**PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION
OF E. HUSSERL'S HISTORY OF SCIENCE**

In the postpositivist philosophy of science, with all the variety of directions, the dominant tendency – the turn of the philosophy of science to the history

of science – is quite generally recognized. Postpositivist interpretations of the history of science (T. Kuhn, I. Lakatos, K. Popper, etc.) are created in explicit or implicit polemics with the positivist concept of evolution; and thus remain within the conceptual boundaries of this paradigm. In this regard, those versions of the history of science that go beyond this paradigm are of interest. They include E. Husserl's concept, in which the history of science is viewed through the prism of the genesis of deductive sciences (geometry and mathematical physics) – from the emergence of the original sense to the formation of a scientific tradition in these theoretical sciences, which for each given generation of scientists acts as a “universal a priori of history”. The emergence of mathematical physics in the New Age is evaluated by him as a break with the previous scientific tradition, which means a crisis in science, which is accompanied by the crisis of European humanity as a whole. Based on E. Husserl's works on the history of science, the article reconstructs a system of basic concepts that recreates a phenomenological version of the history of science.

Keywords: E. Husserl; philosophy of science; history of science; beginning/origins; meaning; language; scientific tradition; “universal a priori of history”; crisis of science; scientific rationality

Введение: философия науки как история науки

В постпозитивизме, который претендует на преодоление недостатков логического позитивизма, работы по истории науки имеют особое значение: по сути, с 60–80-х гг. XX в. в философии науки происходит поворот от *логики науки* к *истории науки*¹. История науки становится доминирующим направлением, и в этом смысле не будет преувеличением признать, что философия науки становится историей науки. Один из тех, кто осознавал необходимость подобной переориентации философии науки, И. Лакатос, свою статью «История науки и ее рациональные реконструкции» начинает с утверждения: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [9, с. 203]. В этой парафразе известного изречения И. Канта заложена целая программа нового пути как философии науки,

¹ Проблематика истории науки одна из центральных тем в исследованиях таких представителей философии науки, как Дж. Агасси, Т. Кун, М. Полани, С. Тулмин, К. Поппер, Дж. Уоткинс, Дж. Холтон и др. Среди отечественных мыслителей можно назвать С.Р. Микулинского [10], Н.И. Родного [12], В.М. Найдыша [11], Н.И. Кузнецову [7] и др. Приведенные работы отечественных авторов подтверждают и время, и главную тему указанного поворота.

так и истории науки. История науки становится тем материалом, из которого конструируется философский образ науки. Но при этом история науки не может быть простым соединением хронологии, географии и биографии научных событий – она неизбежно подчиняется какой-то философско-методологической установке. Постпозитивистские версии истории науки преодолевают принцип эволюционизма позитивистской историографии науки², полагающийся на идеи закономерного прогресса, кумуляции, линейности, что Т. Куном квалифицировалось как антиисторизм [см.: 8, с. 16].

Как бы ни подчеркивали отличие своих концепций истории науки представители постпозитивизма, нельзя не признать, что при всех новациях они работают в границах проблемного поля, заданного позитивизмом, хотя и радикально пересматривают его. В этой связи не могут не вызывать интерес подходы, которые выходят за эти границы и принципиально по-иному видят историю науки. Один из таких философско-методологических подходов к истории науки предложен Э. Гуссерлем; он реализовал его в работах «Начало геометрии» (1936) и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1935–1936). Судя по годам написания этих работ, Э. Гуссерль размышлял над историей науки во времена полного господства в философии науки логического позитивизма. О потенциале предложенной им методологии свидетельствует тот факт, что его историко-научные изыскания вызывают интерес видных представителей западного постмодернизма³, а также отечественных философов⁴.

² Наиболее обстоятельно данный принцип представлен в работах: *Уэвелл В.* История индуктивных наук: от древнейших времен до настоящего времени. В 3-х т. Т. 1. СПб. 1867, 589 с.; *Конт О.* Дух позитивной философии. Либроком. 2012, 80 с.

³ Это можно подтвердить 200-страничным «Введением» Жака Деррида к 35-страничному тексту Э. Гуссерля «Начало геометрии».

⁴ Здесь уместно привести работы А.Э. Савина [13; 14], который обращается к трудам Э. Гуссерля по истории науки, но при этом он нацелен на выяснение гуссерлевского понимания истории и темпоральности бытия. У автора данной статьи также есть публикация, связанная с обращением к гуссерлевской истории науки [2], но контекстом и целью ее рассмотрения является поиск специфики феноменологического философствования в отношении науки, а не собственно сама история науки.

Не вызывает сомнения, что указанные выше работы Э. Гуссерля посвящены истории науки. Если в «Кризисе...» рассматривается становление *новоевропейского* типа научной рациональности на примере возникновения математической физики, то «Начало геометрии» имеет подзаголовок, конкретизирующий название – «Вопрос об истоке геометрии как интенционально-историческая проблема».

Оригинальность подхода Э. Гуссерля в том, что история науки предстает у него как история событий, происходивших в сознании творцов науки под влиянием определенных факторов и обстоятельств. Он воссоздает своеобразную *онтологию сознания* в ее историческом преломлении, которая сопровождается особыми *теоретико-познавательными* и *психологическими* феноменами, которые и являют собой результат деятельности сознания. Мы ставим перед собой задачу раскрыть особенности феноменологической концепции истории науки, воссоздав в логической последовательности систему ее базовых понятий.

1. История науки как поиск начала/истоков

Конкретизируем гуссерлевский подход, пошагово выстраивая его логику рассмотрения историко-научных событий и приводя используемый им понятийный аппарат (при этом будем делать акцент то на одной, то на другой из его историко-научных работ).

Во-первых, Э. Гуссерль претендует на уникальность предпринятого им подхода, заявляя это таким образом: «Наши исследования ... являются историческими в необычном смысле, а именно в том тематическом направлении, которое открывает совершенно чуждые обычной исторической науке глубинные проблемы» [5, с. 211]. Необычность его историко-научной методологии видится в том, что он пытается понять, каким образом смог возникнуть тот *геометрический смысл*, без которого невозможна геометрия как наука ни в ее истоках, ни в ее нынешнем состоянии. При этом он оговаривает, что геометрия для него всего лишь пример одной из частных наук, достигших теоретического уровня (он называет их дедуктивными науками), а значит его выводы приложимы ко всем этим наукам. Он отличает теоретико-дедуктивные науки от описательных, в отношении которых пишет: «Совсем иначе обстоит с так называемыми описательными нау-

ками, теоретический интерес которых остается в классификации и описании чувственной наглядности, заменяющей здесь очевидность» [5, с. 224].

Обращение к истокам теоретико-дедуктивных наук позволяет понять зарождение «изначальнейших смыслов» этих наук, которые сохраняются независимо от того, какие открытия в них совершаются.

Во-вторых, нельзя не задаться вопросом о том, каким образом и в виде чего существует этот «изначальнейший смысл» зарождающейся геометрии? Для ответа на этот вопрос стоит оживить знания хотя бы школьной геометрии, в которой изучались теорема Пифагора, параллельные прямые, прямоугольные, равнобедренные и прочие треугольники и многое другое. В нашей памяти всплывают идеальные образы названных геометрических фигур, а также правила их образования, преобразования и взаимозависимости. «Изначальнейший смысл» геометрии зарождался в виде *идеальных образов*, т.е. в виде того, что мы называем *идеями* – внутренними образами, существовавшими когда-то в сознании первооткрывателей и существующими в сознании наших современников.

Трактовка идеи (а вместе с ней идеального и идеализации) значима и для гуссерлевской философии в целом, и для понимания науки в частности. Отметим только одну из характеристик идей, важную для нашего изложения. Так, в работе «Кризис европейского человечества и философия» (1936) по поводу идей мы находим следующие рассуждения: «Идеи, свойственные человеку смысловые структуры удивительного нового рода, ...представляют собой нечто совершенно иное, чем реальные вещи... Создав первую концепцию идеи, человек становится совершенно новым человеком. Его духовное бытие вступает на путь постоянного обновления» [4, с. 108–109]. Что касается науки, то, называя идеи «продуктами науки», он описывает их так: «продукты науки ... имеют совсем другой способ бытия, совсем иную временность. Они не портятся, они непреходящи; ...в любом количестве повторений создается по отношению к одному и тому же человеку и к любому множеству людей тождественное себе то же самое, тождественное по смыслу и значимости. ...Одним словом, продукт науки не реальное, а идеальное» [4, с. 109].

Когда идет поиск изначального смысла геометрии, то ищутся именно идеи, возникшие в головах т.н. «первогеометров».

В силу указанного признака идей – сохраняться в своей тождественности вечно – они передаются с одним и тем же смыслом через века и тысячелетия. На этом настаивает Э. Гуссерль: от «первогеометров» передается не психическое состояние их души (это непередаваемо), а их духовные достижения в виде идей. И тогда не совсем важно, кто эти «первогеометры». Идеи рождает «живая наука», через них реализуется «бытие смыслов», они являют собой форму духовной активности, предстают как нечто «очевидное», как внутренний/смысловой образ для тех, кто является их носителями – этот ряд конкретизаций, используемых Э. Гуссерлем, может быть продолжен. Более строгое понятие, объединяющее разные аспекты возникшего геометрического смысла – это понятие *«идеальной предметности»* (линии, поверхности, треугольники и прочие идеализации).

Не может не возникнуть естественный вопрос: «А из чего рождаются идеи?» Задается вопросом о том, что «служит материалом для идеализирования» [5, с. 240] и интересующий нас мыслитель. Он показывает, что исходным материалом является непосредственно окружающий мир, его пространственно-временные формы во всем их многообразии. Вот его рассуждения на этот счет: «Геометрия и родственные ей науки имеют дело с пространственностью и возможными в ней формами, фигурами, формами движения, деформирующими преобразованиями и т.п., в особенности поскольку они являются измеримыми величинами. ...Это был мир “вещей”» [5, с. 240]. Замечание по поводу измеримости этих форм чрезвычайно важно, поскольку уточняет практическую значимость исходного для идеализации материала. И вот его гипотетические рассуждения о том, как шло преобразование практически значимых «вещных» форм в идеальные формы: «Сначала от образов вещей отделяются плоскости – более или менее “гладкие”, более или менее совершенные плоскости; ...более или менее чистые линии; углы – более или менее совершенные точки; затем, например, среди линий особо предпочитают прямые, среди плоскостей – ровные; например, из практических причин предпочитают прямоугольные доски... Так в практике начинает играть свою роль производство плоскостей и их усовершенствование (полировка)» [5, с. 241]. Исходный материал мира вещей, обслуживающих практическую жизнедеятельность, был преобразован в мир идеальных предметностей, поскольку «первогеометр» был одновре-

менно и философом, способным узреть в том, что его окружает, мир подлинного бытия и чистых сущностей, как тот бесконечный предел, к которому устремлен вещный мир.

В-третьих, в своей концепции Э. Гуссерль различает понятия «идеальной предметности» и «идеальной объективности»; хотя, казалось бы, предметность и объективность говорят об одном и том же. Необходимость различения данных понятий он формулирует как проблему: «Именно идеальных предметностей..., – пишет он, – касается ...наша проблема: как геометрическая (равно как и всех прочих наук) идеальность из своего изначального внутриличного истока, в котором она представляет собой образования в пространстве сознания души первого изобретателя, достигает своей идеальной объективности?» [5, с. 216]. Обратим внимание на словосочетание «пространство сознания души первого изобретателя»: вот что мыслитель рассматривает «пространство сознания» – это ли не онтология сознания? Что касается ответа на заданный им вопрос, то он краткий и одновременно, по сути, растянутый на всю статью, поскольку связан с принципиально значимым моментом в понимании происхождения науки, а именно: идеальная предметность обретает статус идеальной объективности «посредством языка» [5, с. 216]. И здесь мы должны сделать следующий шаг – раскрыть роль языка в возникновении и развитии науки.

В-четвертых. Даваемое объяснение не вызывает ни вопросов, ни возражений, поскольку оно очевидно: «языковое воплощение из лишь внутрисубъективного делает образование объективным, таким, что ... геометрическое понятие ... действительно становится для всех понятным и значимым в своем идеальном геометрическом смысле, уже в языковом выражении как геометрический дискурс» [5, с. 216]. Для Э. Гуссерля важны две функции языка, а именно: *коммуникативная*, позволяющая личности, индивидуальному субъекту пребывать, как он это называет, в «горизонте со-человечества», представленного либо современниками, либо предшествующими и последующими поколениями («цепь поколений»), и *репрезентативная*, описывающая положение дел в окружающем человека мире. Эти две функции неразрывно связаны между собой, что позволяет мыслителю включить в аргументацию о генезисе науки тему *интерсубъективности* знания. Вот один из таких аргументов: «В контакте вза-

имного языкового понимания первоначальное производство и произведение одного субъекта будет активно после-понято другими» [5, с. 230]. С помощью языка как средства идеальной объективации воспроизводятся с полной идентичностью идеальные предметности, а ведь однозначность и строгость значений математических понятий является отличительной чертой этой области науки. В продолжение цитированной мысли следует рассуждение, подтверждающее сказанное: «Произведения могут, сохраняя тождественность, распространяться от одного лица к его ближним, и в понятельной цепи этих повторений очевидное переходит как таковое в сознание другого. В единстве сообщающегося сообщества многих лиц многократно воспроизведенные образы будут осознаваться не как одинаковые, но как один общий» [5, с. 230].

В трактовке языка, ориентированной на раскрытие темы интерсубъективности, Э. Гуссерль ставит проблему, которая стала чрезвычайно актуальной и в наши дни. Суть ее он формулирует так: как обеспечить «устойчивое существование “идеальных предметов” ... тогда, когда первооткрыватель и его товарищи не вступают ... в контакт или вообще уже умерли. Им не хватает непрерывности бытия» [5, с. 230]. И ответ более чем современен – особое значение приобретает письменная фиксация идеальных предметностей: письменное языковое выражение «делает возможным сообщения без непосредственного или опосредованного личного обращения, ... оно есть ... виртуальное сообщение... Письменные знаки, если их рассмотреть чисто телесно, могут быть восприняты просто чувственно и всегда имеется возможность воспринять их совместно, межсубъектно. Но, будучи языковыми знаками, они ... вызывают соответствующие знакомые значения» [5, с. 230–231]. Здесь заявлено своеобразное предвосхищение событий новейшей информационно-компьютерной революции, которая погружает нас в мир виртуальной реальности.

В-пятых, тема интерсубъективности, помимо языкового аспекта, включает в себя то, что может быть отнесено к *феноменологической психологии*, которую Э. Гуссерль постоянно и настойчиво дистанцирует от эмпирической психологии. Здесь рассматриваются события, происходившие в сознании первооткрывателей в процессе формирования геометрических смыслов и их трансляции. При этом используется целый блок таких понятий как: пассивность/активность,

активация/реактивация, очевидность, ассоциации, смутное/темное/проясненное, воспоминание, ретенция и др. Даже неспециалисту понятно, что это подборка психологических понятий, но у Э. Гуссерля они нагружены онтолого-гносеологическим содержанием и контекстом.

Продемонстрируем описание им событийного ряда состояний сознания, их «подвижности», в которой раскрывается, как и в каком виде исходные смыслы сохраняются и прирастают новыми. Он пишет: «актуальная самоналичность первого произведения в его исходной очевидности не дает... стойкого достижения... Живая очевидность ... тотчас переходит в пассивность... В конце концов эта “ретенция” исчезает, но “исчезнувшее” ... не превращается для ... субъекта в ничто, оно может быть вновь пробуждено к жизни. В пассивность сначала темного пробужденного [содержания] ... входит и возможная активность повторного воспоминания, в котором прошлое переживание как бы заново и активно переживается. Теперь там, где ... есть обновленное... параллельно ... с необходимостью вступает активность попутного действительного производства» [5, с. 219]. В этом описании речь явно идет об индивиду как субъекте-творце, но подлинным творцом «живой науки», по Э. Гуссерлю, становится «открытая цепь поколений, сотрудничающих друг с другом и друг для друга индивидов» [5, с. 214]. Соответственно, в сознании других с помощью языка могут быть реактивированы подобные состояния.

В совокупности событий сознания, продуцирующих идеальные предметности дедуктивных наук, особую роль он отводит логике, называя ее «логической активностью». Объясняется это тем, что языковая объективация идеальных предметностей реализуется в формате предложений, связь между которыми и осуществляется благодаря логической активности. Вот одно из пояснений, касающихся логики: «отправляясь от перво-очевидностей, изначальная подлинность должна разрастаться в ... длинную цепь логических следствий» [5, с. 227].

2. Формирование научной традиции и «универсальное априори истории»

В-шестых. Знакомство с историко-научными изысканиями Э. Гуссерля заставляет признать, что в качестве факторов, определяющих формирование геометрических смыслов (соответственно, и смыслов

всех частных дедуктивных наук), он рассматривает не только событийные состояния сознания и их языковые воплощения, но и *факторы культуры*. В этой связи применительно к науке он высказывает ряд оригинальных соображений. Поясним, в чем они заключаются. Обращение к истокам/началу геометрии он называет «встречным вопрошанием» из «готовой геометрии», которая возникла на основе *традиции*; Э. Гуссерль активно использует данное понятие и производные от него неологизмы типа «традирование», «традирующий». «Нынешнюю, по традиции дошедшую до нас геометрию ... мы понимаем, исходя из совокупного достояния духовных результатов, которое пополняется... в новых духовных актах» [5, с. 213], – утверждает он. История любой науки предстает у него в виде лестницы, каждая ступень которой несет в себе «идеальный бытийный смысл», который вбирает в себя смысл предыдущей ступени; и тогда получается, что «смысл зиждется на смысле», и «ни одно звено в духовном строении не самостоятельно» [5, с. 224].

Культурологический подход к истории науки означает для него рассмотрение науки как полагания смыслов. И мы видим, как вводятся в оборот такие слова как «смыслообразование» и «смыслооседание», с помощью которых раскрывается механизм формирования *научной традиции*. Значимость подобного подхода им самим определяется так: «Наши принципиальные выводы столь всеобщи, что распространяются на все ... дедуктивные науки... Ведь все [эти науки] обладают той подвижностью осевших традиций, с которыми вновь и вновь работает традирующая активность, производя новые смысловые образования. Таким своим способом существования они постоянно распространяются на все эпохи» [5, с. 231].

Культурологический подход, кратко обрисованный выше, позволяет обозначить оригинальность его позиции и в понимании *принципа историзма*. И это будет наш следующий шаг.

В-седьмых. Подвергая критике, как он его называет, «историзм», представляющий историю как историю фактов, он претендует на глубинное ее понимание, приложимое и к истории науки. Если «история есть ... живое движение совместности и встроенности друг в друга изначального смыслообразования и смыслооседания» [5, с. 235], то сформированная в этом процессе научная традиция представляет собой, по словам Э. Гуссерля, «универсальное Априори ис-

тории». Именно поэтому, считает он, «геометрия со всеми своими истинами справедлива с безусловной всеобщностью для всех людей, всех времен, всех народов... не только исторически фактических, но и для всех вообще мыслимых» [5, с. 243]. Универсальное априори истории концентрирует в себе искомый геометрический смысл (а также смыслы любых частных наук), и всякий освоивший его, а значит, подключившийся к данной научной традиции, способен изобретать новые смыслы в данной области и быть ее творцом.

Э. Гуссерль ввел данный концепт, противопоставляя свое понимание науки как феномена культуры культурно-историческому подходу О. Шпенглера, который отрицал всякую всеобщность и универсальность в науке, поскольку считал ее зависящей от времени и места существования. Для Э. Гуссерля, напротив, важна роль научной традиции как фактора культуры именно в формате универсального априори в истории науки.

В-осьмых, для всякого, кто обращается к истории науки, неизбежно возникает вопрос о направленности изменений, происходящих в науке. В случае с Э. Гуссерлем это вопрос о том, куда ведет движение смыслов. В его работах дается неоднозначный ответ. С одной стороны, достаточно часто фигурируют оценки о *познавательном прогрессе* в дедуктивных науках и науке в целом, но с другой, обращает на себя внимание название одной из упомянутых в самом начале работ мыслителя – «Кризис европейских наук...», к которой можно присоединить статью «Кризис европейского человечества и философия» и другие его произведения, поскольку наука всегда была в центре его размышлений. Кризис он констатирует таким образом: «...все без исключения науки нового времени ... испытывают своеобразный кризис... это – кризис, который не понятен ученым-специалистам, кризис, который потряс весь смысл науки» [3, с. 58]. Но ведь прогресс и кризис, да еще заявленного масштаба, явно несовместимы.

Речь идет о кризисе науки Нового времени, и для его обоснования выстраивается целая концепция, которая вписывается в ранее рассмотренные положения истории науки, по Э. Гуссерлю, и является их продолжением. Подтверждением тому служит сам замысел «Кризиса европейских наук ...»: его интересует процесс *зарождения* новой науки, поскольку именно в этот период, по его мнению, были заложены

жены предпосылки для кризиса. Один из фрагментов данной работы носит название «Фундаментальное значение проблемы генезиса математического естествознания» [3, с. 92]. Математическое естествознание как область научного знания впервые появляется в Новое время; оно становится образцом для всех остальных областей, в том числе и для наук о духе. Сопровождаются эти процессы тем, что были поставлены под вопрос существовавшие ранее критерии научности, а также правомерность используемой методологии и, ни много ни мало, значимость науки в человеческой жизни. По оценке мыслителя, кризис явно и масштабно заявил о себе в начале XX столетия, но он стремится понять его истоки и с этой целью обращается к истории науки: «Исторический экскурс необходим для того, чтобы достичь самопонимания, столь необходимого для современной философской ситуации, чтобы прояснить *возникновение духа нового времени* и вместе с этим – вследствие недостаточно оцененного значения математики и математического естествознания – уяснить происхождение этих наук» [3, с. 93]. При рассмотрении генезиса новоевропейской науки он использует уже знакомый нам понятийный аппарат об «изначальном смыслообразовании», а также о «наследуемом последующем смысле», традиции и пр., но все это уже происходит не в геометрии, а в естествознании, в первую очередь в физике.

Главное отличие науки Нового времени он видит в том, что она нацелена на практические приложения, а не для того, чтобы, как это было в античной науке (органично слитой с философией), умом зреть подлинную суть бытия и рефлексировать о месте человека в нем. Практическое приложение достижений науки оказалось возможно потому, что наука стала полагаться на факты, на основе которых в конечном счете устанавливаются математические зависимости и законы, с помощью которых обеспечивается предсказуемое существование европейского человечества. Характеризуя достижение современной ему науки эпитетом «исключительное» – ведь ей обязано европейское человечество своим «благополучием» – он одновременно заявляет: «Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует лишь сугубо эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. ... Наука – и это постоянно можно слышать – ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она

в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, ... а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [3, с. 53].

В науке Нового времени оказалась нарушенной традиция, произошел «смысловой сдвиг» и возник *новый тип научной рациональности*, который, по словам Э. Гуссерля, объединяет классическую и неклассическую науку, является общим для Г. Галилея и А. Эйнштейна. *Критерием научности* становится достижение *объективной истины* – именно наука позволяет преодолеть субъективность и релятивность представлений об окружающем человека жизненном мире. *Методом* достижения объективных представлений становится *математизация*. Точными математическими зависимостями схватываются уже не только пространственно-временные отношения, но все многообразие качеств и свойств окружающего мира: от звуков и цветов до освещенности/затемненности, гладкости/шероховатости поверхностей и пр., т. е. все чувственно воспринимаемое богатство этого мира. Природа превращается в «математический универсум»; мы ее мыслим как объективную, подчиняющуюся строгим законам, в которых раскрываются причинно-следственные зависимости, и противостоящую субъективному миру человеческих ценностей и идеалов. Подытоживает он значимость нового метода такой оценкой: «...ученые замещают жизненный мир, придавая ему покров “объективной, действительной и истинной” природы. Одевание идей создает то, что мы принимаем за *истинное бытие*, которое на деле есть метод» [3, с. 88].

Но тогда в чем заключается кризис нового типа научной рациональности? Познание природы, истинные представления о действительной природе сводятся к тому, что наработано методом, все достоинство которого в технологичности и возможности получения предсказуемых результатов. «Математизация, реализующаяся в формулах, оказывается процедурой, решающей для жизни» [3, с. 82], – подытоживает Э. Гуссерль. Он называет подобное состояние науки «технизацией мышления», и оно его не устраивает, так как «природа сама по себе полностью нематематизирована» [3, с. 91]. С точки зрения движения смыслов, технизация мышления – это «выхолащивание» и «опустошение» смыслов; оставляется в стороне и предается забвению тот жизненный мир, который, по сути, и породил потреб-

ность в этом новом типе научной рациональности. Отсюда и название одного из параграфов – *«Жизненный мир как забытый смысловой фундамент естествознания»* [3, с. 86]. Будем при этом учитывать, что данный параграф – это всего лишь маленький фрагмент большого раздела рассматриваемой книги, который носит впечатляющее название – *«Кризис наук как выражение радикального жизненного кризиса европейского человечества»* [3, с. 51].

Что означает для него кризис европейского человечества, можно узнать из ранее упомянутой статьи [4]. Завершает он свои размышления в данной статье по поводу заявленной глобальной темы таким выводом: *«...в столь многих симптомах жизненного распада подтвержденный “кризис европейского существования” ... становится понятным ... на фоне ... телеологии европейской истории.* Однако предпосылкой этого понимания должно стать усмотрение феномена “Европа” в его центральном сущностном ядре. Чтобы постичь протivoестественность современного “кризиса” ... нужно понять, как европейский “мир” был рожден из идеи разума, т.е. из духа философии» [4, с. 126]. При поверхностном восприятии происходящего интеллектуалы – современники событий – связывают «кризис» с «крушением рационализма». Э. Гуссерль не согласен с такой оценкой, он считает, что «причина затруднений рациональной культуры заключается ... не в сущности самого рационализма, но лишь в его овнешнении, в его извращении “натурализмом” и “объективизмом”» [4, с. 126]. Натурализм, объективизм и, в этом же ряду, историцизм – все это вырастает из изначального смыслообразования новоевропейской науки – из математизированного естествознания. И тогда мы попадаем в своеобразный объяснительный круг, а именно: кризис европейских наук он рассматривает как отражение кризиса европейской культуры/человечества в целом, а кризис культуры в своем сущностном ядре объясняет кризисом того типа научной рациональности, который сложился в Новое время.

Свою позицию он заявляет на фоне нашумевших прогнозов в отношении будущего Европы, таких, например, как в «Закате Европы» О. Шпенглера. Позиция самого Э. Гуссерля звучит достаточно пафосно: «Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Евро-

пы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума» [4, с. 126]. Феноменологическая философия науки Э. Гуссерля претендует на преодоление натурализма/объективизма/историцизма тем, что она органично подключается к формированию предмета и методов частных наук, противопоставляя «фактопоклонству» смыслы и самопонимание [см.: 1, гл. 3].

Заключение

Подводя итог феноменологической версии истории науки, можно отметить, что особенность ее в обращении к истокам науки, выяснении тех смыслов, в которых она возникает и на основе которых формируется научная традиция, выступающая перед каждым данным поколением ученых как универсальное априори истории. В развитии науки в Новое время происходит смысловой сдвиг, что означает разрыв с предшествующей научной традицией и возникновение нового типа научной рациональности, объединяющей классическую и неклассическую науку. Математизация естествознания и вырождение ее в технизацию мышления оценивается мыслителем как кризис европейской науки, который рассматривается как выражение и сопровождение кризиса европейского человечества.

Феноменологическая концепция истории науки наполнена глубокими смыслами, которые, безусловно, несут в себе возможность различных интерпретаций, позволяющих увидеть и современную науку в новом свете. Мы попытались представить лишь некоторую схему данной концепции и минимальную систему ее базовых понятий.

Литература

1. *Брянник Н.В.* Неклассическая философия науки: монография. М.: Академический проект, 2020. 300 с.
2. *Брянник Н.В.* Э. Гуссерль о смысле науки в контексте современной философии и истории науки // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 51–60.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Эдмунд Гуссерль, Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 51–100.
4. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия / Эдмунд Гуссерль, Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 101–126.

5. Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996. 268 с.
6. Конт О. Дух позитивной философии. Изд-во Либроком. Серия: Из наследия мировой философской мысли. История философии, 2012. 80 с.
7. Кузнецова Н.И. Наука в ее истории (Методологические проблемы). М.: Наука, 1982. 128 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
9. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.
10. Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. 384 с.
11. Найдьши В.М. Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. М.: Альфа-М, 2012. 576 с.
12. Родный Н.И. Очерки по истории и методологии естествознания. М.: Наука, 1975. 424 с.
13. Савин А.Э. Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопр. философии. 2008. № 5. С. 127–139.
14. Савин А.Э. О понятии интенциональной истории у «позднего» Гуссерля // Филос. науки. 2008. № 10. С. 121–130.
15. Уэвелл В. История индуктивных наук: от древнейших времен до настоящего времени. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Изд-во «Русской книжной торговли», 1867. 589 с.

References

1. Bryanik, N.V. Neklassicheskaya filosofiya nauki: monografiya [Non-classical philosophy of science: a monograph], Moscow, Akademicheskij Proekt, 2020, 300 p. (In Russ.).
2. Bryanik, N.V. E. Husserl on the Meaning of Science in the Context of Contemporary Philosophy and History of Science. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2017, No. 4. P. 51–60. (In Russ.).
3. Husserl, E. Krizis evropejskix nauk i transcendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology] / E'dmund Gusserl', Filosofiya kak strogaya nauka [Edmund Husserl, Philosophy as a rigorous science], Novocherkassk, 1994, 357 p. P. 51–100. (In Russ.).
4. Husserl, E. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofiya [The Crisis of European Mankind and Philosophy] / E'dmund Gusserl', Filosofiya kak strogaya nauka [Edmund Husserl, Philosophy as a rigorous science], Novocherkassk, 1994, 357 p. P. 101–126. (In Russ.).
5. Husserl, E. Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida [Nachalo geometrii. Vvedenie Zhaka Derrida], Moscow, Izd-vo Ad Marginem, 1998. 268 p. (In Russ.).
6. Comte, O. Dukh pozitivnoj filosofii. Slovo o polozhitel'nom my'shlenii [The Spirit of Positive Philosophy. A word about positive thinking]. Moscow, Izd-vo: Librokom, 2016. 80 p. (In Russ.).

7. *Kuznetsova, N.I.* Nauka v ee istorii (Metodologicheskie problemy') [Science in its history (Methodological problems)], Moscow, Nauka, 1982. 128 p. (In Russ.).

8. *Kuhn, T.* Struktura nauchny'x revolyucij [The structure of scientific revolutions], Moscow, Progress, 1975. 288 p. (In Russ.).

9. *Lakatos, I.* Istoriya nauki i ee racional'ny'e rekonstrukcii [The history of science and its rational reconstructions] // Struktura i razvitie nauki. Iz Bostonskix issledovanij po filosofii nauki [Structure and development of science. From the Boston Studies in Philosophy of Science], Moscow, Progress, 1978. 487 p. P. 203. (P. 203–269). (In Russ.).

10. *Mikulinsky, S.R.* Oчерки razvitiya istoriko-nauchnoj my'sli [Essays on the development of historical and scientific thought] Moscow, Nauka, 1988, – 384 p. (In Russ.).

11. *Naidysh, V.M.* Nauka drevnejshix civilizacij. Filosofskij analiz [The science of ancient civilizations. Philosophical analysis], Moscow, Al'fa-M, 2012. 576 p. (In Russ.).

12. *Rodny, N.I.* Oчерки po istorii i metodologii estestvoznaniya [Essays on the history and methodology of natural science], Moscow, Nauka, 1975. 424 p. (In Russ.).

13. *Savin, A.E.* Kontseptsiya istorichnosti zhiznennogo mira v transsentsental'noy fenomenologii Edmunda Gusserlya [The Concept of Historicity of the Life-World in Edmund Husserl's Transcendental Phenomenology]. Voprosy filosofii, 2008. No. 5. P. 127–139. (In Russ.).

14. *Savin A.E.* O ponyatii intentsional'noy istorii u “pozdnego” Gusserlya [On the Concept of Intentional History in Husserl's Late Works]. Filosofskie nauki, 2008. No. 10. P. 121–130. (In Russ.).

15. *Whewell, V.* Istoriya induktivny'x nauk: ot drevnejshix vremen do nastoyashhego vremeni [The history of inductive sciences: from ancient times to the present], V 3-x t. T.1. [In 3 volumes, vol. 1], SPb., Izd. “Russkoj knizhnoj trgovli”, 1867. 589 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Брянник Надежда Васильевна – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, просп. Ленина, 51).

n.v.brianik@urfu.ru

Information about the author

Bryanik, Nadezhda Vasilyevna – First President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University (51, Lenina av., Ekaterinburg, 620000, Russia).

n.v.brianik@urfu.ru

Дата поступления 20.03.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 111+165

DOI: 10.15372/PS20250309

EDN: OCLZXX

А.С. Краснов, Д.Л. Федотов**ПОНЯТИЕ КАК ГОРИЗОНТ: Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОСТИ**

В статье предпринята попытка философской реконструкции научности как категории, исходя из спекулятивно-диалектической системы Г.В.Ф. Гегеля. Противопоставляя редукционистский и рассудочный подход к научному знанию, автор акцентирует внимание на необходимости включения научного дискурса в сферу разума (Vernunft), выраженного в понятийной необходимости. Особое внимание уделяется «Науке логики» как фундаменту гегелевской онтологии и гносеологии, а также критике эмпиризма, позитивизма и формальной логики как недостаточных оснований научности. Обосновывается актуальность гегелевского подхода в контексте современного кризиса фрагментированного знания и редукционистских стратегий в науке.

Ключевые слова: Гегель; диалектика; понятие; Vernunft; Verstand; спекулятивное мышление; метафизика

A.S. Krasnov, D.L. Fedotov**THE CONCEPT AS A HORIZON: G.W.F. HEGEL
AND THE FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF SCIENCE**

The article attempts to reconstruct philosophically scientificity as a category based on the speculative-dialectical system of G.W.F. Hegel. Contrasting reductionist and rational approaches to scientific knowledge, the author focuses on the need to include scientific discourse in the sphere of reason (Vernunft), expressed in conceptual necessity. Particular attention is paid to the “Science of Logic” as the foundation of Hegel’s ontology and epistemology, as well as to the criticism of empiricism, positivism and formal logic as insufficient foun-

dations for scientificity. The relevance of Hegel's approach is substantiated in the context of the modern crisis of fragmented knowledge and reductionist strategies in science.

Keywords: Hegel; dialectics; concept; Vernunft; Verstand; speculative thinking; metaphysics

Фигура Георга Вильгельма Фридриха Гегеля достаточно редко возникает в современных дискуссиях о философии науки и техники. И его имя можно редко услышать в одном ряду с логическими позитивистами К. Поппером, И. Лакатосом, Т. Куном, П. Фейерабендом. На первый взгляд само обращение к Гегелю кажется парадоксальным, поскольку его спекулятивная система, с главенствующей ролью Абсолютного Духа и последовательной критикой рассудочного естествознания (его эпохи), безусловно далеки от проблематики критериев демаркации, верификации и логики исследовательских проектов. Но «большое видится на расстоянии» и алогичность этого шага иллюзорна: в радикальной переформулировке фундаментальных оснований развития и функционирования научного познания кроется огромный потенциал гегелевской метафизики для современного осмысления феномена науки. Гегель не рассуждал и не констатировал то, что «есть», но создал фундаментальную философию научности, где наука не обмирщена скобками эмпирических фактов и верифицируемых результатов, но есть ступень развития Vernunft (разума) через Begriff (понятие). Нашей целью не является попытка историко-философской реконструкции взглядов и представлений Гегеля на отдельные науки, цель – разработка спекулятивно-диалектического метода как эпистемологического начала верификации научности познания. Гегелевская критика науки, построенной на Vernunft, является не её отрицанием, а требованием философского рассмотрения и углубления до уровня спекулятивного мышления, в котором нивелируется эпистемический разрыв между субъектом и объектом познания, формой и её конкретным содержанием, где истина представлена как живой саморазвивающийся процесс.

Гегелю выпала возможность прожить жизнь в эпоху триумфа ньютоновской физики и формирования фундамента современной науки. Но само его отношение к абсолютизации научной методологии оставалось глубоко критическим, поскольку в самом научном

методе воплощался *Verstand* (рассудок) – способность мышления строго оперировать определениями и понятиями, основанными на стагиритовой формальной логике тождества и различия. Согласно Гегелю, наука, основанная на *Verstand*, характеризуется прежде всего эмпиризмом и непосредственностью – она исходит из чувственно-воспринимаемого данного как абсолютной и непосредственной достоверности: «...знание, как оно выступает в начале, или непосредственный дух, есть то, что лишено духа, чувственное сознание» [5, с. 20]. Ядром критики Гегеля является то, что само «исходное» полагается, как нечто «данное», но не «выведенное» разумом, что онтологически лишает такое познание систематичности и достоверности. Эмпирическое основание сковано единичным и случайным, но они не способны выразить всеобщую необходимость. Анализ и абстрагирование как основной метод (секуляризирование целого на части и выделение отдельных свойств как суммативной совокупности отдельных признаков) также не устраивает Гегеля. Согласно ему: «...человек есть чистое мышление самого себя, и, лишь мысля, человек есть эта сила, эта способность сообщить себе всеобщность, то есть погасить всякую особенность, всякую определенность» [2, с. 71]. Для Гегеля всеобщность может быть только формальной и внешней в отношении всей палитры конкретного содержания. Полагаемая всеобщая формальность и универсальные законы, например, законы природы, отражённые в механике, являются, согласно Гегелю, лишь демонстрацией количественных соотношений, находящихся своё выражение в универсальном языке математических формул. Закон способен лишь констатировать регулярное событие, но не способен раскрыть содержание «необходимости» и «сущности» феномена. Для спекулятивной философии он являет собой «описательное», но не «объяснительное». Стремление науки времён Гегеля редуцировать абсолютно всё сущее во всём его многообразии, явления природы и духа к механистическим принципам, согласно его философии, есть демонстрация скудности мышления, в основание которого положен *Vernunft*. Такой тип мышления применяет к объекту категории, заимствованные лишь из одной области знания, которые для самого объекта всегда «внешний», что порождает феномен «внешней рефлексии», которая выхолащивает имманентное абстрактными схемами: «Механизм как первая форма объективности есть также та категория,

которая раньше всего представляется рефлексии при рассмотрении предметного мира и дальше которой она очень часто не идет» [6, с. 385]. Вектор гегелевской критики никогда не был направлен на саму науку, более всего философа не устраивало имманентное «само-понимание» самой науки, из которого рождалась претензия на единственную объективную форму познания, которая не нуждалась более в зеркале философской рефлексии. Наука, выстроенная на Vernunft, согласно Гегелю, сама выстраивает своё узилище и тонет в антиномиях, она не в силах их разрешить собственными методами. Но наличие противоречий – не критерий ошибочности, а маркер, который указывает на ограниченность такого подхода: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения» [3, с. 18]. И если наука впадает в антиномии в пределах рассудочного опыта, то это прямое указание для неё перейти на более высокий уровень рефлексии. Истинная наука, согласно Гегелю, возможна в реализации проекта «спекулятивного знания», который осуществляется инструментарием разума, но не рассудка. Исходя из гегелевского учения, можно заметить, что истинная наука не может быть простым собранием разрозненных эмпирических фактов или абстрактных истин, выраженных в математическом модусе, она должна быть органически единым целым: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система её» [6, с. 10]. «Когда наука образует систему, тогда преобладает синтез или, так сказать, научное конструирование, которое ... должно быть не произвольным, а обоснованным...» [6, с. 31] или истинным знанием, когда оно движется в стихии какого-либо строя, имеет своей целью и содержанием необходимость понятия и доказывает предмет и его развитие посредством этого его собственного движения. Для Гегеля сердцем спекулятивного метода познания является диалектика как имманентный процесс саморазвития и раскрытия понятия. Существует три основных момента движения диалектического метода: рассудочный (тезис), в котором обнаруживается момент фиксации некоторого определения в его изоляции и положительности; отрицательно-разумный (антитезис), в котором является внутреннее противоречие, ведущее к его дальнейшему отрицанию; спекулятивный (синтез), в котором возможно раскрытие подлинного единства проти-

воположностей на уровне разума, «схватывание» положительного содержания предшествующих моментов бытия в «снятом» состоянии, где достигается сохранение и преодоление «...как постоянное снятие самого себя и как переход в свою противоположность» [6, с. 213]. Именно этот процесс и является саморазвитием имманентного содержания, достигнутого движением внутренних противоречий.

Ключевым онтологическим и эпистемологическим моментом гегелевской метафизики является тождество бытия и мышления в Абсолютной Идее. Понятие не является пустой субъективно ориентированной абстракцией человеческого мышления, напротив, оно представляет собой объективную сущность, подлинную субстанцию вещей, она сама является субъектом своего собственного развития, нужно понять абсолютное не только как субстанцию, но равным образом «как субъект» [5, с. 17]. Процесс научного познания отождествляется Гегелем с актом «самоузнавания» разумом себя в инобытии: природе, историческом движении, в процессе мышления. Отсюда и формируется ключевая задача науки – постижение внутренней разумной необходимости феноменов, их «понятие»: «понятие есть принцип всякой жизни и есть, следовательно, вместе с тем всецело конкретное. Это является выводом из всего проделанного до сих пор логического движения ... понятие содержит в самом себе как снятые все прежние определения мышления. Конечно, понятие следует рассматривать как форму, но как бесконечную, творческую форму, которая заключает в самой себе всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником» [6, с. 341]. Поэтому для Гегеля истинной формой научного познания является спекулятивное мышление, в котором «сняты» рассудочные антиномии, оно эксплицирует истину как Идею, единство понятия и объективности: «идея есть середина; она есть абсолютная субстанция как духа, так и природы, всеобщее, все проникающее собой» [6, с. 373]. Цель науки можно считать объективно достигнутой, когда само мышление способно воспроизвести объект в его понятийной необходимости как определённую ступень Абсолютной Идеи. Несмотря на кажущийся мистицизм Гегеля, в котором его упрекали многие, включая марксистов, это предельный диалектико-логический процесс: спекулятивное состоит единственно в схватывании противоположных «моментов в их единстве» [6, с. 403].

Говоря о критике Гегеля со стороны как философов, так и представителей естественнонаучного толка, нельзя не упомянуть о самом критикуемом сегменте наследия немецкого мыслителя – «Философии природы», второй части «Энциклопедии философских наук». Важный аспект здесь усматривается в том, что сам Гегель не претендовал на роль естествоиспытателя, его главной целью являлась попытка осмысления объективной природы как инобытия Абсолютной Идеи. Для Гегеля природа есть идея «в форме инобытия» [6, с. 245], она есть форма существования понятия в латентном виде, оно растворено в объектах природного бытия. Как и многое, Гегель строго иерархизировал своё учение о природе согласно самораскрытию Абсолютной Идеи. Первой ступенью является механика, в которой обнаруживается тотальное господство внешней строгой детерминации: пространство, материя, время, движение и т. д. Это есть формы существования понятия, но в наиболее минималистичной, фрагментарной форме. Второй ступенью является физика, в которую включаются физические элементы, небесные тела, звук, тепло, магнетизм и т.д. Эта ступень важна для Гегеля тем, что именно на ней начинают проявляться специфические имманентные свойства внутренних различий и переходов из одного состояния в другое: «тела сохраняются только в их соединении, и, отделенные друг от друга, они перестают существовать как таковые» [6, с. 292]. Третья ступень – органическая физика, в которую включены живая природа и геология. Согласно Гегелю, на данной ступени понятие достигает высшей точки развития в природе, поскольку любой живой организм есть самоцель, как воплощение целостности: «Непосредственно живое опосредствует себя с самим собой в процессе рода и таким образом поднимается над своей непосредственностью, но поднимается лишь для того, чтобы все снова и снова падать назад в последнюю» [6, с. 408]. В этой части гегелевского наследия весьма трудно спорить с критиками, поскольку здесь изобилуют грубые фактические ошибки. Но сама суть учения не страдает, ведь она кроется не в строгости и точности фактического изложения положений естественных наук, а в попытке упорядочивания в рамках диалектической логики, категориальных структур, которые имманентны научному познанию. Гегель пытался, пусть не совсем удачно, но всё же продемонстрировать каким образом кажущиеся разрозненными формы природного бытия *предполагают* друг

друга в логическом аспекте, формируя последовательное восхождение от строгой механики к конкретной жизни. Именно в ней понятие наиболее полно реализует себя. Философия природы Гегеля больше всего напоминает «заметки на полях» великой метафизической системы, в которых он попытался выстроить логическую структуру природного порядка, осознать его разумность и внутреннюю взаимозависимость. Это не является телеологией в том смысле, который подразумевают критики Гегеля, наоборот, он показывает имманентную необходимость, самокаузальность живого существа, что по сей день остаётся онтологической проблемой.

Самый важный и главный труд Гегеля, компендиум диалектики – «Наука логики», которая являет собой фундаментальную онтологию и гносеологию. В ней последовательно излагаются ступени саморазвития категорий как самых чистых определений мышления от их зарождения до конкретности в Абсолютной Идее. Для Гегеля логика – это «...изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа» [6, с. 25]. Иными словами, логика есть наука об Идее в её кристальной форме, наука о мышлении, постигающим себя. Сама внутренняя структура «Науки логики» выстроена Гегелем согласно диалектическому движению понятия. Начальная ступень – «Учение о Бытии» – показывает, как предельные категории (бытие, ничто, становление, качество, количество, мера) выступают в своей непосредственной данности. Но истина здесь едва уловима, она неустойчива, поскольку категории постоянно переходят друг в друга как в «своё-иное», например, мера является «снятым» качеством и количеством, но в то же время она есть диалектический переход к феномену сущности. Следующей ступенью является «Учение о сущности», которое Гегель артикулирует как сферу Schein (видимости), опосредования и рефлексии. Все категории здесь находятся в антагонизме друг к другу, предполагая свою противоположность (сущность и явление, тождество и различие, основание и обоснование, вещь и свойства). Это ступень рассудочной рефлексии в её высшей форме. Сама рефлексия «фиксирует» наличие онтологически необходимых связей, но с сохранением имманентного различия между сущностью как внутренним содержанием и явлением как внешней формой. Финал раскрывается в «Учении о понятии», которое для Гегеля есть выражение

тотальной объективности во всей её полноте. Понятие артикулируется как конкретная всеобщность, в которой имманентно «сняты» все противоположности бытия: в субъективности (Понятие как таковое, суждение, умозаключение); в объективности (механизм, химизм, телеология); в идее (жизнь, познание, Абсолютная Идея). Само человеческое мышление здесь способно познать тождество объективного и субъективного, понятие «выступает как определенная в себе и для себя и не обусловленная внешней проявленностью целокупности» [4, с. 183]. Предел саморазвития логики усматривается Гегелем в Абсолютной Идее, которая являет собой диалектическое единство понятия и подлежащей ему реальности.

Уникальность и незаменимость «Науки логики» Гегеля для философии науки достаточно сложно переоценить. В её фундаментальном основании заложена категориальная структура реальности (причина, следствие, закон, необходимость, взаимодействие). Категории не являются простыми умозрительными формами индивидного мышления, поскольку эксплицированы Гегелем как объективные формы бытия, которые возможно постичь в мышлении. Каждая наука имплицитно содержит в себе этот категориальный аппарат, но не занимается рефлексией самих категорий. В «Науке логики» Гегель устанавливает критерии истины и научности: истина – это адекватность понятия предмету, но постигаемая только в Идее; научность определяется глубокой систематичностью, необходимостью – установлением имманентной связи определений, а не внешними дедуктивными спекуляциями, и конкретностью – то есть всесторонним анализом, который учитывает все моменты развития и внутренние взаимосвязи. «Истинное есть целое» [5, с. 16], – говорит Гегель, подчёркивая, что ни одно узконаправленное знание, сколь глубоким и верифицируемым оно ни было, не может претендовать на научную истинность. «Метод есть поэтому душа и субстанция, и нечто постигнуто в понятии и познано в своей истине лишь тогда, когда оно полностью подчинено методу» [4, с. 291] – таковым методом является диалектика как матрица имманентного развития всякого содержания. Диалектика лишена как догматического вектора, фиксации абстракций как высшей истины, так и скептицизма, отрицающего саму возможность постижения истины.

Изолированность гегелевской мысли от мейнстрима философии науки, её историческая дистанцированность не сказываются на актуальности для современности. Спекулятивный реализм Гегеля, существовавший задолго до Г. Харманна и К. Мейясу, есть признание объективного статуса категориальной структуры бытия, которая постигается мышлением и может являться серьёзной альтернативой наивному реализму и конструктивизму. Понятие не отражает мир, оно само зеркало, в котором отражается разумное начало бытия. Сам идеализм Гегеля: «...есть тезис о том, что структуры авторитета и обоснования (в познании и действии) не являются навязанными извне природе, но являются структурами самой природы, постигаемыми в мысли» [10, с. 53], что априорно снимает проблему корреспондентности в её классической форме. Диалектика, более всего акцентуированная на целостности, поиске взаимосвязей и переходов количественных изменений в качественные, представляет собой серьёзный инструментарий для критики редукционизма, который низводит сложные системные феномены к простейшим начальным единицам. Ярче всего редукционизм проявляется в социальных науках, психологии и биологии. Учение Гегеля об организме как о самоцельном феномене, появилось задолго до системного подхода и идеи эмерджентности, которые лишь неявно, но скопировали гегелевскую мысль, что целое не есть абстрактное единство, «а единство различного» [6, с. 13]. Согласно современным исследованиям дискуссионное поле о холизме, сложности, эмерджентности неожиданно в унисон звучит с гегелевской диалектикой [11, с. 145–168]. Гегель никогда не пытался разработать социологию науки, что позднее сделал Т. Кун, однако концептуальное поле диалектики развития как имманентного процесса, в котором «снимаются» противоположности, уже содержит в себе философскую рефлексию феномена познания в исторической (развивающейся) перспективе. В данной оптике перед нами предстаёт не простая смена научных парадигм, а живой диалектический процесс, где каждое новое знание, формирующее аспекты картины мира, является «снятием»: новое знание преодолевает прежнее, сохраняя его на более высоком уровне. О плодотворности гегелевского подхода в сравнении с социологией Т. Куна говорит работа Ф. Бренцио [8]. Строгое требование Гегеля – наука должна быть системой, в которой все отрасли и части исходят из единого основания, звучит

предельно современно, поскольку наша эпоха переживает экспоненциальный рост микроспециализаций, что невольно фрагментирует знание, превращая его в аморфные осколки единого целого. В.С. Библер, анализируя идею Гегеля о «конкретном всеобщем», напрямую говорит о том, что это объединяющее начало для множества частно-научных определений, которое может явиться философской путеводной нитью для интеграции дисциплин в единый вектор [1]. Гегель не мог обойти своим вниманием эмпирическую и формальную науку, подвергая её критике, указывая на ограниченность и разрозненность подобных форм существования знания. Сегодня его критика может служить серьёзным аргументом против позитивизма, редуцирующего науку до технического контроля, статистических предсказаний и процедурного операционизма. Позитивистское обмирщение науки в конечном счёте оборачивается утратой постижения смысла и сущности. Гегель всегда противостоял попыткам инструменталистского подхода к научным истинам: «...истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде» [5, с. 25]. В современном мире фундаментальные основания наук подвергаются радикальному сомнению: в физике это квантовая гравитация и квантовая механика, в биологии – вопрос о природе сознания, в гуманитарных и социальных науках – вопрос о статусе теории. В такой ситуации проект философии как фундаментального основания и главного связующего звена между всеми областями знания кажется естественным и логичным. Философия, особенно в её классической форме, способна подарить единство и смысл всякому познанию, поскольку философская рефлексия научных импликаций становится насущной проблемой [9; 7].

Гегелю в рамках собственной системы удалось создать серьёзную и уникальную метафизику науки, над которой время оказалось не властно. Гордиевым узлом его наследия является саморазвитие понятия, которое постигает собственную адекватность бытию в процессе диалектического развития. Критика науки, основанной на рассудке, оказалась не критикой науки как таковой, а требованием включения её успехов и достижений в более универсальный контекст спекулятивного мышления, в котором она могла обрести свою истину и предназначение. Гегелю невероятным образом удалось органически синтезировать фундаментальную онтологию, логику и эпистемоло-

гию: структуры мышления являются сутью структуры бытия, а истина — не математическая догма, а процесс самопознания. Главная актуальность Гегеля не может быть сведена в буквальном «принятии» и догматизации его метафизики. Она раскрывается в том, что Гегель бросает вызов воцарившемуся позитивизму, будто говоря нам сегодня, что эмпирическая база и формальная логика безусловно важны, но они не могут быть фундаментальными основаниями истинного познания. Это вызов и самой философии, напоминание ей о её истинной роли, это требование не просто анализировать и констатировать состояние современной науки, а вооружиться и имплицировать научные факты и открытия. Это вызов любому философу — научиться мыслить диалектически, дабы превозмочь и пережить эпоху фрагментации когнитивного капитализма. «Истина — не в принципе абсолютного тождества или абсолютного различия, истина — в их единстве» [3, с. 18]. И нужно помнить, что для Гегеля наука была единственным путём Разума к самому себе.

Резюмируя, актуальность гегелевской философии для понимания научного знания заключается не в буквальном заимствовании её категориального аппарата, но в восстановлении самого горизонта мышления, в пределах которого возможно постижение науки как саморазвивающегося рационального целого. Спекулятивный метод Гегеля, артикулирующий истину не как статическую данность, но как процесс саморазвертывания понятия, открывает перспективу радикального переосмысления научности: от верифицируемой эмпирики к внутренне необходимой системности.

Диалектический путь понятия — это не абстрактный логизм, но способ мысли, способный удерживать противоречия в их имманентной взаимосвязи, раскрывая истину как тождество бытия и мышления. Наука, если она стремится к истине, не может быть редуцирована к операционализму, статистике или технической рациональности. Напротив, её подлинный смысл раскрывается в свете разумной необходимости, где каждое знание не только отвечает на вопрос «как», но и поднимается к вопросу «почему».

В этом смысле возвращение к Гегелю не ретроспективный жест, а философская задача современности: преодоление фрагментарности знания, возведение эмпирического содержания к понятийному осмыслению и восстановление спекулятивного измерения науки. Только

мысль, способная постичь необходимость и целостность, способна удержать истину, и только такая наука может быть наукой в подлинном, гегелевском смысле.

Литература

1. Библер В.С. Философия. Наука. Культура (К 200-летию «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля) / В. С. Библер // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 43–56.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в двух томах. Том 1 / Под ред. А.В. Гулыги – Москва: Мысль, 1970.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3: Учение о понятии (1816) / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М.: Мысль, 1972. 371 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета; отв. ред. и примечания М.Ф. Быковой. М.: Наука, 2000. 495 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1: Наука логики / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И.А. Ильин. Спб.: Наука, 1994. 541 с.
8. Heiningen P. Paradigmenwechsel und Dialektik: Zur Rekonstruktion des Verhältnisses von Thomas S. Kuhn und Hegel / P. Heiningen // Hegel-Jahrbuch, 2017. H. 1. Ss. 311–316.
9. Houlgate S. Hegel and the Philosophy of Nature / S. Houlgate // The Bloomsbury Companion to Hegel / Ed. by A. de Laurentiis, J. Edwards. London: Bloomsbury Academic, 2013. Pp. 97–111.
10. Pippin R.B. Hegel's Realm of Shadows: Logic as Metaphysics in "The Science of Logic" / R.B. Pippin. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 336 p.
11. Winfield R.D. Hegel and Mind: Rethinking Philosophical Psychology / R.D. Winfield. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 224 p.

References

1. Bibler, V.S. Philosophy. Science. Culture (On the 200th Anniversary of G.W.F. Hegel's "Phenomenology of Spirit") / V.S. Bibler // Voprosy filosofii. 2007. No. 5. P. 43–56.
2. Hegel, G.W.F. Philosophy of Law / Trans. from Germ.; ed. and compiled by D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants; author of the introduction and notes by V.S. Nersesyants. – Moscow: Mysl', 1990. 524, [2], 1 p. port. (Philosophical Heritage; v. 113).
3. Hegel, G.W.F. Works of Different Years: in two volumes. Volume 1 / Ed. by A.V. Gulygi. Moscow: Mysl, 1970. (Series "Philosophical Heritage").
4. Hegel, G.V.F. Science of Logic: in 3 volumes. Volume 3: The Doctrine of the Concept (1816) / G.V.F. Hegel; trans. from German by B.G. Stolpner. Moscow: Mysl, 1972. 371 p.

5. *Hegel, G.V.F.* Phenomenology of Spirit / Trans. from German by G.G. Shpet; responsible. editor and notes by M.F. Bykova. Moscow: Nauka, 2000. 495 p. (Monuments of Philosophical Thought). ISBN 5 02 008380 1.
6. *Hegel, G.V.F.* Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 volumes. Volume 1: Science of Logic / G.V.F. Hegel; trans. from Germ. B.G. Stolpner. Moscow: Mysl, 1974. 452 p.
7. *Ilyin, I.A.* Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man / I.A. Ilyin. St. Petersburg: Nauka, 1994. 541 p.
8. *Brencio F.* The "Passion" of Finitude. The Young Hegel as Post-Kantian // Hegel-Jahrbuch. 2017. № 1. С. 58–63. DOI: 10.1515/hgjb-2017-0111.
9. *Houlgate, S.* Hegel and the Philosophy of Nature / S. Houlgate // The Bloomsbury Companion to Hegel / Ed. by A. de Laurentiis, J. Edwards. – London: Bloomsbury Academic, 2013. P. 97–111.
10. *Pippin, R.B.* Hegel's Realm of Shadows: Logic as Metaphysics in "The Science of Logic" / R.B. Pippin. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. 336 p.
11. *Winfield, R.D.* Hegel and Mind: Rethinking Philosophical Psychology / R.D. Winfield. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 224 p.

Информация об авторах

Краснов Антон Сергеевич – Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1).
anton-krasnov1987@yandex.ru

Федотов Дмитрий Леонидович – Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 1).
dmilfedotov@kpfu.ru

Information about the authors

Krasnov, Anton Sergeevich – Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, bldg. 1).
anton-krasnov1987@yandex.ru

Fedotov, Dmitry Leonidovich – Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kazan, Kremlevskaya St., 18, bldg. 1).
dmilfedotov@kpfu.ru

Дата поступления 21.07.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 111+165.0

DOI: 10.15372/PS20250310

EDN: YSUNVL

И.Е. Прись**ДВУХАСПЕКТНЫЙ МОНИЗМ
И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА¹**

Декомпозиционный двухаспектный нейтральный монизм (ДАМ) претендует на преодоление оппозиции между реализмом и идеализмом, устранение субъект-объектного дуализма, на решение квантовой проблемы измерения и трудной проблемы сознания. Мы утверждаем, что ДАМ является разновидностью идеализма/антиреализма и не может служить в качестве философского основания квантовой механики. В то же время, на наш взгляд, ДАМ имеет эвристическую ценность. Позиция может быть переинтерпретирована с точки зрения контекстуального реализма (КР), отказывающегося от (пред)посылок философии (пост)модерна и признающего, что контекстуальность – эпистемологическое и онтологическое свойство реальности.

Ключевые слова: нейтральный монизм, декомпозиционный двухаспектный монизм, контекстуальный реализм, квантовая механика, проблема измерения, квантовая корреляция

I.E. Pris**DUAL-ASPECT MONISM
AND QUANTUM MECHANICS**

Decompositional Dual-Aspect Neutral Monism (DAM) aims to overcome the opposition between realism and idealism, eliminate the subject-object dualism, solve the quantum measurement problem and the hard problem of consciousness.

¹ Работа частично поддержана Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Проект Г24МС-002: «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

We argue that DAM represents a form of idealism/antirealism and cannot serve as a philosophical foundation for quantum mechanics. At the same time, we believe DAM possesses heuristic value. The position can be reinterpreted from the perspective of Contextual Realism (CR), which rejects the premises of (post)modern philosophy and affirms that contextuality is both an epistemological and ontological feature of reality.

Keywords: neutral monism, compositional dual-aspect neutral monism, contextual realism, quantum mechanics, measurement problem, quantum correlation

Введение

Согласно Ж. Бенуа, «контекстуальность... – фундаментальное эпистемологическое и онтологическое свойство реальности» [9, р. 53]. То, что не обладает этим свойством, контекстуальной гибкостью, нереляльно. Нашу версию контекстуального реализма (КР) мы формулировали в виде двух постулатов: 1) постулат реальности, или формального реализма: реальность первична, она просто такова, какова она есть; 2) постулат идеальности, или категориального дуализма: идеальное (нормы, правила, концепты, смысл, интенции, теории) не реально, не часть реальности. Вместе эти постулаты эквивалентны тезису о чувствительности онтологии, а, следовательно, и эпистемологии и семантики к контексту [3; 4].

Согласно КР контекстуальный объект таков, каков он есть и каким он был до своей идентификации в контексте (реализм), но до неё – и это тавтология – он не имел идентичности, то есть не существовал как объект, не был предопределён (контекстуальность). Традиционные реалисты и антиреалисты (идеалисты), то есть реалисты и антиреалисты модерна, разделяют одну и ту же предпосылку, объективизм (репрезентационализм или предопределённость), то есть редукцию реальности к объективности. Как следствие, реалисты принимают реальность контекстуального объекта за его предопределённость (следовательно, абсолютность и автономность), в метафизическом научном реализме, например, это понятие объекта внешнего мира; в квантовой механике (КМ) – скрытые параметры, в метаэтике – метафизический реализм (платонизм), а антиреалисты принимают контекстуальность, непредопределённость объекта за его сотворение: в КМ для них наблюдение, якобы, создаёт наблюдаемый объект как элемент реальности (а не просто как объект), который до наблюдения

не существовал, отрицается не только его предопределённость, но и его предсуществование (реальность). Наоборот, традиционные реалисты признают не только его предсуществование в смысле реальности, но и предопределённость. Таким образом, обе позиции оказываются односторонними.

Стол, например – обыденный макроскопический объект, имеющий некоторую определённую форму. С другой стороны, в контексте, это также совокупность атомов. Наконец, в контексте стол и совокупность атомов отождествляются друг с другом в «нейтральном» объекте – столе, состоящем из атомов, доступ к которому дают концепты стола и совокупности атомов. Утверждая относительность и перспективность бытия, Н. О. Лосский пишет, что один и тот же стол имеет разные формы в разных отношениях к среде. Причём ни одна не менее реальна. Для русского философа относительно также и чувственное восприятие [2, с. 168–172]. С точки зрения КР, в разных контекстах мы имеем дело с бесконечным множеством разных столов разных форм.

В квантовой механике частицы проявляют как корпускулярные, так и волновые свойства, но не являются ни классическими частицами, ни классическими волнами. КР интерпретирует этот «дуализм» несовместимых свойств как чувствительность онтологии к контексту. Речь, таким образом, не идёт о разных способах познания одного и того же объекта внешнего мира, а о разных контекстуальных объектах (не в смысле классических пространственно-временных объектов, а сущностей, имеющих идентичность). С другой стороны, существует также контекст, в котором одна и та же сущность математически представляется как корпускулярным, так и волновым образом, то есть контекст, в котором матричная механика В. Гейзенберга эквивалентна волновой механике Э. Шрёдингера [3; 4].

С корпускулярно-волновым дуализмом иногда сравнивают так называемый декомпозиционный (холистический) двухаспектный (dual-aspect) монизм – разновидность нейтрального монизма [7; 8]. С точки зрения КР это сравнение обосновано, так как дуальные аспекты нейтральной онтологии, которую вводит эта позиция – ментальный и физический – можно интерпретировать как возникающие в разных контекстах в некоторой первоначально неконцептуализиро-

ванной (в смысле недифференцированной) области реальности как единого целого.

Мы рассмотрим декомпозиционный двухаспектный монизм в интерпретации швейцарского физика-теоретика Х. Атманшпахера (Harrald Atmanspacher) (далее: Х.А.) и австралийского философа науки Д. Риклза [7; 8]. Обозначим их позицию «ДАМ». В фокусе нашего внимания будет статья Х.А. [8]. Для Х.А. ДАМ – современная форма спинозизма, принимающая во внимание новейшие достижения философии и науки, преодолевающая оппозицию между реализмом и идеализмом, устраняющая субъект-объектный дуализм, дающая решение квантовой проблемы измерения и трудной проблемы сознания [8]. Мы покажем, что ДАМ – идеалистическая (антиреалистическая) позиция, которая не может быть основанием квантовой механики. В то же время ДАМ имеет определённый эвристический потенциал и может быть переинтерпретирована в перспективе КР.

ДАМ

2.1. Психофизическая нейтральность

ДАМ утверждает существование психофизически нейтральной (PPN) области реальности (можно также сказать: психофизически нейтральных областей реальности). То есть PPN – не реальность как таковая, а именно область реальности, что предполагает существование других областей реальности, которые не являются PPN.

PPN – холистическая субстанция, не предполагающая разделения на ментальное и физическое, это фундаментальная онтология, в которой субъект-объектная дихотомия по определению отсутствует. В то же время философский фундаментализм, делающий эпистемологию полностью зависимой от онтологии, отвергается (см. ниже). Что касается холизма, то он только психофизический, относится к ментальному и физическому; другие различия/разделения внутри PPN допускаются. Это делает возможным существование различных видов PPN.

Ментальное и физическое как бы потенциально в PPN содержатся, но не «пред-существуют» (выражение Х.А.), что предполагает,

что они могут актуализироваться, существовать как области реальности, то есть относиться к (нефундаментальной) онтологии.

С другой стороны, утверждается, что ментальное и физическое – дуальные эпистемические аспекты PPN, возникающие в результате декомпозиции/дифференциации PPN. То есть ДАМ – метафизический монизм и эпистемический дуализм.

Различие между онтическим и эпистемическим уровнями, однако, относительно. Х.А. принимает куайновскую идею относительности онтологии и симпатизирует внутреннему реализму Х. Патнэма. Для Х.А. эпистемология относится к результату дифференциации онтологии, который сам может стать объектом дифференциации и тем самым играть онтологическую роль. Например, кирпичи по отношению к элементарным частицам относятся к эпистемическому уровню, но по отношению к архитектурному сооружению – к онтическому (см. нашу критику этой относительности в параграфе 2.6).

Для Х.А. ментальное, М, и физическое, Р, вторичны, возникают из PPN и в то же время способны оказывать обратное влияние на PPN. Таким образом, хотя влияние М, Р и PPN друг на друга не причинное (во всяком случае не в смысле традиционной причинности), оно, так скажем, субстанциальное, это влияние одной субстанции на другую.

В то же время Х.А. говорит о корреляции, которая обусловлена общим бэкграундом, PPN, а не причинным взаимодействием. Такого рода не причинная корреляция существует между М и PPN, Р и PPN, М и Р, а также между М, Р и PPN (это сравнивается с двух-частичной (Белла) и трёх-частичной квантовыми корреляциями). Таким образом, ДАМ, согласно Х.А., позволяет решить трудную проблему сознания, которая трактуется как проблема метафизического объяснения психофизической корреляции между М и Р, а заодно и метафизически объяснить квантовую корреляцию, которая имеет ту же структуру. М, Р и PPN – объекты в самом общем смысле, то есть в смысле наличия у них идентичности (определённости). Им можно приписать определённые состояния, *М*, *Р*, *PPN*, подобно тому, как квантовым системам приписываются квантовые состояния (волновые функции). В рамках ДАМ различным PPN приписываются различные состояния *PPN*.

2.2. Дифференциация. ДАМ и квантовая механика (КМ)

Х.А. рассматривает ДАМ как альтернативу дуализму, а также идеалистическому и реалистическому монизмам (в традиционном смысле). Он также отрицает, что ДАМ – разновидность панпсихизма, который он рассматривает как форму дуализма. В то же время Х.А. признаёт, что о некотором роде генетической протоментальности и, соответственно, протофизичности имеет смысл говорить. Но это понимается лишь в смысле потенциального существования ментального и физического, тогда как для панпсихизма и в меньшей мере панпротопсихизма ментальное и психическое пред-существуют.

Ментальное, M , физическое, P , и психофизическая корреляция между ними, PPN , возникают в результате декомпозиции PPN , которую можно трактовать как процесс дифференциации или генетический процесс возникновения, манифестации M и P , исходя из их фундаментального единства. Природа этого «процесса» остаётся неясной. Х.А. пытается её прояснить, используя квантовую метафору. Х.А. также говорит, что PPN имеет стабильную структуру, которая делает возможным появление M и P в результате своей декомпозиции. Различие между понятиями PPN и структуры PPN остаётся неясным.

Для понимания холистического характера PPN и её декомпозиции используется структура спутанных квантовых состояний, которая в результате «процесса» квантового измерения разлагается на прямое произведение, $PPN \rightarrow M \cdot P$. Как известно, спутывание квантовых состояний объясняет явление квантовой корреляции, наблюдаемое при квантовом измерении, результаты которого не predetermined. Подобным же образом, согласно ДАМ, из первоначально спутанных состояний M и P , то есть из PPN , возникает прямое произведение M и P . И наоборот, ДАМ применяется к квантовой механике (КМ) для метафизического объяснения спутывания, квантовой корреляции, «процесса» измерения и других квантовых явлений. Квантовая онтология при этом играет роль PPN , а физическое измерение – процесса манифестации P . Поскольку для Х.А., как было сказано, области M и P лишь потенциально содержатся в PPN , не «пред-существуют», а возникают, применительно к КМ это означает, что результат измерения как бы создаётся измерением. Это идеализм.

2.3. Смысл с точки зрения ДАМ

Как уже было сказано, согласно ДАМ Х.А., психофизические связи между М, Р и РРН не (эффективные) причинные связи. Х.А. утверждает, что это смысловые связи². Смысл – реляционный концепт, устанавливающий связь между означающим и означаемым. Согласно Г. Фреге, существуют две разновидности смысла: смысл как референт (*Bedeutung*) и смысл как эпистемический способ доступа к референту (*Sinn*). ДАМ вводит в игру обе эти разновидности. Смысл в смысле референта устанавливает связь между М и Р (интенциональность М – направленность на Р), тогда как смыслы в смысле способа доступа к референту устанавливают связи между М и РРН, Р и РРН. При этом в известном смысле сами М и Р являются смыслами. Это второе понятие смысла Х.А. рассматривает как глубинное.

Из сказанного, как нам кажется, можно сделать следующий вывод: подобно тому, как у Фреге «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» отсылают к одному и тому же референту (Венере), что приводит к тождеству «утренняя звезда = вечерняя звезда», М и Р отсылают к РРН, что приводит к психофизическому тождеству $M = P$. Компоненты тождества связываются между собой, а также с референтом, РРН, смыслами. Смысл, таким образом, играет роль некой всепроникающей субстанции.

Подход Х.А. имеет некоторые сходства с теорией полей смысла М. Габриэля, на которую автор ссылается (и наоборот: Габриэль ссылается на ДАМ) [13]. Для немецкого философа смыслы первичны и реальны, «смыслы – свойства самих вещей», причём понятие смысла (по-немецки *Sinn*) у него употребляется двусмысленным образом, понимается также и в перцептивном смысле, то есть как перцептивное восприятие. Для Габриэля всё, кроме мира, существует. Существовать – (по)являться в поле смысла. Само поле смысла может существовать в другом поле смысла. Мир как совокупность всего, что существует, не существует, поскольку не существует поля смысла всех полей смысла. Позиция Х.А. менее радикальна. Но и для Х.А. смысл не просто объективен, а встроен в фабрику реальности. Как

² Х.А. ссылается на слова К. Гёделя, что в современной науке роль старого понятия причинности играет смысл.

показал Ж. Бенуа, этот «реализм» смысла – типичный идеализм философии модерна, постмодерна и современной философии. «Новые реализмы» XXI века, к которым относится и «онтология полей смысла», или «нейтральный реализм» (НР), Габриэля, на самом деле идеализмы [10–11].

2.4. ДАМ – метафизический, а не дефляционный, подход

ДАМ справедливо отвергает существующие попытки применить КМ для объяснения психофизической проблемы. Очевидно, что связь между физическим и ментальным не может быть объяснена в рамках физической теории. В то же время существует структурная аналогия между проблемой измерения в КМ и трудной проблемой в философии сознания. В частности, психофизическая корреляция, как и квантовая корреляция, не является случайной, и в то же время она и не является причинной (уточним: в смысле классической причинности). Взаимодействие философии сознания и философии КМ, таким образом, может быть плодотворным.

Х.А. полагает, что только ДАМ способна объяснить психофизическую корреляцию удовлетворительным образом, а предлагаемое объяснение является простым и дефляционным. Постулирование PPN, однако, несовместимо с дефляцией. В то же время, как нам представляется, ДАМ допускает дефляционную переинтерпретацию в рамках нашего контекстуального реализма (КР): нейтральную субстанцию можно интерпретировать как реальность как таковую, а процесс дифференциации – как процесс концептуализации.

Очевидно, Х.А. симпатизирует принципу вывода к наилучшему объяснению (применимость этого принципа в философии убедительно доказывает Т. Уильямсоном). В то же время критерии наилучшего объяснения в философии, в частности, в метафизике не редуцируются к критериям, которые используются для вывода к наилучшему объяснению, например, физической или математической теории. Таким критерием, на наш взгляд, ДАМ не удовлетворяет. Обоснование ДАМ также осложняется тем, что эта метафизическая позиция злоупотребляет метафорами, оперирует образами и двусмысленными понятиями. Это не отменяет её эвристической роли. Всякая философская

терапия, выявляющая ложные метафизические предпосылки, предполагает существование предшествующей ей стадии метафизических смешений (Габриэль называет таковые онтологическим нонсенсом [13]).

2.5. ДАМ смешивает идеальное и реальное

В отличие от монистических и дуалистических позиций ДАМ имеет три составляющие: М, Р и PPN. С одной стороны, ДАМ – фундаментальный монизм, а с другой, в рамках этой позиции возникают три различных онтологических области, М, Р (вторичные области) и PPN (первичная область), ни одна из которых не менее реальна, чем другие (Х.А. говорит, что PPN не менее реальна, чем физическая или ментальная области). Проблему их согласования Х.А. называет проблемой трёх частей. Её решение было объяснено выше.

Наш КР ставит под вопрос особый характер М и Р, предполагаемый ДАМ. Реальность может быть не только физической и ментальной. Социальная или математическая реальности не менее реальны. Метафизический монизм может быть не двухаспектным, а многоаспектным. Как нам представляется, за особый характер М и Р подход Х.А. принимает несубстанциальный дуализм идеального и реального (постулат (2) КР). Но идеальным (как и реальным) может быть не только ментальное, но и физическое, и социальное, и математическое и т.д. Концепты и нормы – идеальные объекты. Нейтральной субстанции PPN можно придать смысл как определённому объекту, но не следует забывать, что М, Р, PPN, социальные и математические объекты идентифицируются в реальности, в контексте. Первичный концепт реальности и (метафизически) реальность.

Подход Х.А. относит к PPN всё, что не является ментальным или физическим. Причём различия между субстанциями и структурами, реальным и идеальным не делаются. PPN просто объявляется «третьим миром» (не ментальным и не физическим).

Х.А. видит структурные сходства между PPN и различными сущностями, которые вводили философы, физики и математики. К «третьему миру», PPN, психофизически нейтральным структурам (остаётся поставленный выше вопрос о том, в чём для Х.А. разница

между РРН и психофизическими структурами) Х.А. относит самые разнообразные сущности, включая платоновы формы/идеи, абстрактные формы и объективный математический мир Г. Фреге, мир математических объектов А. Конна, платонизм Гёделя, информационную онтологию Дж.А. Уилера³, реалистический подход к музыке Д. Риклаза, имплицитный порядок Бома – Хили, божественные атрибуты Б. Спинозы, аффордансы Дж. Гибсона, архетипы Юнга – Паули, кантовские условия возможности, «отсутствие различия» в смысле Ф. Шеллинга («indifference» в смысле «Indifferenz» в противоположность «Differenz», т.е. как отсутствие различия, недифференцированность или неразличение – тождество, в котором противоположные термины просто и сразу сворачиваются или не дифференцируются» [12]), *unus mundus* К. Юнга⁴, логический принцип Г.В.Ф. Гегеля и другие.

Интерпретация таких разнородных сущностей как РРН возможна лишь в результате смешения категорий идеального и реального: норм и концептов, с одной стороны, и идентифицируемых ими элементов реальности, реальных объектов, с другой стороны. Эти смешения возникают естественным образом по той причине, что идеальное укоренено в реальном и в зависимости от контекста может играть роль реального (соответственно, наоборот). Примером являются так называемые петлевые предложения Л. Витгенштейна.

Нормы (идеальное) измеряет реальность. Реальность и есть то, что измеряется нормами (идеальным). Поэтому всякое идеальное есть норма реальности. Например, норма истины, знания и другие – нормы

³ Лозунг Уилера «всё из бита» – идеалистический (хотя существуют и другие интерпретации). Для него Вселенная не существует независимо от нас. Идеалистической является и, например, информационная интерпретация квантовой механики А. Цайлингера. Для автора знание (knowing) так же, а, может быть, и более фундаментально, чем материальная реальность.

⁴ Юнг характеризует *unus mundus* как трансцендентальный», потенциальный мир вне времени, исходное недифференцируемое единство мира. В. Мэнсфилд сравнивает *unus mundus* с волновой функцией до измерения: «Подобно ненаблюдаемой квантовой системе, *unus mundus* состоит из объединённых возможностей или потенциальных состояний для реализации (potentialities for manifestation), а не конкретных объектов в пространстве-времени» [17, p. 122].

реальности (истинно, значит, соответствует действительности), но будучи нормами, они идеальны. Будучи таковой, она может приниматься за реальность. В частности, парадигматические случаи применения идеального – реальные объекты. Но они могут играть роль нормы, в том числе и для самих себя. Идеальную норму также следует отличать от реального способа её выражения в языке. Истинность высказывания о существовании некоторой нормы – реальный факт, не делающий, однако, саму норму частью реальности.

Ни платоновские формы, ни кантовские условия возможности, ни архетипы, ни логический принцип Г.В.Ф. Гегеля, ни информация Дж. Уилера (если она не трактуется как новое понятие, не эпистемически, подобно тому, как это, например, делается в когнитивных науках, но в таком случае это должно эксплицитно приниматься во внимание) не могут трактоваться как PPN, если PPN понимается как субстанция, реальный объект. Но они могут трактоваться как структуры PPN, если сами структуры интерпретировать как то, что мы называем идеальными витгенштейновскими правилами/нормами, идентифицирующими в рамках языковых игр своих применений контекстуальные объекты [3–4]. Смещение понятий PPN и структуры PPN – следствие смещения категорий реального и идеального. Также, как мы говорили выше, PPN можно трактовать как реальный (нейтральный) объект. Но PPN можно также трактовать и как идеальный объект (структуру), то есть как норму, позволяющую идентифицировать PPN как реальный объект. В отличие от ДАМ, КР рассуждает в терминах норм, концептов (идеального) и реальности. «Нейтральная субстанция» идентифицируется в контексте психофизического тождества, $M = P$, просто как вид реальности (элементарные физико-физические аналоги: тождество макроскопического стола и совокупности атомов, тождество «вода = H_2O »).

2.6. К. Юнг и В. Паули – нейтральные монисты

Для К. Юнга и В. Паули материя и психика (сознание) – взаимодополняющие аспекты одной и той же реальности, нейтральной субстанции [1; 14]. Для Юнга архетипы как коллективное бессознательное, непроявленные паттерны, которые могут материализоваться в так называемых синхронистичных событиях или совпадениях, то

есть непричинных осмысленных корреляциях между событиями – глубинная структура нейтральной субстанции. Корреляции ментального и физического – пример совпадений. В. Паули рассматривал психологию К. Юнга и квантовую механику как взаимодополняющие языки описания (внешний и внутренний). Он относил к совпадениям квантовые корреляции, полагая, что их существование подтверждает существование единой психофизической субстанции. Суперпозицию квантовых потенциальностей В. Паули сравнивал с архетипом, а квантовое измерение (коллапс волновой функции) – с актуализацией в сознании «потенциального» в результате акта восприятия. В перспективе КР синхронистичные события – это контекстуальная корреляция или (в предельном случае) контекстуальное тождество, а архетип играет роль (идеальной) нормы.

3. О понятиях эпистемической и онтической реальностей

Рассматривая научные теории, Х.А. и Г. Примас делают различие между онтическим и эпистемическим уровнями [5–6; 8]. Они вводят понятия «контекстуальной топологии» (в зависимости от эпистемического контекста в абсолютной, не контекстуальной, максимально симметричной онтической реальности оказывается эмерджентной та или иная «эпистемическая реальность», вообще говоря, с контекстуально нарушенной симметрией) и «относительной онтичности» (различие между эпистемической и онтической реальностями относительно, в контексте эпистемическая реальность может приобретать статус онтической и, соответственно, наоборот)⁵. В недавней статье Х.А. пишет: «Любая онтология может также рассматриваться как

⁵ Авторы указывают на определённые связи с концепцией онтологической относительности У. Куйана, концепциями внутреннего и прагматического реализмов Х. Патнэма [5–6], контекстуального реалиста (КР) Ж. Бенуа. Связи КР Бенуа и нашей версии КР с этими концепциями мы здесь не рассматриваем. Скажем лишь, что КР отличается от них именно отказом от предпосылок философии (пост)модерна и, соответственно, пониманием вариативности онтологии не в релятивистском смысле зависимости от выбора концептуальной схемы, теории или «внешнего контекста», а в смысле её чувствительности к контексту.

эпистемология, в зависимости от того, используется ли она как основа для дифференциации или как результат дифференциации» [5, р. 19]. Если она используется как «основа для дифференциации», то рассматривается как онтология («онтологическая реальность»), если же как «результат дифференциации», то как эпистемология («эпистемическая реальность»).

Мы отказываемся от предлагаемого авторами разделения на «онтическую/онтологическую» и «эпистемическую» реальности, которое может ввести в заблуждение, что понятие реальности не однозначно, тогда как реальность просто такова, какова она есть (в то же время существуют различные виды реальности, например, физическая, биологическая, социальная и т.д., но это реальности в одном и том же смысле). Для нас эпистемология определяет чувствительную к контексту (а не деконтекстуализированную, как у рассматриваемых авторов) онтологию в онтическом смысле. Деконтекстуализированной онтологии не существует. Делать различие между «онтической» и «эпистемической» реальностями не имеет смысла, поскольку в одном контексте мы имеем статистическое приближение (то, что авторы называют «эпистемической реальностью») некоторой онтологии («онтической реальности»), а в другом – саму реальность, другую (эмерджентную) онтологию (в терминологии авторов «эпистемическая реальность» превращается в «онтическую реальность»), которая, в свою очередь, может служить основанием для нового приближения (новой «эпистемической реальности») и, соответственно, новой онтологии («онтической реальности» в терминологии авторов). Фундаментальную неконтекстуальную «онтическую реальность» в смысле Х.А. и Г. Примаса можно трактовать просто как абстрактную математическую модель, исходя из которой могут быть выработаны различные физические (эмпирические) модели, имеющие отношение к реальности. Вкратце, реальность одна, но онтология многообразна и контекстуальна. В то же время в рамках своего двухаспектного нейтрального монизма Х.А. утверждает, что существует онтический уровень реальности, который уже не может быть превращён в «эпистемическую реальность». Это фундаментальный уровень психофизически нейтральной (области) реальности, исходя из

которого и возникает разделение на физическое и ментальное [8; 18]⁶. Поскольку для автора ключевым концептом является концепт смысла/значения (meaning as referent, meaning as sense), мы рассматриваем её как идеалистическую⁷. У нас первичным концептом является концепт реальности. Реальность (в частности, первичный чувственный опыт, а не смысл) играет роль психофизически нейтральной области реальности.

4. Заключительные замечания

ДАМ – метафизический подход, смешивающий идеальное и реальное или субстанциализирующий идеальное, трактующий его как вид реальности. По сути, это своего рода «философская физика» (или «физическая философия»), то есть построение философской теории, в данном случае метафизики ментального, физического и PPN, по образу и подобию научной (физической) теории. Отсюда и претензия на предсказания, которые эта теория может делать. Поскольку позиция ДАМ конструируется как псевдофизическая теория, вдохновляясь КМ, она не может быть её подлинным философским осно-

⁶ Согласно С. Перейра, родоначальником одной из разновидностей нейтрального монизма был Кант [18]. Действительно, Канта можно интерпретировать в том смысле, что существует фундаментальный глубинный уровень не пространственно-временных вещей в себе, из которого возникают сознание и материя. В «Критике чистого разума» (А 359) он пишет: «Demnach ist selbst durch die eingeräumte Einfachheit der Natur die menschliche Seele von der Materie, wenn man sie (wie man soll) bloß als Erscheinung betrachtet, in Ansehung des Substrati derselben gar nicht hinreichend unterschieden» (Мой перевод: «Следовательно, даже при признаваемой простоте природы человеческая душа недостаточно отличается от материи, если её рассматривать (как и должно быть) только как видимость, в отношении её субстрата») [15, S. 477].

⁷ Х.А. пишет: «Значение (meaning) как референт – отношение, связывающее ментальный аспект реальности с её физическим аспектом» [8, р. 13]. «Значение (meaning) как референт (referent) и значение (meaning) как смысл (sense) – реляционные концепты, связывающие физический аспект реальности с ментальным аспектом и оба аспекта с их базисом в психофизически нейтральном» [8, р. 18]. Значение/смысл (meaning) – «фундаментальное свойство фабрики (fabric) реальности» [7].

ванием, не может дать удовлетворительное объяснение квантовых явлений (объяснение оказывается круговым). Х.А. считает, что апелляция к структуре спутанных состояний полезна для понимания нейтрального монизма, поскольку в КМ всё ясно. Но как раз в философии КМ, как известно, нет консенсуса.

ДАМ можно рассматривать как промежуточный (эвристический) этап на пути философского исследования. Необходим следующий этап: анализ предпосылок, подлинная дефляция. Метафизические предпосылки ДАМ устраняет дефляционная (терапевтическая) переинтерпретация этой позиции в рамках нашего КР.

Литература

1. *Атом* и Архетип. Переписка Паули и Юнга, 1932–1958 / Ред.: К. А. Мейер. Касталия, 2018. 438 с.
2. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А.П. Поляков; Подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1995. 400 с.
3. *Прись И.Е.* Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023. 304 с.
4. *Прись И.Е.* Мораль, квантовая механика, религия, технологии, искусственный интеллект через призму контекстуального реализма. М.: Ленанд, 2024. 280 с.
5. *Atmanspacher H.* Determinism is ontic, determinability is epistemic // *Between Chance and Choice: Interdisciplinary Perspectives on Determinism* / Ed. by H. Atmanspacher, R.C. Bishop. Thorverton UK: Imprint Academic, 2001. P. 49–74.
6. *Atmanspacher H., Primas H.* Epistemic and ontic quantum realities // *Foundations of Probability and Physics-3. Conf. Proc. 750* / Ed. by G. Adenier, A.Yu. Khrennikov. Melville, NY: AIP, 2005. P. 49–62.
7. *Atmanspacher H., Rickles D.* Dual-aspect monism and the deep structure of meaning. Routledge, 2022. 236 p.
8. *Atmanspacher H.* Psychophysical neutrality and its descendants: a brief primer for dual-aspect monism // *Synthese*. 2024. Vol. 203. 25.
9. *Benoist J.* L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017. 370 p.
10. *Benoist J.* I can't see «the sense» in this // *Markus Gabriel's New Realism* / Ed by J. Voosholz. Synthese Library 492, 2024. P. 129–145.
11. *Benoist J.* Préface à la version chinoise de «Toward a Contextual Realism».
12. *Chepurin K.* Indifference and the World: Schelling's Pantheism of Bliss // *Sophia*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0700-7> (дата обращения: 18.02.2025).

13. *Gabriel M.* Sense, nonsense, and subjectivity. Harvard University Press, 2024. 296 p.
14. *Jung C.G., Pauli W.E.* The Interpretation of Nature and the Psyche. Ishi Press, 2012. 280 p.
15. *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1998. 998 S.
16. *Khrennikov A.* Bild-conception for Scientific in Classical and Quantum Physics: from Hertz and Boltzmann to Schrödinger and De Broglie. URL: <https://arxiv.org/abs/2310.06954> (дата обращения: 08.08.2024).
17. *Mansfield V.* Synchronicity, Science, and Soul-Making. Chicago and La Salle, IL: Open Court Publishing, 1995. 256 p.
18. *Sa Pereira R.H.* The Kantian version of Russellian neutral monism // *Grazer Philosophische Studien*. 2025. P. 1–17.

References

1. *Atom i Arhetip.* Perepiska Pauli i Yunga [Atom and Archetype: The Correspondence between Pauli and Jung] 1932-1958 / Ed. by K.A. Meyer. Kastalia, 2018. – 438 c.
2. *Lossky, N.O.* (1995). Sensuous, Intellectual, and Mystical Intuition. Compiled by A.P. Polyakov; Ed. and annotated by R.K. Medvedeva. Moscow: Respublika Publ., 400 p.
3. *Pris, I.E.* (2023). Kontekstualnyy kvantovyy realizm i drugie interpretatsii kvantovoy mekhaniki [Contextual Quantum Realism and Other Interpretations of Quantum Mechanics]. Moscow, Lenand Publ., 304.
4. *Pris, I.E.* (2024). Moral, kvantovaya mekhanika, religiya, tekhnologii, iskusstvennyy intellekt cherez prizmu kontekstualnogo realizma [Moral, Quantum Mechanics, Religion, Technologies, and Artificial Intelligence through the Prism of Contextual Realism]. Moscow, Lenand Publ.
5. *Atmanspacher, H.* Determinism is ontic, determinability is epistemic. In: H. Atmanspacher, R.C. Bishop (eds.). *Foundations of Probability and Physics-3. Conf. Proc. 750*. Thorverton Uk: Imprint Academic, 2001. – P. 49–74.
6. *Atmanspacher, H., Primas, H.* (2005). Epistemic and ontic quantum realities. In: G. Adenier, A.Yu. Khrennikov. *Foundations of Probability and Physics-3. Conf. Proc. 750*. Melville, NY: AIP, 49–62.
7. *Atmanspacher, H., Rickles, D.* (2022). Dual-aspect monism and the deep structure of meaning. Routledge, 236.
8. *Atmanspacher, H.* (2024). Psychophysical neutrality and its descendants: a brief primer for dual-aspect monism. *Synthese*, 203:25.
9. *Benoist, J.* (2017). L'adresse du réel. Paris: Vrin, 370.
10. *Benoist, J.* (2024). I can't see "the sense" in this. In: J. Voosholz (ed.). *Markus Gabriel's New Realism*. Synthese Library 492, 129–145.
11. *Benoist, J.* (2025) Préface à la version chinoise de «Toward a Contextual Realism».

12. *Chepurin, K.* (2019) Indifference and the World: Schelling's Pantheism of Bliss. *Sophia*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0700-7> (date of access: 18.02.2025).
13. *Gabriel, M.* (2024). Sense, nonsense, and subjectivity. Harvard University Press, 296.
14. *Jung, C. G., Pauli, W. E.* (2012). The Interpretation of Nature and the Psyche. Ishi Press, 280.
15. *Kant, I.* (1998). Kritik der reinen Vernunft. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 998.
16. *Khrennikov, A.* (2024). Bild-conception for Scientific in Classical and Quantum Physics: from Hertz and Boltzmann to Schrödinger and De Broglie [Electronic resource]. – Available at: <https://arxiv.org/abs/2310.06954> (date of access: 08.08.2024).
17. *Mansfield, V.* (1995). Synchronicity, Science, and Soul-Making / V. Mansfield. – Chicago and La Salle, IL: Open Court Publishing, 256.
18. *Sa Pereira, R.H.* (2025). The Kantian version of Russellian neutral monism, 1–17.

Информация об авторе

Прись Игорь Евгеньевич – Институт философии НАН Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, 220072, Беларусь).
frigpr@gmail.com

Information about the Author

Pris Igor Evgenievich – Institute of Philosophy of NAS of Belarus (1/2, Surganov Str., Minsk, 220072, Belarus).
frigpr@gmail.com

Дата поступления 06.08.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 165.15

DOI: 10.15372/PS20250311

EDN: TDHNR

А.Ю. Крылатов, А.Н. Муравьев**РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ДОСТИЖЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

В процессе развития современной науки исследователями было получено большое количество разнообразных результатов, каждый из которых вносит свой уникальный вклад в становление научного знания. При этом, после Ф. Бэкона принято считать, что словосочетание *научный результат* или *научное знание*, прежде всего, указывает на знание, полученное в эксперименте или опытным путём. В то же время, как показывает история науки, эксперименты, как правило, не ставились и не проводились случайным образом, но преимущественно были обусловлены гипотезами, формулируемыми великими учеными в процессе их осмысления особенного бытия. В связи с этим, не отрицая важности эксперимента в процессе научного познания, сформулируем следующую проблему: возникает ли научное знание в эксперименте или эксперимент является лишь средством проявления уже возникшего – к моменту постановки и проведения эксперимента – в мышлении гипотетического представления о всеобщем содержании особенного вида сущего? Отвечая на таким образом поставленный вопрос, мы приходим к выводу, что научное познание непрерывно проходит через абстрактный, диалектический и спекулятивный моменты вполне разумного логического метода мышления, и прохождение этих моментов мышления является необходимой предпосылкой и условием возникновения научного знания. Таким образом раскрывается, что научное знание возникает не в самом эксперименте, но осмысливается как таковое через неоднократное прохождение моментов мышления.

Ключевые слова: научное знание, история науки, моменты развития мышления

A.Y. Krylatov, A.N. Muravyov

DEVELOPMENT OF THINKING IN THE PROCESS OF ACHIEVING SCIENTIFIC KNOWLEDGE

In the process of the development of modern science, researchers have obtained a large number of results, which make their own unique contribution to the formation of scientific knowledge. After F. Bacon, it is generally accepted that the *scientific result* or *scientific knowledge*, first of all, indicates knowledge obtained in an experiment or empirically. At the same time, as the history of science shows, experiments, as a rule, were not set up and carried out randomly, but were mainly conditioned by hypotheses formulated by great scientists in the process of their thinking on a special kind of being. In this regard, without denying the importance of an experiment in the process of scientific knowledge, we will formulate the following problem: does scientific knowledge arise in an experiment or is an experiment only a means of manifestation of a hypothetical idea of the general content of a special kind of being that has already arisen in thinking? Answering this question, we come to the conclusion that scientific knowledge constantly passes through abstract, dialectical and speculative moments of a completely reasonable logical method of thinking. These moments of thinking are necessary prerequisite and condition for the emergence of scientific knowledge. Thus, it is revealed that scientific knowledge does not arise in the experiment itself, but is comprehended as such through repeated passage of moments of thinking.

Keywords: scientific knowledge, history of science, moments of development of thinking

Небесная механика

В предисловии к своей книге «О вращении небесных сфер» Н. Коперник писал, что хорошо понимает какое сопротивление у современников вызовет то, что он наделяет Землю движением¹ [6, с. 11]. Применительно к позднему Средневековью можно сказать,

¹ «Я достаточно хорошо понимаю, ... что как только некоторые узнают, что ... я придал земному шару некоторые движения, они тотчас же ... будут поносить меня и такие мнения».

что Коперник сформулировал новое абстрактное представление (понятие) о том, что Земля вращается вокруг Солнца, поскольку на тот момент времени не было никакой возможности установить этот факт экспериментально. Коперник сформировал это представление в мышлении в результате положительно-разумного осмысления особенного бытия движения планет² [6, с. 11]. Как показала история, появление этого надежного абстрактного представления с необходимостью способствовало запуску процесса развития требующегося для исследования этого особенного вида сущего математического аппарата. Другими словами, возникновение твёрдой убеждённости Коперника, проистекающей из его тождественного особенному бытию мышления, о природе вращения Земли стало предпосылкой к научному развитию этого направления исследований, как его принято понимать сегодня.

Абстрактное представление Коперника о вращении Земли усилило ситуацию отрицания по отношению к существовавшим в то время представлениям об этом предмете и в этом смысле подталкивало И. Кеплера перейти к диалектическому моменту в осмыслении соответствующего вопроса³ [15, р. 47]. Замечательно, что Кеплер на этом не остановился, но перешёл к разрешению имеющихся противоречий в понимании механики движения небесных тел, исследовав общность различных единичных движений в положительном моменте умозрения⁴ [15, р. 48–49]. При этом, нельзя не отметить, что у Кеплера не было сомнений в важности такого шага на пути осмысления особенного вида сущего в процессе научного познания

² «... я долго размышлял, до какой степени нелепой моё повествование покажется тем, которые на основании суждения многих веков считают твердо установленным, что Земля неподвижно расположена в середине неба, ... лишь только они узнают, что я ... утверждаю о движении Земли».

³ «... there are two schools of thought among astronomers ... The former treats the individual planets separately and assigns causes to the motions of each in its own orb, while the latter relates the planets to one another, and deduces from a single common cause those characteristics which are found to be common to their motions. The latter school is again subdivided».

⁴ «Now my first step in investigating the physical causes of the motions was to demonstrate that [the planes of] all the eccentrics intersect in no other place than the very centre of the solar body (not some nearby point) ... Here the Braheans could have raised the objection against me that I am a rash innovator».

вообще⁵ [15, р. 47]. Используя моменты мышления, Кеплер приходит к выводу, что он с совершенной ясностью доказал истинность учения Коперника (с небольшими изменениями) и ложность других⁶. Важно заметить, что в своём познании Кеплер не мог ограничить себя установками на исследования через опыт, но пользовался преимущественно именно мышлением. Свободно применяя моменты мышления по необходимости, Кеплер создал тот задел, тот фундамент, оттолкнувшись от которого, Ньютон вывел свои законы.

Результаты Кеплера хоть и оказались необходимой предпосылкой для работы Ньютона, они тем не менее не были достаточны. Действительно, для того чтобы продвинуться вперёд в познании, Ньютону потребовалось вводить новые абстрактные понятия, реализуя тем самым абстрактно-рассудочный момент мышления⁷ [10, с. 2]. При этом Ньютон довольно чётко артикулировал свою работу по введению *новых* абстрактных понятий, явно отделяя их от понятий *старых*⁸, что позволило ему сразу перейти к их отрицательно-разумному осмыслению⁹ [10, с. 2–3]. Вместе с тем, возникновение *нового* подхода к познанию физических процессов связано уже с отрицанием отрицания, то есть переходом к положительно-разумному схватыванию Ньютоном места *нового* в познании сущего: «Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления» [10, с. 3]. Другими словами, на примере законов движения Ньютон, по сути, показал, каким образом в положительном моменте

⁵ «I shall also do the same where, ... I mingle the probable with the necessary and draw a plausible conclusion from the mixture».

⁶ «The eventual result of this consideration is the formulation of very clear arguments showing that only Copernicus's opinion concerning the world (with a few small changes) is true, that the other two are false» [Kepler, 1992, p. 48].

⁷ «...рациональная механика есть учение о движениях, производимых какими бы то ни было силами, и о силах, требуемых для производства каких бы то ни было движений, точно изложенное и доказанное».

⁸ «Древними эта часть механики была разработана лишь в виде учения о пяти машинах, применяемых в ремеслах; при этом даже тяжесть ... рассматривалась ими не как сила, а лишь как грузы, движимые сказанными машинами».

⁹ «Мы же, рассуждая не о ремеслах, а об учении о природе и, следовательно, не об усилиях, производимых руками, а о силах природы».

умозрения из особенного вида сущего выделяется всеобщее. Последнее указывает на то, что вклад Ньютона в науку не ограничивается физикой, но касается и развития научного метода познания вообще.

Биология

В истории исследований живой природы также можно проследить примат логического метода мышления над опытом в процессе достижения научного знания. В самом деле, ещё К. Линней, известный естествоиспытатель XVIII века, писал, что познание природы начинается с формирования абстрактных представлений, а не опытного созерцания¹⁰ [16, р. 6]. Примерно в это время естествоиспытатели начали путешествовать и изучать растения в разных частях света, что, по всей видимости, естественным образом и усиливало потребность вводить новые понятия и категории в случае исследований живой природы. Действительно, в предисловии к «Идеям о географии растений», написанной после пятилетнего путешествия в Америку, А. Гумбольдт указывал на необходимость перехода от единичного к особенному как первому шагу в познании живой природы¹¹ [4, с. 52]. Подобный переход, безусловно, сам по себе пусть и необходимым, но бессознательным образом подталкивает исследователя к осмыслению нового сквозь призму единства противоположностей, создавая тем самым необходимую предпосылку к реализации положительно-разумного момента мышления в процессе становления научного знания. Как известно, именно Ч. Дарвину удалось воспользоваться сформированной предпосылкой и выделить уже всеобщее из особенного.

Возвращённое единство мышления и мыслимого позволило Дарвину приблизиться к абсолютному, проявленному в особенном виде

¹⁰ «COGNITIONEM ... ut rite acquiramus, fingula diftincta *Idea* & diftincta *Nomine* complecti oportet, quibus fepofitis copia rerum nos obruat neceffe eft» («Чтобы правильно приобретать знания, мы должны множеству *идей* дать *названия*, иначе множество фактов неизбежно нас завалит ...»). – *Пер. авторов*).

¹¹ «...я и в этом труде расположил многочисленные явления скорее одно рядом с другим, а не представил их, углубляясь в природу вещей, в их внутренней связи между собой. Это положение ... должно вместе с тем свидетельствовать и о том, что когда-нибудь будет возможно представить натурфилософски картину природы ... гораздо более высокого порядка».

сущего: «... наши познания о вариации при domestikации ... всегда служат лучшим и самым верным ключом» [5, с. 22–23]. Сам абсолютный необходимый принцип, Дарвин связал с *естественным отбором*¹² [5, с. 23]. При этом, реализовав положительно-разумное осмысление знаний о живой природе, Дарвин тем самым с неизбежностью запустил реализацию следующего абстрактного момента мышления. Понятия *естественного отбора, эволюции, наследования* после Дарвина прочно вошли в науку вообще и, без сомнений, существенным образом повлияли на её дальнейшее развитие, многократно осмысляясь в моментах мышления. В частности, А. Вейсман, развивавший теорию наследственности, указывал на то, что не опытные факты, а именно теоретические соображения, основанные на представлениях и понятиях, возникших в абстрактном моменте мышления, были для него источником продвижения в научном познании¹³ [22, р. XI]. При этом, Вейсман хорошо понимал, что, уже противопоставляя теорию и опыт (в диалектическом моменте мышления), исследователь может уточнять теорию путём отрицания в ней несогласованных с опытом положений, а также формировать (в спекулятивном моменте мышления) новые положения для их последующей проверки на согласованность с опытом¹⁴ [22, р. XVI].

Г. Де Фриз в своей работе также отталкивался от абстрактного (рассудочного) момента понимания и использовал отрицательно-ра-

¹² «...Естественный Отбор почти неизбежно вызывает Вымирание многих менее совершенных форм жизни и приводит к тому, что я назвал Дивергенцией Признака».

¹³ «Gewiss macht sich jeder Beobachter seine theoretischen Gedanken, aus welchen heraus er Fragen an die Natur stellt» («Конечно, у каждого наблюдателя есть свои теоретические импульсы или чистые мысли, из которых он задает вопросы природе». – *Пер. авторов*).

¹⁴ «...nicht Axiome sollten verkündet, sondern Fragen sollten gestellt, und entweder mehr oder weniger sicher beantwortet, oder auch der Zukunft zur Lösung zugeschoben werden. Ich betrachte meine Theorie nicht als ein Unveränderbares und Abgeschlossenes, sondern als ein der Verbesserung sehr Bedürftiges und hoffentlich auch Fähiges» («... не аксиомы следует провозглашать, а задавать вопросы и либо отвечать на них более или менее достоверно, либо оставлять решение на будущее. Я не рассматриваю свою теорию как нечто неизменное и законченное, но как нечто, что крайне нуждается в улучшении и, надеюсь, для этой цели пригодное». – *Пер. авторов*).

зумный момент диалектики¹⁵, уточняя теорию через отрицание¹⁶ [21, р. 3–4]. Однако, на этом Де Фриз не остановился, перейдя к отрицанию отрицания, тем самым реализовав положительный момент умозрения, который схватывает единство категорий через *растворение* их внутренней оппозиции¹⁷ [21, р. 4]. В свою очередь, именно положительно разумное осмысление эволюции и естественного отбора Р. Фишером¹⁸ позволило ему внести свой замечательный вклад в познание предмета генетики¹⁹ [14, р. vii–viii]. Более того, Фишер подметил тот факт, что отрицательный момент диалектики – что кажется вполне естественным – часто возникает на стыке дисциплин, в результате взаимодействия исследователей из разных областей²⁰ [14, р. viii]. При этом Фишер явно указывал на то, что для дальнейшего познания необходимы новые подходы к образованию, позво-

¹⁵ «...nicht die Arten, sondern die einfachen Artmerkmale ... die Einheiten sind, um die es sich bei den Bastardirungen handelt» («... не вид, а простые видовые признаки ... являются единицами, которые участвуют в гибридизации». – *Пер. авторов*).

¹⁶ «Die gewöhnliche Variabilität kann, wie ich zu zeigen hoffe, auch bei der schärfsten anhaltenden Selection, nicht zu einem wirklichen Ueberschreiten der Artgrenzen führen, viel weniger noch zu der Entstehung neuer constanter Merkmale» («Обычная изменчивость, как я надеюсь показать, даже при самом строжайшей и длительной селекции не может привести к реальному пересечению видовых границ, а тем более к появлению новых постоянных признаков». – *Пер. авторов*).

¹⁷ «Diese „artenbildende Variabilität“ soll hier wieder mit dem alten, vor Darwän allgemein gebräuchlichen Worte Mutabilität benannt werden» («Эту “видообразующую изменчивость” здесь следует снова обозначить старым словом “мутация”, которое широко использовалось до Дарвина». – *Пер. авторов*).

¹⁸ «Natural Selection is not Evolution. Yet, ... the theory of Natural Selection has been employed as a convenient abbreviation for the theory of Evolution by means of Natural Selection».

¹⁹ «Когда эта теория была впервые выдвинута, самым неопределенным элементом в ее составе был принцип наследования. Ни один человек, обладающий знаниями или опытом, не мог отрицать этот принцип, однако в то время не было возможности дать точное описание его работы. То, что независимое изучение естественного отбора теперь стало возможным, в основном объясняется большим прогрессом, который наше поколение увидело в генетической науке». – *Пер. авторов*.

²⁰ «It is no less remarkable that when, in 1900, the genetic facts had been rediscovered ..., the principle opposition should have been encountered from the small group of mathematical statisticians».

ляющие осваивать не только способы отрицания, то есть диалектический или критический момент узкоспециализированного познания, но и способы отрицания отрицания, то есть положительно-разумный момент мышления для схватывания единого из многообразия специального²¹ [14, p. ix].

Физика элементарных частиц

Научные знания об элементарных частицах в своём становлении и развитии также прошли через все указанные моменты мышления. В самом деле, как известно, отправной точкой каскада экспериментальных исследований в этой области явилось появление нового понятия «лучи урана», возникшего в ходе осмысления результатов эксперимента А. Беккереля. Важность появления представления о *неких* лучах урана как отправной точки развития нового научного направления исследований подтверждается, помимо прочего, следующими словами М. Кюри: «В самом начале наших исследований, мы предложили образцы открытых и приготовленных нами веществ некоторым физикам, главным образом Беккерелю, которому наука обязана открытием урановых лучей» [12, с. 1]. В результате абстрактно-рассудочного момента понимания возникла новая категория, указатель на природное явление (особый вид сущего), которая позволила сформулировать и поставить научные эксперименты с целью противопоставления нарождающейся теории и практики. Э. Резерфорд писал, что именно исследование таким образом осмысленного (через понятие *лучей*) особенного вида сущего привело к открытию радиоактивности²² [19, p. 1].

Опытное исследование радиоактивности продвигалось довольно стремительно, и уже в скором времени очень многие учёные начали понимать необходимость положительно-разумного осмысления по-

²¹ «I can imagine no more beneficial change in scientific education than that which would allow each to appreciate something of the imaginative grandeur of the realms of thought explored by the other».

²² «An examination of natural substances, in order to see if they out dark radiations similar to X gave rays, led to the of discovery the radio-active bodies which the possess property spontaneously emitting radiations».

лучаемых результатов с целью выявления единого²³ [20, p. vi]. Резерфорд при этом указывал на всеобщее в исследуемом особенном виде сущего²⁴ [19, p. vii–viii]. Реализовав положительно-разумное осмысление особенного бытия, Резерфорд перешёл к рассудочному моменту мышления нового²⁵ [19, p. 2]. Схватившись за новый абстрактный момент понимания, следующий из результатов положительного момента умозрения Резерфорда, Н. Бор начал своё исследование с отрицательного момента диалектики, противопоставив модель Резерфорда модели Томсона²⁶ [1, с. 84]. При этом, ключевой результат своей работы Бор видел не в противопоставлении, а в схватывании единого в положительно-разумном моменте мышления: «Настоящая статья является попыткой показать, что применение указанной выше идеи к модели атома Резерфорда создает основу для теории строения атома» [1, с. 85].

Ж.Б. Перрен хорошо понимал важность выделения всеобщего из особенного в процессе познания сущего, то есть важность положительного момента умозрения. В своей книге «Атомы» от 1913 года он писал: «Уже у ребенка обнаруживается один из этих инстинктов, когда, схватив какой-нибудь предмет в руки, он хорошо знает, что произойдет в том случае, если он его выпустит. Может быть, ему никогда еще не приходилось держать именно этот предмет, и тем более точь-в-точь так, как в данный момент; но он припоминает то общее, что есть сейчас в его мускульных ощущениях, с ощущениями, которые он испытывал, когда держал в руках предметы, которые

²³ «With the discovery and study of Cathode rays, Rontgen rays and Radio-activity a new era has begun in Physics, in which the electrical properties of gases have played and will play a most important part».

²⁴ «The rapid advance of our knowledge of radio-activity has been dependent on the information already gained by research into the electric properties of gases».

²⁵ «In order to explain the phenomena of radio-activity, a theory has been put forward ... This theory is found to account in a satisfactory way for all the known facts of radio-activity, and welds a mass of disconnected facts into one homogeneous whole».

²⁶ «Основное различие между моделями, предложенными Томсоном и Резерфордом, заключается в том, что силы, действующие на электроны в модели Томсона, допускают определенные конфигурации и движения, обеспечивающие устойчивое равновесие системы; такие конфигурации по-видимому, не существуют для модели Резерфорда».

падали, когда он разжимал руки. Такие люди, как Галилей и Карно, обладали высшей степенью этого чувства аналогии» [11, с. VI]. Работа Перрена всегда отличалась тем, что он делал особый акцент именно на выделении единого²⁷ [11, с. IX]. При этом Перрен явно указывал на примат мышления над опытом в процессе научного познания как процессе выделения всеобщего из особенного²⁸ [11, с. IX]. Помимо прочего, Перрен обращал внимание на то, что выделению всеобщего из особенного прекрасно способствует междисциплинарность исследований²⁹ [11, с. IX].

Роль положительно-разумного момента мышления в процессе научного познания

Научное познание в естественной логике своего движения проходит через разные, но необходимые моменты мышления. При этом сопротивление этой естественной логике становления знания заводит исследователя в тупик. В своё время, Р. Фишер подметил, что именно неготовность У. Бэтсона перейти от диалектического (отрицание) к положительно-разумному (отрицание отрицания) моменту мышления, сдерживала его на пути нового абстрактного момента понимания особенного вида сущего как необходимого момента научного познания вообще³⁰ [14, p. ix]. В то же время настаивание на опытном познании как ключевом моменте становления знания в отрыве от естественного процесса осмысления сущего в моментах мышления

²⁷ «Я не буду превозносить одну методу исследования в ущерб другой, как это часто делают».

²⁸ «Дух теперешних атомистов переселится тогда в умы тех из наших потомков, которые унаследуют способность *отгадывать* дальнейшую скрытую структуру Вселенной за пределами действительности, доступной опыту, пределы которого так расширились».

²⁹ «Конечно, за эти последние годы интуиция торжествовала над индукцией настолько, что даже сама энергетика воспользовалась статистическими приемами, заимствованными из атомистических представлений».

³⁰ «Unfortunately he [Bateson] was unprepared to recognize the mathematical or statistical aspects of biology, and from this and other causes he was not only incapable of framing an evolutionary theory himself, but entirely failed to see how Mendelism supplied the missing parts of the structure first erected by Darwin».

также может оказывать тормозящий эффект на развитие науки, а в отдельных случаях и вовсе быть откровенно вредным. Действительно, в какой-то момент совокупность наблюдаемых фактов должна быть осмыслена в абстрактном моменте, а совокупность результатов критических исследований, уточняющих важные детали и аспекты в понятых абстрактных категориях рассудка через отрицание или противопоставление, должна быть обобщена и осмыслена в собирающем положительно-разумном моменте мышления. При этом если абстрактно-рассудочный момент мышления вполне укладывается в принятое (консенсусное) на сегодня представление о процессе научного познания как минимум в качестве момента формирования и уточнения понятийных систем, а отрицательный (критический) момент диалектики, кажется, принимается как основная движущая сила современного научного познания, то принятие спекулятивного момента как важнейшей составляющей процесса достижения научного знания встречает определенное сопротивление. В самом деле, обращение к спекулятивному моменту мышления зачастую требует от учёных определенной смелости, поскольку может быть воспринято сообществом, мягко сказать, неоднозначно. Например, Э. Шредингер хорошо понимал, что смысл и цель познания в возвращении к единому через выделение всеобщего из особенного, а не в бесконечном исследовании единичного и специального, и именно проявленное и достигнутое единое является истинно научным знанием³¹ [13, с. 17–18]. Однако даже такому великому учёному потребовалось объясняться перед сообществом и публикой, что, переходя к поло-

³¹ «Обычно принято думать, что ученый должен в совершенстве знать определенную область науки из первых рук, и поэтому считают, что ему не следует писать по таким вопросам, в которых он не является знатоком. Это рассматривается, как вопрос *noblesse oblige*. Однако для достижения моей цели я хочу отказаться от *noblesse* и прошу, в связи с этим, освободить меня от вытекающих отсюда обязательств. Мои извинения заключаются в следующем ... расширение и углубление разнообразных отраслей знания в течение последних ста замечательных лет поставило нас перед странной дилеммой. Мы ясно чувствуем, что только теперь начинаем приобретать надежный материал для того, чтобы объединить в одно целое все, что нам известно; но с другой стороны, становится почти невозможным для одного ума полностью овладеть более чем какой-либо небольшой специальной частью науки».

жительному моменту разумного мышления, который направлен на схватывание единого, он не пытается выйти за рамки научного познания, но напротив в этом и состоит один из необходимых моментов логики становления научного знания.

На необходимость умозрительного момента мышления в процессе научного познания указывал и Дж. Фон Нейман в своей работе «Вычислительная машина и мозг». При этом, также как и Шредингер, он понимал, что момент положительной разумности хоть и необходим для целей познания, но его реализация требует от учёного в некоторой степени оправдывающейся позиции³² [17, р. 1]. По сути, Нейман понимал, что логика развития научного знания в интересующих его областях исследований требовала в тот период времени перехода к спекулятивному моменту мышления, который, в свою очередь, позволил бы сформировать новое абстрактное понимание и продвинуть исследования вперёд на пути научного познания. В стремлении к выявлению единого в категориях через снятие их внутренней противоположности, Нейман видел огромный потенциал для развития науки. Однако ему также было ясно, что реализация положительного момента разумности вызовет сопротивление со стороны представителей тех отраслей знания, которые он затронет своей попыткой их спекулятивного осмысления. В связи с чем Нейман уточняет, что собирается работать с областями исследований, в которых он не является признанным экспертом, не непосредственно, а лишь в той мере, в какой их предмет соприкасается с той областью, в которой признанным экспертом он безусловно является [17, р. 1]. Таким образом, как и в случае с Перреном и Фишером, пусть и неявная, но отсылка к *междисциплинарному подходу* как уже абстрактно понятому и принятому научным сообществом позволила Нейману подойти к реализации положительного момента разумного мышления, необходимого для развития научного знания.

Как мы видим, многие великие учёные известны в качестве таковых не на том основании, что провели удачные эксперименты, но на том, что положительно-разумно осмыслили как теоретики разно-

³² «Since I am neither a neurologist nor a psychiatrist, but a mathematician, the work that follows requires some explanation and justification».

образные опытные факты, выделяя всеобщее из особенного и возвращаясь к единству противоположностей. В частности, великий Д.И. Менделеев довольно скромно писал о своём замечательном результате следующее: «Ввиду этого и те обобщения и гипотезы, которые отчасти или вполне принадлежат лично мне, я старался поставить на соответственных местах, не стремясь придать им вид законченности, а выставляя их только как попытки, стоящие в связи с общим направлением, какое, по моему мнению, имеет в настоящее время наша наука» [9, с. 10–11]. Нет сомнений в значимости научного открытия Менделеева, но нельзя не заметить отличия этого открытия, полученного через положительно-разумный момент осмысления, от *нормальных* – в принятом сообществом смысле – научных открытий, получаемых в опыте. Возможно, именно с этим была связана отнюдь не напускная скромность учёного при публикации своего результата. Среди же учёных, уверенно перешедших к спекулятивному моменту мышления как только этого потребовала логика развития научного знания в исследуемых ими областях, наиболее широко известным, пожалуй, является В.И. Вернадский, автор «Философских мыслей натуралиста». В большинстве его трудов можно увидеть стремление к единому в качестве основной цели познания. В «Биосфере» он писал: «Среди огромной геологической литературы отсутствует связанный очерк биосферы, рассматриваемый как единое целое, как закономерное проявление механизма планеты, ее верхней области – земной коры» [2, с. 3]. «Очерки геохимии» начинаются со слов: «Основы наших взглядов на “Вселенную”, на “Природу” – на то “Единое/целое”, о котором так много говорили в XVIII в. и в течение первой половины XIX столетия, преображаются на наших глазах с небывалой быстротой» [3, с. 10].

Мы установили, что положительный момент спекуляции присутствовал в научном познании на протяжении всей истории становления современной науки. В зависимости от стадии развития той или иной области исследований появлялись учёные, которые видели необходимость положительно-разумного осмысления накопленных результатов и, тем самым, становились проводниками соответствующего момента логики развития научного знания. В 1795 году Дж. Геттон писал о необходимости изучения единого в вопросах развития

Земли³³ [18, р. 2]. Примерно в то же время биолог Ж.Б. Ламарк говорил о важности единого для целей преподавания зоологии³⁴ [8, с. 5]. Естествоиспытатель Ж. Кювье обращался к положительному моменту спекуляции с целью достижения единства категорий через снятие внутренней оппозиции в абстрактном их понимании при изучении ископаемых останков и истории жизни на Земле: «В моей работе об *ископаемых костях* ... я должен был ... воссоздавать древние существа ... , восстанавливать эти существа в их пропорциях, с их признаками, ... сопоставлять их с ныне живущими на земле: искусство, до сих пор почти неизвестное, которое предполагает науку, до сего времени едва затронутую, науку о законах, определяющих существование форм различных частей органических существ» [7, с. 73]. Считается, что содержание работ Кювье сыграло исключительную роль в появлении эволюционного учения.

Заключение

Современная наука в своём развитии достигла небывалого уровня сложности с точки зрения возможности осмыслить невообразимое множество полученных опытных результатов. С одной стороны, структурирование современных научных знаний требует новых категорий, что невозможно без реализации спекулятивного момента мышления в разных областях исследований. С другой стороны, в современных научных институтах, как правило, нет места положительному моменту спекуляции. Безусловно, положительно-разумный момент мышления не приводит к научным результатам сам по себе, но требует предварительной реализации рассудочного и диалектического моментов, поскольку спекулятивный момент, базирующийся не на отрицании отрицания, а на утверждении без предварительного отрицания, приведёт в лучшем случае к неким далёким от науки спе-

³³ «To trace the series of these revolutions, to explain their causes, and thus to connect together all the indications of change that are found in the mineral kingdom, is the proper object of a Theory of the Earth».

³⁴ «Преподавательский опыт дал мне почувствовать, как полезна была бы теперь *Философия зоологии*, т.е. свод правил и законов, относящихся к изучению животных и вместе с тем приложимых к другим отделам естественных наук».

куляциям. Однако отрицание, не заканчивающееся отрицанием, запускает работу по бесконечному уточнению всё менее значимых нюансов в познаваемом единичном объекте или особенном виде сущего. Равно как и абстрактно-рассудочный момент мышления, не переходящий к его диалектическому отрицанию, может привести не более чем к игре воображения. Спекулятивный момент должен следовать за диалектическим, исследующим внутреннюю оппозицию категорий, понятых абстрактным моментом мышления. В таком случае спекулятивный момент будет играть свою важнейшую роль в процессе научного познания и позволит преодолевать диалектические тупики отрицательно-разумного осмысления накопленных наукой фактов. Нет сомнений в том, что легитимация и повсеместное утверждение положительно-разумного момента мышления в современных институтах научного познания потребует существенных организационных и содержательных усилий, но нельзя не обращать внимание на то, что, как демонстрирует история науки, таково неперменное логическое требование дальнейшего развития научного знания.

Литература

1. Бор Н. Избранные научные труды. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1970. 584 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера. Л.: Научное химико-техническое издательство, 1926. 147 с.
3. Вернадский В.И. Собрание сочинений в 24 т. Т. 6. Очерки геохимии М.: Изд-во Наука, 2013. 699 с.
4. Гумбольдт А. География растений. М.-Л.: ОГИЗ СЕЛЬХОЗГИЗ, 1936. 230 с.
5. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб: Наука, 1991. 539 с.
6. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. М.: Изд-во «Наука», 1964. 653 с.
7. Кювье Ж. Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. М.-Л.: Биомедгиз, 1937. 368 с.
8. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. Том 1. М.-Л.: Биомедгиз, 1935. 495 с.
9. Менделеев Д.И. Сочинения. Т. XIII. Л.-М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 850 с.
10. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
11. Перрен Ж. Атомы. М.: ГОСИЗДАТ, 1924. 254 с.
12. Склодовская-Кюри М. Исследования над радиоактивными веществами. Санкт-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1904. 112 с.
13. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. 176 с.

14. *Fisher R.A.* The Genetical Theory Of Natural Selection. Oxford: Clarendon Press, 1930. 272 p.
15. *Kepler J.* New Astronomy. Transl. William H. Donahue. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 681 p.
16. *Linnaeus C.* Species plantarum. Vol. 1. Holmiae: Impensis Laurentii Salvii. 1753. 572 p.
17. *Neumann J.V.* The Computer and the Brain. New Haven: Yale University Press, 1958. 82 p.
18. *Playfair J.* Illustrations of the Huttonian Theory of the Earth. Edinburgh: Neill & Co. Printers, 1802.
19. *Rutherford E.* Radio-activity. Cambridge: University Press, 1904. 399 p.
20. *Thomson J.J.* Conduction of electricity through gases. Cambridge: University Press, 1906. 678 p.
21. *Vries H.* Die mutationstheorie. Versuche und beobachtungen über die entstehung von arten im pflanzenreich. Leipzig: Verlag von Veit & Comp. 680 p.
22. *Weismann A.* Das Keimplasma. Eine Theorie der Vererbung. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1892. 655 p.

References

1. *Bohr N.* Izbrannye nauchnye trudy. T. 1 [Selected scientific works. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1970. 584 p.
2. *Vernadskij V.I.* Biosfera [Biosphere]. Leningrad: Scientific Chemical and Technical Publishing House, 1926. 147 p.
3. *Vernadskij V.I.* Sobranie sochinenij v 24 t. T. 6. Ocherki geohimii [Collected Works in 24 Volumes. Volume 6. Essays on Geochemistry]. Moscow: Nauka, 2013. 699 p.
4. *Humboldt A.* Geografija rastenij [Plant geography]. Moscow-Leningrad: OGIZ SEL'HOZGIZ, 1936. 230 p.
5. *Darwin C.* Proishozhdenie vidov putem estestvennogo otbora [On the origin of species by means of natural selection]. SPb: Nauka, 1991. 539 p.
6. *Kopernik M.* O vrashchenii nebesnyh sfer [On the rotations of the celestial spheres]. Moscow: Nauka, 1964. 653 p.
7. *Cuvier J.* Rassuzhdeniya o perevorotah na poverhnosti zemnogo shara [A discourse on revolutions on the surface of the globe]. Moscow-Leningrad: Biomedgiz, 1937. 368 p.
8. *Lamarck J.B.* Filosofiya zoologii. T. 1 [Philosophy of Zoology. Vol. 1]. Moscow-Leningrad: Biomedgiz, 1935. 495 p.
9. *Mendeleeev D.I.* Sochineniya. T. XIII [Essays. Vol. XIII]. Leningrad-Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. 850 p.
10. *Newton I.* Matematicheskie nachala natural'noy filosofii [Mathematical principles of natural philosophy]. Moscow: Nauka, 1989. 688 p.
11. *Perrin J.* Atomy [Atoms]. Moscow: GOSIZDAT, 1924. 254 p.

12. *Skłodowska-Curie M.* Issledovaniya nad radioaktivnymi veshchestvami [Research on radioactive substances]. St. Petersburg: Rikker Publishing, 1904. 112 p.
13. *Schrödinger E.* Chto takoe zhizn' s tochki zreniya fiziki? [What is life from a physical point of view?]. Moscow: RIMIS, 2009. 176 p.
14. *Fisher R.A.* The Genetical Theory Of Natural Selection. Oxford: Clarendon Press, 1930. 272 p.
15. *Kepler J.* New Astronomy. Transl. William H. Donahue. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 681 p.
16. *Linnaei C.* Species plantarum. Vol. 1. Holmiae: Impensis Laurentii Salvii. 1753. 572 p.
17. *Neumann J.V.* The Computer and the Brain. New Haven: Yale University Press, 1958. 82 p.
18. *Playfair J.* Illustrations of the Huttonian Theory of the Earth. Edinburgh: Neill & Co. Printers, 1802.
19. *Rutherford E.* Radio-activity. Cambridge: University Press, 1904. 399 p.
20. *Thomson J.J.* Conduction of electricity through gases. Cambridge: University Press, 1906. 678 p.
21. *Vries H.* Die mutationstheorie. Versuche und beobachtungen über die entstehung von arten im pflanzenreich. Leipzig: Verlag von Veit & Comp. 680 p.
22. *Weismann A.* Das Keimplasma. Eine Theorie der Vererbung. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1892. 655 p.

Информация об авторах

Крылатов Александр Юрьевич – Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9).
aykrylatov@yandex.ru

Муравьев Андрей Николаевич – Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9).
muravyovan@yandex.ru

Information about the authors

Krylatov Alexander Yurevich – Saint Petersburg State University (Universitetskaya Nab., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russia).
aykrylatov@yandex.ru

Muravyov Andrey Nikolaevich – Saint Petersburg State University (Universitetskaya Nab., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russia).
muravyovan@yandex.ru

Дата поступления 23.07.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

УДК: 167.0

DOI: 10.15372/PS20250312

EDN: URQLWI

Е.М. Николаева, М.В. Лагутин

СИНТЕТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК НОВОГО ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В статье предпринимается попытка осмысления влияния синтетической биологии на онтологическое содержание такого авангардного направления современной науки как технонаука. Авторами проводится экспликация онтического состава синтетической биологии, и дальнейшая рефлексия онтологического содержания этого инженерно-научного направления. Рассматриваются конкретные примеры взаимовлияния онтического и онтологического. Теоретико-методологической основой для обнаружения изменений в онтологическом составе синтетической биологии и современной науки в целом авторы выбрали концепцию разграничения и взаимовлияния онтического и онтологического немецкого философа экзистенциалиста М. Хайдеггера. Для исследования современного онтологического содержания технонауки были использованы концепты «техноэпистемический объект» и «технонаучная экспериментальная система» немецких философов Т. Коля и Й. Фалька, а также классификация объектов французского философа Б. Бенсауд-Винсент. Для более целостной онтологической картины были представлены некоторые конкретные достижения и работы синтетических биологов. В результате обнаружена каузальная детерминация между онтическим и онтологическим, где онтическое, расширяясь и умножаясь, необходимо формирует новые онтолого-эпистемологические категории, призванные охарактеризовать и объяснить такое сущее, которое не существовало до появления синтетической биологии. Авторами обнаружены возможные условия для превращения эпистемического объекта в техноэпистемический, среди которых соответствие четырем критериям: они знакомы/узнаваемы, ценностно значимы, перформативны и обладают неограниченной материальностью. Предложено новое, более полное содержание категории «техноэпистемический объект».

Ключевые слова: технонаука; онтологическое содержание; онтический состав; синтетическая биология; техноэпистемический объект; технонаучная экспериментальная система

E.M. Nikolaeva, M.V. Lagutin

SYNTHETIC BIOLOGY AS A SOURCE OF NEW ONTOLOGICAL CONTENT OF MODERN SCIENCE

The article attempts to comprehend the influence of such engineering science as synthetic biology on the ontological content of the direction in science known as technoscience. The author explicates the ontic composition of synthetic biology and further constructs the ontological content of this engineering-scientific direction. Specific examples of mutual influence of ontic and ontological are considered. The author has chosen the concept of distinction and mutual influence of ontic and ontological of German existentialist philosopher M.Heidegger as a theoretical and methodological basis for detecting changes in the ontological content of synthetic biology. The concepts of “technoepistemic object” and “technoscientific experimental system” by German philosophers T.Kohl and J.Falk, as well as the classification of objects by French philosopher Bernadette Bensaud-Vincent were used to investigate the modern ontological technoscience. For a more holistic ontological picture, some specific achievements and works of synthetic biologists were used. As a result, a causal determination between the ontic and the ontological is discovered, where the ontic, expanding and multiplying, is necessary to form new ontological-epistemological categories designed to characterise and explain such an entity, which did not exist before synthetic biology. The author has discovered possible conditions for the transformation of an epistemic object into a technoepistemic one, among which is the fulfilment of four criteria: they are familiar/ recognisable, value-laden, performative and have unrestricted materiality.

Keywords: technoscience; ontological composition; ontic; synthetic biology; technoepistemic object; technoscientific experimental system

Современные исследования в синтетической биологии привлекают внимание философов широкого спектра специализации последние десятилетия. Большую часть этих философов интересовали вопросы этики; вопросы относительно того, может и должен ли человек изменять природе, естественный порядок вещей и сами вещи в этом

мире. И если он может «играть в бога», то как он должен это делать? Подобная повестка философских дебатов относительно синтетической биологии быстро истоцилась. Лишь небольшая часть исследований, которые стремились ответить на вопросы эпистемологической ценности синтетической биологии и ее методов и методологии, продолжает быть актуальной и порождает новые философские измерения. Еще в 2016 году немецкий философ химии Иоахим Шуммер заметил, что философское осмысление «игры в бога», которым, в зависимости от взгляда, занимались не только биологи-синтетики, но и химики, началось с момента ослабления влияния идей витализма и самозарождения жизни. Это период, когда немецкий химик Эмиль Фишер стал синтезировать такие вещества, которых никто до этого синтеза в природе найти не мог. Фишер работал с сахарами и разработал классификацию всех возможных сахаров, при этом большинство из них были не естественного происхождения – они не находились в природе и не получались из естественного сырья без химического синтеза и теоретического моделирования их возможных форм. К тому же ученым были представлены синтетические пути открытия новых сахаров [15, p. 153].

С точки зрения Шуммера, это стало началом фундаментального непонимания научных методов и достижений людьми, чьи интересы ограничивались этическими вопросами и чье желание разобраться в деталях практически отсутствовало [15, p. 156]. После коммерчески оправдываемых заявлений химиков XIX в. о возможностях химии воссоздать жизнь, для религиозно-этических и философско-этических взглядов это переросло в проблему. Тогда деятельность ученого стала расцениваться как конкуренция божественному замыслу. Все это происходило задолго до синтетической биологии, однако запрос на этическое переосмысление влияния человека на жизнь и условия ее возникновения усилился после заявления биолога Крейга Вентера 20 мая 2010 г. о создании «первой самовоспроизводящейся синтетической бактериальной клетки» [15, p. 158]. Вентер и институт, носящий его имя, заявили о намерениях синтезировать жизнь в лаборатории, что породило бурную реакцию СМИ, которые начали распространять концепцию «игры в бога», якобы разделяемую множеством ученых.

Ограничения этического осмысления синтетической биологии и поворот к эпистемологии

Со временем причин ослабления интереса к этическим проблемам, возникающим в связи с исследованиями в области химии и биологии, становится все больше, но основные были описаны Шуммером в том же 2016 г., когда им была обнаружена существенная разница между актуальным положением дел в синтетической биологии и заявлениями-обещаниями со стороны биологов-синтетиков и химиков. Через внимание к деталям вскоре обнаружилось, что такие заявления как: «...возможность контролировать генетику людей, животных и сельскохозяйственных растений значительно улучшит благосостояние человечества...», а также «...обычные люди, а также политики будут значительно лучше осведомлены о когнитивных, социальных и биологических силах, управляющих их жизнью, что позволит гораздо лучше приспособливаться» [17, р. 5–6], произнесенные в 2002 г. остались далеки от реальности.

Невнимательность к этой существенной разнице между действительным и желаемым породила философский и религиозный запрос на осмысление этических проблем, которые не только звучат футуристично: полный контроль человеческого генома, проблема киборгов и химер, но и, строго говоря, не имеют обоснованной корреляции с современными концепциями в синтетической биологии [14, р. 600].

С другой стороны, за последние пять лет тема эпистемологической ценности синтетической биологии и ее влияния на облик современной науки в целом стала играть заметную роль. Синтетические биологи, каждый по-своему, привносили в исследовательский процесс новшества, отличающиеся даже внутри самой синтетической биологии подходами, целями и методами. Такой методологический плюрализм не только существенно отличает синтетическую биологию от схожих с ней естественных наук, таких как биология или химия, но и экстраполирует подходы и цели синтетической биологии на феномен науки в целом. С 2000-х гг. мы наблюдаем влияние синтетической биологии на современную науку во внедрении концепции «инженерного метода» в последнюю, а также в ориентации на проектирование и расширение практики метода know-through-making (KTM) в естественных науках [16, р. 119].

Применимость категорий «das Ontische» и «das Ontologische» к синтетической биологии

Среди новшеств синтетической биологии можно обнаружить не только исследовательские подходы, но следующие за этим изменения или глубокая модификация уже имеющихся в природе организмов [12, р. 1], а также создание новых организмов (генетически и функционально) [4; 5].

Улучшение естественных организмов или глубинное изменение их до такой степени, когда измененное генетически трудно сравнить с естественным прототипом увеличивает как ряд существующих объектов, так и ряд эпистемологических категорий, которые призваны их объяснять. Для тех существующих объектов, которых без должных изменений не могло существовать, мы использовали термин М. Хайдеггера – онтическое (*ontisch*), то есть все то, что относится к порядку существующего в качестве конечного сущего [3, с. 6].

Взятое нами разделение на онтическое и онтологическое, с нашей точки зрения, точно обнаруживает и закрепляет акценты на том, какое основание приписывается той или иной категории. Так, онтическое в философии Хайдеггера определяется непосредственно через свою эмпирическую достоверность, специально очищаясь от всякого внеобъектного содержания. Акцент на существовании объекта как объекта, без рассмотрения его внеобъектного основания, совпадает со взглядом биологов-синтетиков, рассматривающих любой исследуемый объект только как объект. В то же время онтологическое характеризует сами условия, делающие существование объекта возможным именно таким вот объектом. При этом необходимо отметить, что существуют важные различия – между *das ontologische* Хайдеггера, являющимся самым широким условием из возможных, и тем «*das ontologische*», которое используем мы, и которое принципиально гораздо более узкое. Различия в широте не изменяют акцент на основании, на том, что делает возможным некоторый объект «X». Под этим «*das ontologische*» мы подразумеваем методологию, о чем будет сказано в дальнейшем.

Каждая разработка синтетических биологов, независимо от направления, представляет из себя конкретное сущее. К таковым отно-

сятся и биороботы из смеси гидрогеля и кардиомиоцитов, напечатанные на 3D принтере [5, р. 1], и модифицированный штамм (КТ2440) почвенной бактерии *Pseudomonas putida* [10, р. 1], и клетки морской диатомовой водоросли *Phaeodactylum tricornutum* [12, р. 1]. Общим для них будет их конечная материальная форма, в которой они проявляют факт своего существования и, тем самым, обнаруживают сразу несколько моментов.

Первый из которых – очевидный факт собственного существования как физического объекта или вещи со своей внутренней структурой. Все они доступны нашему восприятию, что мы в точности видим в приведенных ранее примерах.

Второй – каждое такое конечное сущее отражает наличие сущности, то есть того, чем является эта вещь, чем она отлична от другой (не этой вещи). В контексте сущего, взятого из областей синтетической биологии, этим определителем (маркером), то есть тем, что отличает одно сущее от другого, может быть всего одна функция, или лишь возможность установить эту функцию. К примеру, между естественно эволюционировавшим организмом и синтетическим существует существенное различие. Оно совершенно не связано с рукотворностью или даже с очевидной телеологией синтетического. Главной отличительной чертой будет податливость к модификациям, а такой организм автоматически будет восприниматься как имплицитно содержащий в себе полезную функцию, и именно она будет являться ключевой в сравнении со всеми другими функциями организма. К примеру, синтетическая бактерия, которая создана в качестве биосенсора будет содержать в себе главную функцию, которая делает ее биосенсором. В то время как второстепенные функции, такие как репликация или передвижение будут несущественными [9, р. 7–9].

Возможность новой онтолого-эпистемологической категории «техноэпистемический объект»

Контролируемый отбор «полезных» или потенциально «полезных» организмов учеными в области синтетической биологии формирует постоянно растущий ряд онтического. В его состав входят не только целые организмы, но также и любой биосинтетический мо-

дуль, новый синтетический метаболический путь, целая система белковых взаимодействий, новый модифицированный, полусинтетический, синтетический белок, синтетические клеточные органеллы или целые синтетические геномы, при условии, что все это реализовано в конкретном наблюдаемом объекте и функционирует [13, р. 261–262, 264–265].

Такое увеличение онтического ряда неизбежно увеличивает и онтологическое содержание. Философы Т. Коль и Й. Фальк, взяв за основу классификацию объектов французского философа и историка науки Б. Бенсауд-Винсент, предложили ее для определения характеристик изучаемых объектов в технонауке, составляющих область того, что мы здесь называем онтическим. На наш взгляд эта классификация дает убедительные причины для формирования новой онтологической категории в технонауке. Коль и Фальк, основываясь на классификации Бенсауд-Винсент, сформировали четыре характеристики техноэпистемического объекта: узнаваемость, ценность, перформативность и материальная неограниченность.

Объект изучения в синтетической биологии отличается от других объектов тем, что необходимо обладает свойством подконтрольности; в синтетической биологии любой объект будет содержать такое свойство хотя бы потому, что история его разработки детерминирована социальной полезностью, а значит и функции такого объекта будут не случайными, а предсказуемыми и полезными для создателя. Но, более того, любой синтетический конструктор или объект представляет собой не только материальное сущее (онтическое), но и особую инструкцию, содержащую информацию о том, как этот конструктор был создан, и что он из себя представляет. Принципиально то, что этот «рецепт» не ограничивается конкретным материальным носителем и его эпистемологическая и функциональная ценности выше, чем у того сущего, что создано с его помощью.

Конкретное конечное сущее обрывается обязательным неотъемлемым контекстом его существования, то есть тем, что в терминологии Хайдеггера мы бы назвали онтологическим – тем, в силу чего это сущее существует. Этот контекст содержательно представляет собой совокупность условий, при которых можно создать такой объ-

ект и сам алгоритм создания этого объекта. Как только это и другие (описанные Колем и Фальком) условия удовлетворены, – происходит превращение эпистемического объекта в техноэпистемический. Когда любой объект науки, попадая в области технауки, начинает отвечать этим критериям: объект становится более доступен или узнаваем, обладает высокой ценностью (в сравнении с объектами вне этой области), перформативен и материально не ограничен.

Узнаваемость определяется как свойство объекта быть более доступным для понимания с внешней стороны. Обусловлено это и ориентированностью на социальные запросы, и упрощением или онтологической редукцией явления до более простого. Ценность представляет собой степень общественной оценки, то есть их эпистемологическая ценность детерминируется степенью полезности для социальных требований. Перформативность характеризует новизну объекта – сам факт изучения явления технаукой делает потенциальный изучаемый объект новым [9, р. 9]. А неограниченная материальность объясняется возможностью создать желаемую функцию, то есть отвечает тому, что мы называем податливостью к модификациям.

К примеру, в 2020 г. международной исследовательской группе под руководством Т. Миллера удалось сконструировать платформу для создания синтетических фотосинтезирующих систем [11]. Речь идет о биосистемах, сходных с зелеными клетками растений или водорослей – хлоропластами, способными превращать свет в химическую энергию. Сконструированная синтетическая платформа способна превращать энергию света в многоуглеродные соединения на основе углекислого газа, которая имеет возможность интеграции в естественные системы. Это не воссозданная растительная фотосинтезирующая клетка, а синтетический цикл превращений CO_2 в углеводные соединения, который может быть добавлен той или иной клетке или целому организму [11, р. 649, 653]. В данном случае мы можем увидеть соответствие таких синтетических каплеподобных клеток всем обозначенным выше критериям.

Поскольку платформа – это объект опыта как для неспециалиста, так и для специалиста, это делает ее «знакомой». Ее возможность интеграции в естественные системы обусловлена социальным запро-

сом на экологичность, что обнаруживает соответствие критерию ценности. Эта платформа воспринимается как нечто новое, поскольку представляет собой не фотосинтезирующую систему, а синтетический, и потому новый, цикл превращений CO_2 в углеродные соединения. И, наконец, эта платформа воспринимается как материально не ограниченная, поскольку обладает возможностью интеграции в нужный организм в нужном количестве.

**Развитие категории «техноэпистемический объект» –
необходимость переосмысления использования
термина «методология»**

Коль и Фальк предложили еще одну категорию – «технонаучные экспериментальные системы» [9, р. 10–11], она отличается от категории техноэпистемического объекта тем, что включает структуру/функцию и «рецепт» создания такой структуры/функции, а также модель объекта. Однако, мы считаем, что этот термин недостаточно корректен, поскольку «экспериментальная система» *prima facie* будет игнорировать все, что потенциально нельзя назвать «экспериментальным» или «системным». Этот термин, к тому же, лишь частично затрагивает роль исследования методологии в синтетической биологии.

Под методологией мы понимаем учение о принципах построения научного знания, то есть совокупности исследовательских средств и алгоритма их использования ученым для достижения своих исследовательских целей [1, с. 9]. Мы полагаем, что каждое конкретное сущее в предметном поле синтетической биологии есть не что иное, как овеществленное доказательство применимости конкретной методологии. Каждое такое сущее будет полноценным примером – оно существует и функционирует, и, в дополнение к нему, существует научное исследование, где описан процесс создания этого сущего, то есть совокупность фундаментальных принципов, средств, алгоритма и условий их взаимодействия, при котором это сущее будет реализовано. Подтверждением этого может служить любая работа по синтетической биологии, которая создает какой-либо биосинтетичес-

кий элемент или целую систему. К примеру, работы Сяоянь Го [8] или К. Петкевичус [13].

Из этого следует, что как модифицированный дрожжевой штамм ВУ-Т20 [19, р. 1], так и простейшая схема белков-репрессоров, имеющих два взаимозависимых стабильных состояния, условно названных «включенным» и «выключенным» [6, р. 118], являются необходимо редуцируемыми к методологии сущими. Поскольку именно возможность их воспроизводства, зачастую в промышленном масштабе, по предоставленному научному сообществу «рецепту» – точной инструкции процесса проведения эксперимента, – и является конечным продуктом любой школы синтетической биологии.

Каждый такой объект, – будь то новый синтетический метаболический путь, или синтетические клеточные органеллы, или целый синтетический геном, – имеет причиной своего существования фундаментальные физико-химические законы природы и конкретную, сопутствующую этому объекту, методологию.

Обоснуем тезис о применимости в данном контексте методологии. Каждое конечное материальное сущее, редуцируется к информации, которой это сущее необходимо обладает и является им в силу того, что этой информацией оно обладает. Однако далеко не всякой информацией, а наследственной. Последняя в полной степени относится к биологическим существам, хотя может относиться и к некоторым компьютерным программам. Она является неотъемлемой частью того сущего, которое представляет нам синтетическая биология. Эта онтологическая редукция, проведенная нами, должна пониматься здесь как каузальная взаимосвязь между X и Y , где Y причинно обусловлен X [2, с. 129].

К примеру, синтетические дрожжи/платформы/клетки (Y) функционируют известным образом потому, что у них есть генетическая (наследственная) информация (X). И, как правило, все функции, а также атрибуты сущего вообще, содержатся в геноме, тем самым они считаются генетической или наследственной информацией. Следует опустить вопрос влияния среды на работу генов, поскольку его добавление внесет существенные трудности для понимания влияния наследственной информации на своего носителя, разрешение кото-

рых неосуществимо в рамках этой статьи. Однако любое сущее, которое создает синтетическая биология, содержит не только наследственную информацию, но и техническую. Первый вид информации содержится непосредственно в самом этом сущем, второй, в свою очередь, существует косвенно, как необходимый, по возможности удаляемый или скрываемый, вид информации. Необходимый он по той причине, что начало существования сущего, любого сущего в пределах исследований по синтетической биологии, невозможно без этого вида информации. Эта информация может быть удалена, и сущее не перестанет существовать, и быть этим сущим. Однако синтетическое или рукотворное начало без технической информации сущее может обрести лишь случайно, чего не происходит в синтетической биологии.

Техническая информация содержит в себе широкий набор данных об условиях создания конкретного сущего. В нее входят данные замеров и тестов, данные об используемых частях ДНК и способах воздействия на нее, данные о результатах, конечных продуктах и их биохимических аналогов. К примеру, в исследованиях школ метаболической инженерии и устройств на основе ДНК техническая информация, будь то информация о создании генетического контроллера на основе РНК для контролируемой посттранскрипционной регуляции генов [18, р. 2-3], или инструкция по созданию белковых компартментов для ускорения и улучшения метаболических реакций [7, р. 2-3] будет, на наш взгляд, эпистемологически ценной системой принципов, подходов и методов по воссозданию конечного сущего или его структурных элементов, что мы здесь называем методологией конкретных направлений в синтетической биологии. Здесь стоит заметить, что это касается не всякого конечного сущего, но только того, который обладает необходимыми, зачастую экономически и технически полезными функциями и особенностями.

Таким образом, основные достижения синтетической биологии были рассмотрены в статье с привлечением концепции М.Хайдеггера, которая позволяет выделить в синтетической биологии две составляющие. Первая – это совокупность объектов – конечное сущее или онтический ряд (биосинтетический модуль, синтетический метаболи-

ческий путь, любой иной компартмент или целая синтетическая система или система систем). Вторая – то, в силу чего названная совокупность существует – онтологическое содержание. Данная ситуация необходимо предполагает введение новой онтолого-эпистемологической категории. Подобная категория ранее была предложена философами Т. Колем и Й. Фальком – «техноэпистемический объект». Однако она нуждается, на наш взгляд, в расширении своего содержания. Это расширение должно включать не только модель и «рецепт» создания такого объекта, но и методологию как совокупность условий существования конечного сущего и его осуществимости.

Обнаружено, что фабрикование нового сущего количественно расширяет ряд онтического и неизбежно формирует новую онтологическую категорию, призванную объяснить это новое сущее. В совокупности с переосмыслением влияния и значения термина «методология» открываются новые возможности в исследовании процессов трансформации научного знания в рамках философии науки, синтетической биологии и смежных им дисциплин.

Литература

1. *Ипполитова Н.В.* Взаимосвязь понятий «Методология» и «Методологический подход» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2009. № 13 (146). С. 9–15.
2. *Суровягин Д.П.* Объяснительная модель редукции: эпистемологический и онтологический аспекты // Философская мысль. 2018. № 12. С. 128–142.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 461 с.
4. *Chan L.Y., Kosuri S., Endy D.* Refactoring bacteriophage T7 // Molecular Systems Biology. 2005. Vol. 1, Iss. 18. P. 1–10.
5. *Chan V., Park K., Collens M.B., Kong H., Saif T.A., Bashir R.* Development of miniaturized walking biological machines // Scientific Reports. 2012. Vol. 2, Iss. 857. P. 1–8.
6. *Cherry J.L., Adler F.R.* How to Make a Biological Switch // Journal of Theoretical Biology. 2000. Vol. 203, Iss. 2. P. 117–133.
7. *Fang Z., Zhu Y.J., Qian Z.G., Xia X.X.* Designer Protein Compartments for Microbial Metabolic Engineering // Current Opinion in Biotechnology. 2024. Vol. 85. Iss. 103062. URL: <https://doi.org/10.1016/j.copbio.2023.103062> (accessed: 07.04.2025).

8. Guo X., Sun J., Li D., Lu W. Heterologous Biosynthesis of (+)-Nootkatone in Unconventional Yeast *Yarrowia Lipolytica* // *Biochemical Engineering Journal*. 2018. Vol. 137. P. 125–131.
9. Kohl T., Falk J. Knowledge Objects of Synthetic Biology: From Phase Transitions to the Biological Switch. // *Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie*. 2020. Vol. 51, Iss. 1. P. 1–17.
10. Martínez-García E., de Lorenzo V. *Pseudomonas putida* as a synthetic biology chassis and a metabolic engineering platform // *Current Opinion in Biotechnology*. 2024. Vol. 85. Iss. 103025.
11. Miller T.E., Beneyton T., Schwander T. et al. Light-Powered CO₂ Fixation in a Chloroplast Mimic with Natural and Synthetic Parts // *Science*. 2020. Vol. 368, Iss. 6491. P. 649–654.
12. Pampuch M., Walker E.J.L., Karas B.J. Towards synthetic diatoms: The *Phaeodactylum tricornutum* Pt-syn 1.0 project // *Current Opinion in Green and Sustainable Chemistry*. 2022. Vol. 35. Iss. 100611.
13. Petkevicius K., Löfstedt C., Borodina I. Insect Sex Pheromone Production in Yeasts and Plants // *Current Opinion in Biotechnology*. 2020. Vol. 65. P. 259–267.
14. Pio-Lopez L. The rise of the biocyborg: synthetic biology, artificial chimerism and human enhancement // *New Genetics and Society*. 2021. Vol. 40, No. 4. P. 599–619.
15. Schummer J. «Are you playing God?»: Synthetic Biology and the Chemical Ambition to Create Artificial Life // *Hyle: International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2016. Vol. 22. Iss. 1. P. 149–172.
16. Schummer J. Knowing-through-Making in Chemistry and Biology // *Hyle: International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2021. Vol. 27. Iss. 1. P. 117–142.
17. Roco M.C. *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science*. Virginia: National Science Foundation, 2002. 482 p.
18. Takahashi K., Galloway K.E. RNA-Based Controllers for Engineering Gene and Cell Therapies // *Current Opinion in Biotechnology*. 2024. Vol. 85. Iss. 103026.
19. Zhang Y., Bian S., Liu X. et al. Synthesis of Cembratriene-Ol and Cembratriene-Diol in Yeast via the MVA Pathway // *Microbial Cell Factories*. 2021. Vol. 20. Iss. 29.

References

1. Ippolitova, N.V. Vzaimosvyaz' ponyatiy «Metodologiya» i «Metodologicheskii podkhod» [The Relationship Between the Concepts of «Methodology» and «Methodological Approach»] // *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical Sciences], 2009. No. 13 (146). (In Russ.).

2. Surovyagin, D.P. Ob'yasnitel'naya model' reduktzii: epistemologicheskii i ontologicheskii aspekty [The Explanatory Model of Reduction: Epistemological and Ontological Dimensions] // *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2018. No. 12.
3. Khaydegger, M. Bytie i Vremya [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem, 1997. 461 p. (In Russ.).
4. Chan, L.Y., Kosuri, S., Endy, D. Refactoring bacteriophage T7 // *Molecular Systems Biology*. 2005. Vol. 1, Iss. 0018. P. 1–10.
5. Chan, V. et al. Development of miniaturized walking biological machines // *Scientific Reports*. 2012. Vol. 2, Iss. 857. P. 1–8.
6. Cherry, J.L., Adler, F.R. How to Make a Biological Switch // *Journal of Theoretical Biology*. 2000. Vol. 203, Iss. 2. P. 117–133.
7. Fang, Z., Zhu, Y.J., Qian, Z.G., Xia, X.X. Designer Protein Compartments for Microbial Metabolic Engineering // *Current Opinion in Biotechnology*. 2024. Vol. 85. Iss. 103062.
8. Guo, X., Sun, J., Li, D., Lu, W. Heterologous Biosynthesis of (+)-Nootkatone in Unconventional Yeast *Yarrowia lipolytica*. // *Biochemical Engineering Journal*. 2018. Vol. 137. P. 125–131.
9. Kohl, T., Falk, J. Knowledge Objects of Synthetic Biology: From Phase Transitions to the Biological Switch // *Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie*. 2020. Vol. 51, Iss. 1. P. 1–17.
10. Martínez-García, E., de Lorenzo, V. *Pseudomonas putida* as a synthetic biology chassis and a metabolic engineering platform // *Current Opinion in Biotechnology*. 2024. Vol. 85. Iss. 103025.
11. Miller, T.E., et al. Light-Powered CO₂ Fixation in a Chloroplast Mimic with Natural and Synthetic Parts // *Science*. 2020. Vol. 368, Iss. 6491. P. 649–654.
12. Pampuch, M., Walker, E.J.L., Karas, B.J. Towards synthetic diatoms: The *Phaeodactylum tricornutum* Pt-syn 1.0 project // *Current Opinion in Green and Sustainable Chemistry*. 2022. Vol. 35. Iss. 100611.
13. Petkevicius, K., Löfstedt, C., Borodina, I. Insect Sex Pheromone Production in Yeasts and Plants // *Current Opinion in Biotechnology*. 2020. Vol. 65. P. 259–267.
14. Pio-Lopez, L. The rise of the biocyborg: synthetic biology, artificial chimerism and human enhancement // *New Genetics and Society*. 2021. Vol. 40, No. 4. P. 599–619.
15. Roco, M.C. *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science*. Virginia: National Science Foundation, 2002. 482 p.
16. Schummer, J. «Are you playing God?»: Synthetic Biology and the Chemical Ambition to Create Artificial Life. // *Hyle: International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2016. Vol. 22, Iss. 1. P. 149–172.
17. Schummer, J. Knowing-through-Making in Chemistry and Biology // *Hyle: International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2021. Vol. 27, Iss. 1. P. 117–142.
18. Takahashi, K., Galloway, K.E. RNA-Based Controllers for Engineering Gene and Cell Therapies // *Current Opinion in Biotechnology*. 2024. Vol. 85. Iss. 103026.

19. Zhang, Y., Bian, S., Liu, X. *et al.* Synthesis of Cembratriene-Ol and Cembratriene-Diol in Yeast via the MVA Pathway // Microbial Cell Factories. 2021. Vol. 20. Iss. 29.

Информация об авторах

Николаева Евгения Михайловна – кафедра общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор, доктор философских наук, профессор (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18).

kaisa1011@rambler.ru

Лагутин Марк Владимирович – кафедра общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ассистент (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18).

marq.lagutin@yandex.ru

Information about the author

Nikolaeva, Evgeniya Mikhailovna – Department of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of philosophical sciences, professor (18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia).

kaisa1011@rambler.ru

Lagutin, Mark Vladimirovich – Department of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University, assistant (18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia).

marq.lagutin@yandex.ru

Дата поступления 06.05.2025.
Принята к публикации 01.09.2025.

Научная жизнь. Обзоры. Рецензии

УДК: 101, 111, 165.0, 167, 168

DOI: 10.15372/PS20250313

EDN: ZTHNZE

Л.Д. Ламберов

**НАЗАД К НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ:
ОБЗОР КНИГИ П. МЭДДИ
«A PLEA FOR NATURAL PHILOSOPHY
AND OTHER ESSAYS»**

Статья представляет собой обзор сборника Пенелопы Мэдди «A Plea for Natural Philosophy and Other Essays» и содержит краткое изложение основных идей каждой статьи из данного сборника.

Ключевые слова: Мэдди; философия; логика; эпистемология; знание; наука; вторая философия

L.D. Lamberov

**BACK TO NATURAL PHILOSOPHY:
REVIEW OF PENELOPE MADDY'S
“A PLEA FOR NATURAL PHILOSOPHY
AND OTHER ESSAYS”**

The paper provides a review of Penelope Maddy's “A Plea for Natural Philosophy and Other Essays,, and contains a brief summary of the main ideas of the essays published in the mentioned book.

Keywords: Maddy; philosophy; logic; epistemology; knowledge; science; second philosophy

Книга Пенелопы Мэдди «A Plea for Natural Philosophy and Other Essays» [2] представляет собой сборник статей, написанных в период с 2010 по 2020 гг. Шесть из этих статей (3, 4, 7–10) были опубликованы ранее, остальные пять написаны специально для этого сборника. В целом же включённые в книгу статьи представляют собой развитие и уточнение концепции второй философии (или натуральной философии), которая была выдвинута автором ранее [3].

Книга содержит x+313 страниц и поделена на четыре части: (1) «Метод» (2 статьи), (2) «Скептицизм» (3 статьи), (3) «Логика и язык» (3 статьи), (4) «Математика» (3 статьи). Помимо 11 статей книга содержит введение, благодарности, общий для всех статей библиографический список и указатель.

Во введении даётся объяснение того, что включённые в сборник статьи представляют собой взгляд «второго философа», исследователя, придерживающегося «второй философии», разновидности *методологического* натурализма. При этом не предполагается, что существуют только физические, материальные или какие-либо другие объекты, предполагаемые наукой. Позиция методологического натурализма утверждает лишь, что «единственным надёжным способом выяснить что-либо является использование методов науки» [2, р. 1]. Второй философ является идеализированным персонажем, и его не следует смешивать с самой П. Мэдди. Автор исследует и описывает второго философа. Введение такого вымышленного персонажа необходимо по той причине, что, как утверждает П. Мэдди, научный метод «является движущейся целью; любая попытка зафиксировать его искусственно ограничит неотъемлемый продолжающийся процесс его расширения и коррекции» [2, р. 1].

Второй философ описывается П. Мэдди следующим образом: «он начинает с обычных перцептивных убеждений, постепенно переходит к обобщениям и продуманным экспериментам, с течением времени разрабатывает теории и различные техники подтверждения и опровержения, всегда возвращается к критике и улучшению набора своих убеждений и методов. До сих пор всё это вполне обычно, но его следует также понимать как неограниченного в интересе, энергии, изобретательности, во времени и ресурсах для исследования всякого

аспекта мира и нашего места в нём» [2, р. 1–2]. При этом П. Мэдди отмечает, что она сама лишь стремится быть таким вторым философом, но по понятным причинам таковой не является.

1. Название первой статьи является заглавным, оно вынесено в название всего сборника и может быть переведено как «Призыв в поддержку натуральной философии». Напомню, что термины «вторая философия» и «натуральная философия» употребляются П. Мэдди по отношению к разрабатываемой концепции синонимично. В этой статье она разъясняет основные методологические моменты её натуральной/второй философии и указывает, что второй философ гораздо ближе к философам Нового времени, чем к кому-либо ещё из истории философии. Второй философ опирается на здравый смысл и использует достижения наук для уточнения своих познавательных способностей. При этом второй философ занимается философскими проблемами только в той мере, в какой они оказываются важными для дальнейшего развития науки. Например, для учёных, исследующих зрение, вопрос об онтологии цвета (о существовании цвета, форме его существования и т.д.) оказывается совершенно нерелевантным. Задача такого исследователя – объединить три вида феноменов (визуальные стимулы, состояния нервной системы и осознанные перцептивные состояния). Вопросы о том, где и в какой форме существует цвет, тождествен ли он какому-то из этих феноменов по отдельности, совокупно или с какими-то дополнительными компонентами, для исследователя не важны. Вопросы онтологии цвета – это чисто философские вопросы, которые никакого влияния на исследование «аспектов мира и нашего места в нём» не оказывают. По мнению П. Мэдди, философия стала «кресельным» исследованием сферы априорного после появления кантианского трансцендентального метода. С её точки зрения, И. Кант, решая скептическую проблему Д. Юма, отделил философию от натуральной философии и разрушил идеал философа-учёного, существовавший в Новое время. Вопросы посткантианской чистой (априорной) философии для второго философа (как и для любого учёного) сами по себе не важны, однако второй философ может исследовать трансцендентальный метод, в надежде найти в нём что-то полезное. Правда, вряд ли там что-то полезное

будет найдено. Тем не менее трансцендентализм И. Канта, по П. Мэдди, проигрывает натурализму и здравому смыслу Т. Рида, другого философа, пытавшегося решить скептическую проблему Д. Юма.

Во второй статье, «О вопросе реализма», П. Мэдди обращается к позиции реализма и рассматривает аргумент Куайна – Патнэма о неустранимости математики. С её точки зрения, этот аргумент не является достаточным для того, чтобы допускать существование математических объектов. Кроме того, в науке в принципе имеется достаточно большое число идеализаций (идеальный газ), допускаемых неточностей (континуальность пространства-времени), странных, «мистических» сущностей (волновая функция из квантовой механики), однако вряд ли кто-то всерьёз считает, что такие объекты реально существуют. При этом П. Мэдди не считает свою позицию инструменталистской и сравнивает её с конструктивным эмпиризмом Б. ван Фраасена и эпистемологическим инструментализмом К. Стэнфорда. В частности, по мнению П. Мэдди, после экспериментов Ж.Б. Перрена не признавать реального существования атомов нельзя. Однако, согласно последовательному разворачиванию *философских* концепций Б. ван Фраасена и К. Стэнфорда, второй философ находится вне «абстрактного» спора между реалистами и инструменталистами, который разворачивается не в лаборатории, а в аудитории для семинарских занятий по философии. У Ж.Б. Перрена до постановки его экспериментов имелись абдуктивные основания для принятия существования атомов (эффективная «работа» атомной теории в химии), а после экспериментов у него появились для этого более сильные основания («некоторый вид прямого контакта» с соответствующими сущностями). Как и инструменталисты, второй философ полагает, что абдуктивных оснований недостаточно для принятия существования соответствующих объектов, однако инструменталист спорит с тем, что никакого общего критерия для достаточности оснований нет, а для второго философа этот *чисто философский* вопрос оказывается нерелевантным, и внимание, с его точки зрения, следует сосредоточить не на нём, а на методологии конкретного исследования.

2. В статье «Юм и Рид» П. Мэдди обсуждает причины, которые привели Д. Юма от его натуралистского проекта к скептицизму

и «скандалу в философии». Она указывает на то, что причиной скептицизма стоит считать не теорию идей, как это в некоторых работах утверждает Т. Рид, а изначальную замкнутость методологии Д. Юма исключительно на содержании восприятия. По мнению П. Мэдди, если бы натурализм разворачивался в философии Д. Юма подобно тому, как его разворачивает Т. Рид, то никакого скептицизма бы не возникло. Важнейшее отличие позиции Т. Рида от позиции Д. Юма заключается в том, что для Д. Юма натуралистические основания не подлежат пересмотру и исправлению, тогда как, согласно Т. Риду, получаемые в ходе исследования природы и человека сведения позволяют пролить свет на функционирование наших органов чувств и определить условия надёжности наших чувственных способностей. Например, благодаря изучению оптики, геометрии и анатомии органов зрения мы узнаём, почему прямой стержень, погружённый частично в воду, кажется нам деформированным. Такое наблюдение не является основанием для скептицизма по отношению к зрению, но является источником для уточнения наших представлений о том, как зрение «работает», и какие условия необходимо учитывать, чтобы сведения, получаемые нами через органы зрения, были надёжны. Второй философ придерживается концепции здравого смысла и выстраивает свою натуралистскую концепцию в соответствии с концепцией Т. Рида.

Следующая статья, «Руки Мура», посвящена исследованию аргумента Дж.Э. Мура, изложенного им в статье «Доказательство внешнего мира». В соответствии с интерпретацией, которую предлагает П. Мэдди, этот аргумент направлен против скептицизма. Скептик требует, чтобы Дж.Э. Мур доказал ошибочность скептицизма «с чистого листа». Однако, как понимает и сам Дж.Э. Мур, это невозможно сделать. Нам требуется обратиться к нашим убеждениям о мире («Вот рука»), которые в этом случае играют роль обычного или ординарного основания для нашей убеждённости в существовании внешних по отношению к нашему сознанию предметов. Скептик, тем не менее, требует какого-то особого, экстраординарного основания, которое было бы основанием вообще для любого убеждения. Такое экстраординарное основание предъявить нельзя, это в принципе невоз-

можно, но это вовсе не означает, что обычное, ординарное основание оказывается опровергнутым, поэтому Дж.Э. Мур и указывает в своей статье, что в случае каких-то сомнений любой присутствующий может подойти к нему, осмотреть его руку, пощупать её и т.д., чтобы убедиться, что это настоящая человеческая рука. Требования скептика невыполнимы, нет общего экстраординарного основания для любого убеждения, однако для каждого убеждения в отдельности имеются свои собственные ординарные основания, которые скептику опровергнуть не удаётся.

Статья «Витгенштейн о петлях» представляет собой продолжение той же темы опровержения скептицизма, но уже в контексте дискуссии Л. Витгенштейна и Дж.Э. Мура («Я знаю, что это дерево» и т.д.). Работа Л. Витгенштейна «О достоверности» относительно недавно стала считаться основанием такого нового направления в философии, как «петлевая эпистемология» (hinge epistemology, термин предложила Анналиса Колива [1]). Петли представляют собой «необоснованные и необосновываемые допущения о всяком эмпирическом исследовании» [1, р. ix], без которых никакое исследование проведено быть не может подобно тому, как нельзя открыть дверь, если она не висит на петлях¹. В интерпретации П. Мэдди, сам Л. Витгенштейн не занимался никакой петлевой эпистемологией, но нельзя, однако, отрицать, что его размышления повлияли на возникновение этого направления. По мнению П. Мэдди, позиции Дж.Э. Мура и Л. Витгенштейна во многом схожи, несмотря на то, как Л. Витгенштейн критикует позицию Дж.Э. Мура. В интерпретации П. Мэдди, Л. Витгенштейн понимает, что скептик требует экстраординарного основания, которое бы выстраивалось «с чистого листа» и было настолько общим, что его было бы достаточно для отрицания скептической критики по отношению к любому нашему убеждению. Жест Дж.Э. Мура с поднятием одной, а затем второй руки вполне достаточен. Однако Л. Витгенштейн, с точки зрения П. Мэдди, желает показать, что «несчастный Мур» не понимает сомнения второго уров-

¹ Эту метафору использует Л. Витгенштейн в «О достоверности» [5] в пар. 341, 343; ср. также с пар. 655.

ня, не понимает, что скептик требует экстраординарного основания. По мнению П. Мэдди, Дж.Э. Мур вполне понимает это требование скептика, понимает, что не может предъявить какого-то экстраординарного основания, но понимает также и то, что это не подрывает ординарное основание для его убеждения в существовании его собственных рук.

3. В статье «Заметка об истине и референции» П. Мэдди обращается к основаниям логики и философии языка, говоря, что рано или поздно второй философ обязательно столкнётся с этой проблематикой, и поэтому требуется разъяснить, как эти проблемы будут решаться вторым философом. Концепция истины и референции, которую П. Мэдди предлагает второму философу, представляет собой разновидность дефляционизма. Другими словами, ни понятие референции, ни понятие истины не требуют какой-либо содержательной (в метафизическом отношении) теории и представляют собой лишь особые логико-лингвистические инструменты, позволяющие, например, формулировать обобщения. Помимо применения понятий референции и истины к уже известному языку, они могут применяться к неизвестному языку, в этом случае необходимо учитывать факты о говорящем, его окружение, контекст и цели перевода, что, правда, не делает набор утверждений об употреблении понятий референции и истины менее тривиальным. Однако П. Мэдди отмечает, что набор тривиальностей о референции и истине не позволяет объяснить эффективность коммуникации и употребления языка. Для этих целей она предлагает обратиться к предлагаемым М. Уилсоном понятиям директив (они понимаются как руководства к употреблению) и оснований (объективные обстоятельства, корреляция с которыми делает употребление эффективным). Эти понятия не являются метафизически нагруженными как понятия истины и референции, а потому вполне подходят для второго философа.

Следующая статья, «Философия логики», касается того, откуда у второго философа возникают представления о логике, если второй философ является убеждённым натуралистом. В этой статье П. Мэдди проводит параллели между позициями в философии математики и аналогичными позициями в философии логики: платонизмом, ин-

туиционизмом, формализмом, неплатонистским реализмом, индуктивизмом Дж.С. Милля, холизмом У.В.О. Куайна, натурализированным и обновлённым кантианством и т.д. Предлагаемая самой П. Мэдди концепция логики представляет собой неплатонистский реализм. Согласно этой концепции, логические законы выполняются в любой ситуации, включающей привычные нам физические объекты средней величины (а не, например, квантовые объекты, где некоторые законы логики рушатся), истинность этих логических законов основывается на том, что мы так эволюционно приспособлены к окружающему миру, что научились выделять в нём подходящие объекты, свойства и отношения. Законы логики кажутся нам априорными в связи с тем, что они «внедрены» в наше мышление эволюционным процессом. Правда, в такую эволюционно закреплённую рудиментарную эмпирическую логику не входит закон исключённого третьего, так как в окружающем мире мы не всегда можем обнаружить чёткие границы (между головастиком и лягушкой – пример П. Мэдди). Таким образом, в целях большей эффективности мы допускаем идеализацию, что позволяет нам говорить о чётких границах и предполагать закон исключённого третьего в качестве верного. Однако нам всегда требуется помнить о том, что классическую логику следует применять аккуратно, иначе мы сталкиваемся с парадоксами, подобными парадоксу кучи.

В статье «Вторая философия логики» П. Мэдди вновь обращается к тому, каким образом у нас, с точки зрения второго философа, формируется представление о логике. Благодаря успехам в ходе эволюционного процесса люди выработали представления об объектах, свойствах, отношениях и различного рода зависимостях, что в конечном счёте позволяет говорить о формальной структуре (привычного нам) мира и соответствующей ей рудиментарной логике. Экспериментальная психология и наблюдения за детьми позволяют указать, в каком возрасте появляется концепция постоянного внешнего объекта, имеющего границы, способность к сравнению внешних объектов, а также выделению критериев их тождества. Эволюционная успешность людей обусловлена тем, что они взаимодействуют в первую очередь с теми аспектами или фрагментами мира, которые демонст-

пируют такую формальную структуру. Упомянутые уже идеализации позволяют, если можно так выразиться, «сгладить» эту формальную структуру, постулировав наличие чётких границ между, например, обладанием и необладанием каким-то свойством (быть и не быть лысым) и т.д. В итоге рудиментарная логика дополняется законом исключённого третьего и концепцией материальной импликации. Хотя надёжность итоговой логической концепции оказывается ниже (она опровергается, например, указанием на нечёткие свойства), эта концепция имеет ряд существенных преимуществ (эффективность, простота и т.д.). Кому-то такая концепция логики может показаться неожиданной, так как в ней надёжность выводов является контингентной, а знание этой логики является априорным лишь в минимальной степени, однако она обосновывается натуралистическим образом.

4. Следующая статья, «Психология и априорные науки», касается логики и арифметики. Арифметика в концепции второго философа выстраивается подобно логике на эмпирическом основании. Правда, для полной арифметики требуется нечто большее, нечто, выходящее за границы конечного опыта. В конце концов, мы предполагаем, исходя из имеющихся арифметических знаний, что, например, не существует самого большого натурального числа, так как какое бы натуральное число мы ни взяли, к нему всегда можно прибавить единицу и получить большее натуральное число. Простые арифметические истины (например, $2 + 2 = 4$) являются, по мнению П. Мэдди, (логическими) истинами, схватывающими формальную структуру знакомого нам в обыденном опыте фрагмента мира. Однако арифметика не зависит от особенностей знакомого нам мира, который вполне может оказаться конечным. Предметом арифметики, если таковой вообще есть, с точки зрения П. Мэдди, является наше «интуитивное представление о рекурсивной последовательности потенциально бесконечной длины, интуитивное представление, которое имеется у нас, людей, благодаря свойственным нашему биологическому виду эволюционно выработанным лингвистическим способностям» [2, р. 250]. Другими словами, поскольку, овладев языком, мы научаемся строить потенциально бесконечные выражения, постольку

мы понимаем, что та же самая формальная структура, наблюдаемая нами в знакомом нам по обыденному опыту фрагменте мира, может быть продолжена потенциально бесконечно. Тем самым второй философ, опираясь на эмпирические исследования человеческой психологии, очищает априорные науки (логику и арифметику) от нерелевантных философских фикций и ставит эти науки на стройный фундамент натурализма.

В статье «Существуют ли числа?» отмечается, что исследования в области арифметики, с одной стороны, очень похожи на исследования в других науках (это исследования объектов, их свойств и отношений; объекты арифметики подчиняются той же логике; в ходе исследований мы предпочитаем более общие утверждения более частным), а, с другой стороны, важным образом отличаются от них (объекты арифметики являются абстрактными; вместо наблюдения, эксперимента и эмпирической проверки теорий используются аксиомы, определения и доказательства). И те, кто обращает больше внимания на сходства арифметики с другими науками, склонны принимать существование объектов арифметики, используя, например, аргументацию в духе Куайна – Патнэма о неустраимости. Однако те, кто больше внимания уделяет различиям, чаще склонны утверждать, что вопросы истины и существования являются посторонними по отношению к арифметическим исследованиям. При этом исследователь, стоящий на наиболее распространённых в методологическом отношении философских позициях, будет полагать, что в споре этих двух сторон *имеется один правильный* ответ. С точки зрения П. Мэди, обе указанные точки зрения описывают одно и то же, а имеющимися философскими различиями следует пренебречь. В этом отношении П. Мэди занимает позицию весьма схожую с излагаемой Х. Патнэмом в его статье «Математика без оснований» [4], в рамках которой тот, используя идею об «эквивалентных описаниях» Г. Райхенбаха, говорит о том, что один и тот же математический факт может быть описан как реалистским способом («математика как теория множеств»), так и дедуктивистским способом («математика как модальная логика»).

В заключительной статье сборника, «Усовершенствованный дедуктивизм»², П. Мэдди подробно разворачивает свою текущую (за свою карьеру П. Мэдди перешла от реализма в философии математики к натурализму) философию математики, которой, как она предполагает, придерживался бы второй философ. Эта концепция представляет собой разновидность дедуктивизма. Под дедуктивизмом П. Мэдди подразумевает точку зрения, что *современная* математика представляет собой исследование того, что из чего следует. При этом математика до XX в., находившаяся в теснейшей связи с физикой и другими конкретными науками, конечно, не подлежит объяснению с дедуктивистской точки зрения. В своей статье П. Мэдди рассматривает основные возражения по отношению к дедуктивистской философии математики, даёт на них ответы и демонстрирует, как с дедуктивистской точки зрения можно представить метаматематику. Одним из таких возражений является требование объяснить, почему в качестве аксиом некоторой данной математической теории берутся такие-то и такие-то положения, почему, например, ZFC с аксиомами больших кардиналов (ZFC + LC) предпочтительнее, чем ZFC с конструктивными множествами К. Гёделя (ZFC + V = L). Реалист может обратиться к истинности в смысле соответствия, однако для дедуктивиста этот путь закрыт, ведь для него никаких математических объектов нет, а математика сводится к изучению дедуктивных отношений между утверждениями. Согласно П. Мэдди, дедуктивист может ответить на это возражение указанием на то, что принятие ZFC + LC предпочтительнее, так как в этой теории, во-первых, можно получить больше интересных следствий, а, во-вторых, большие кардиналы сохраняют все структуры $V = L$ (в рамках теории внутренней модели L), тогда как конструктивные множества не сохраняют структуру больших кардиналов. Таким образом, с точки зрения П. Мэдди, в математике сохраняются и развиваются те теории, которые имеют более интересные следствия.

² Термином «дедуктивизм» здесь переведён термин «if-thenism». О терминологических нюансах и связи дедуктивизма и if-thenism'a П. Мэдди говорит в начале своей статьи.

В целом книга представляется весьма освежающей и даже освобождающей. Освежающей для тех, кто погряз в бесконечных философских дискуссиях, прогресс в которых ни капельки не заметен, а освобождающей в связи с тем, что, оказывается, отвечать на некоторые назойливые и вечные философские вопросы вовсе и не обязательно. Очень хотелось бы вместе с П. Мэди заявить «Назад в Новое время!», но так ли просто это будет осуществить?

Литература/References

1. *Coliva A.* Extended Rationality. A Hinge Epistemology. London: Palgrave, 2015. 232 p.
2. *Maddy P.* A Plea for Natural Philosophy and Other Essays. N.Y.: Oxford University Press, 2022. 323 p.
3. *Maddy P.* Second Philosophy: A Naturalistic Method. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 462 p.
4. *Putnam H.* Mathematics without Foundations // The Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64, No. 1. P. 5–22.
5. *Wittgenstein L.* On Certainty / Ed. by G.E.M. Anscombe and G.H. Von Wright. Oxford: Basil Blackwell, 1969. 90 p.

Информация об авторе

Ламберов Лев Дмитриевич – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51).
lev.lamberov@urfu.ru

Information about the author

Lamberov Lev Dmitrievich – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenina av., Yekaterinburg, 620002, Russia).
lev.lamberov@urfu.ru

Дата поступления 14.06.2024.
Принята к публикации 01.09.2025.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. «Философия науки» – официальный научный журнал Сибирского отделения Российской академии наук и Института философии и права СО РАН, в котором бесплатно публикуются:

а) ранее не опубликованные научные статьи, содержащие новые результаты исследований в области философии, методологии, логики и истории естественных наук и математики, а также по фундаментальным проблемам естествознания;

б) ранее публиковавшиеся работы и архивные материалы по философии, методологии, логике и истории естественных науки и математики, содержащие оригинальные и актуальные для развития современной науки идеи, малоизвестные или неизвестные широкому кругу читателей;

в) рецензии на работы по философии, методологии и логике естественных наук и математики, опубликованные в других изданиях;

г) сообщения о проводимых научных конференциях, симпозиумах, конгрессах;

д) краткие научные сообщения, заметки, письма.

Основные разделы журнала:

«Общие вопросы истории и философии науки»,

«Проблемы логики и методологии науки»,

«Из истории науки»,

«Из архивов»,

«В помощь изучающим историю и философию науки»,

«Научная жизнь. Обзоры. Рецензии»,

«Из писем в редакцию».

2. Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук по философии.

3. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. О принятом решении автор извещается по адресу электронной почты, указанной в статье. Если решение отрицательное, редколлегия не вступает в переписку и теоретические дискуссии.

Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также статьи, скомпилированные из цитат и/или изложения ранее опубликованных работ, если при этом отсутствует новизна, связанная с развитием идей, изложенных в предыдущих работах.

4. Материалы должны быть тщательно подготовлены к публикации (см. образец оформления):

а) обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала;

б) в заглавии должны быть указаны инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи;

в) после заглавия следует аннотация (на русском и английском языках, до 200 слов), где должна быть сформулирована основная идея работы и приведены ключевые слова (до 10 слов).

Название статьи и инициалы и фамилия автора (авторов) в аннотации представляются на русском и английском языках.

г) в конце статьи (после списка цитируемой литературы) в информации об авторе (авторах) необходимо полностью указать фамилию, имя, отчество, полное наименование места работы автора (авторов), должность, ученую степень и звание (при наличии), почтовый адрес, номер телефона, факса, электронную почту.

Информация об авторе (авторах) предоставляется на русском и английском языках.

4.1. Библиографические ссылки (см. образец оформления):

а) в тексте статьи в квадратных скобках указывается порядковый номер источника из списка ссылок, если приводится цитата – указываются страницы.

б) список ссылок оформляется в конце статьи в двух обязательных вариантах:

«Литература». Библиографическое описание ссылки включает: фамилию и инициалы автора (авторов), полное название публикации, издания (журнал, сборник, в котором опубликована цитируемая статья), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). При отсутствии цитирования, но при наличии ссылки, указывается объем публикации (для статей – первая и последняя страницы).

В описании ссылки на источник из Интернета кроме URL также обязательно указывается дата обращения (пример ссылки: *Михалевская А.С.* Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – URL: <http://cheloveknauka.com/mif-i-nauka-problemy-vzaimodeystviya-v-sovremennom-obschestve#ixzz4IiF3XIO1> (дата обращения 30.08.2016)

Сначала в алфавитном порядке помещается список цитируемых источников на русском языке, за ним – список иностранных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация источников сплошная.

«References». Русскоязычные источники должны быть представлены в транслитерации и, в квадратных скобках, переводе авторов и названий на английский язык (нумерация сохраняется).

в) комментарии автора статьи оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). При наличии в комментарии ссылки на источник последний оформляется как в тексте.

4.2. Переводы иностранных статей должны предоставляться с указанием полных выходных данных источника и текста оригинала. Переводчик должен получить у издателя или автора разрешение на публикацию перевода.

5. Материалы должны быть направлены только в электронной форме по E-mail: sasha_khl@mail.ru.

В электронной форме материалы должны быть набраны в программе Word for Windows (любая версия). Основной шрифт – Times New Roman. В случае необходимости использования других, нестандартных, шрифтов (вавилон-

ских, иероглифов, древнегреческих, латыни и других начертаний) необходимо приложить файл шрифтов. Размер шрифта – 14 пт. Межстрочный интервал – 1,5 строки. Все страницы должны быть пронумерованы. Другие стилевые оформления, включая применение табуляции, не допускаются.

Рисунки, схемы и графики – в форматах, допускающих редактирование. Рисунки, схемы и графики должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. Желательно – отдельными файлами.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер таблицы выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы по центру (выделяется жирным шрифтом).

Формулы (математические, физические, логические) должны быть набраны в редакторе MathType. Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

6. Размер научных статей, публикаций – до 30000 знаков по статистике Word'a, включая пробелы и знаки препинания; размер рецензий – до 15000 знаков, кратких рецензий – до 3000 знаков; размер научных сообщений, заметок, писем – до 15000 знаков.

Публикации, превышающие указанные объемы, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

7. Корректурa авторам не высылаeтся.

8. Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

9. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается.

10. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ И СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК XXX.XX (Вместо X-ов вставить УДК, соответствующее статье)

И.И. Иванов

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПЕРВИЧНОСТЬ МЕТАФИЗИКИ*

В работе приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Ключевые слова: натуралистический поворот, скептицизм, семантический приоритет, недоопределенность, конструктивизм, реализм.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке XXXX фонда (проект № xx-xx-xxxx).

I.I. Ivanov

NATURALISTIC TURN: PUTTING METAPHYSICS FIRST

The paper aims to illustrate one of the main features of the naturalistic turn – overcoming of the sceptic's challenge by «putting metaphysics first» (M. Devitt). The sceptic's argument is viewed as a consequence of the wrong direction of thought from a priori epistemology and/or semantics to a priori metaphysics. The naturalistic turn gives us a chance to give up the sceptic's argumentation by allowing to argue from empirical metaphysics to empirical epistemology and/or semantics. Various examples of the advantage of the naturalized view are given. In particular, it is shown how to avoid scepticism, which is a follow-up of the indeterminism and underdetermination problems and constructivist ideology.

Keywords: naturalistic turn, scepticism, semantic priority, underdetermination, constructivism, realism.

Примеры оформления постатейного списка литературы

1. Горан В.П. Онтологические и ценностные предпосылки доминирования рационализма и доминирования иррационализма в древнегреческой философии эпохи классического полиса / Материалы V Российского философского конгресса «Наука. Философия. Общество». Т. 2. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 15–16. **(Если это ссылки на материалы семинаров, конференций, конгрессов и т.п.)**.
2. Гемпель К. *Функция общих законов в истории* / Розов Н.С. (ред.) *Время мира*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 13–26. **(Если это ссылки на статью в сборнике)**.
3. Карпович В.Н. *Термины в структуре теории*. Новосибирск: Наука, 1978.
4. Методологическое обоснование структурных исследований в космологии / И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров и др. М.: Ин-т философии РАН. – 2000. – 315 с. **(Если это издание имеет трех и более авторов)**.
5. Симанов А.Л., Сторожук А.Ю. *Историко-философские проблемы представлений о пространстве*. Новосибирск: Изд-во Омега-Принт. – 2014. – 250 с. **(Если издание имеет двух авторов)**.
6. Целищев В.В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 12–23. **(Если это ссылка на журнал)**.
7. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

References

1. Goran V.P. Ontologicheskie i tsennostnye predposylki dominirovaniya ratsionalizma i dominirovaniya irratsionalizma v Drevnegrecheskoi filosofii epohi klassicheskogo polisa [Ontological and Axiological Background of the Prevalence of Rationalism and of the Prevalence of Irrationalism in the Ancient Greek Philosophy of the Classical City-State Epoch] / Materialy V Rossiiskogo filosofskogo kongressa «Nauka. Filosofiya. Obshchestvo». Tom 2. [Proceedings of the Vth Russian Philosophical Congress «Science. Philosophy. Society». Vol. 2] Novosibirsk: NGU, 2009. P. 15–16. (In Russ.)

2. *Hempel C.* Funtsciya obshchih zakonov v istorii [The Function of General Laws in History] / Rozov N.S. (red.) Vremya mira. Vyp. 1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke. [N. Rozov (Ed.) Vremia Mira. Vol. 1. The Historical Macrosociology on XXth Century] Novosibirsk: NGU, 2000. S. 13–26. (In Russ.)

3. *Karpovich V.N.* Terminy v strukture teorii. [Terms in the Theory Structure] Novosibirsk: Nauka, 1978. (In Russ.).

4. Metodologicheskoe obosnovanie strukturnykh issledovaniy v kosmologii [Methodological substantiation of structural studies in cosmology] / I.I. Ivanov, P.P. Petrov, S.S. Sidorov i dr. M.; In-t filosofii RAN. – 2000. (In Russ.)

5. *Simanov A.L., Storozhuk A.Yu.* Istoriko-filosofskie problemy predstavlenii o prostranstve. [Historico-philosophical problems of ideas about the space] Novosibirsk: Isd-vo Omega-Print, 2014. (In Russ.).

6. *Tselishchev V.V.* Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel] // Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy] 2013. № 8. S. 12–23. (In Russ.)

7. *Davidson D.* On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

Пример информации об авторе

Иван Иванович Иванов

Китежградский государственный университет, должность, ученая степень и звание (при наличии),

ул. Тупик, 2, Китежград, 630120, Россия

xxx@xxx.xxx (Вместо х-ов вставить соответствующий E-mail)

Ivan Ivanovich Ivanov

Kitezhgrad's State University, xxxxx.

2, Tupik st., Kitezhgrad, 630120, Russia

xxx@xxxx.xxx

Таблица транслитерации символов

Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация
А	A	К	K	Х	KH
Б	B	Л	L	Ц	TS
В	V	М	M	Ч	CH
Г	G	Н	N	Ш	SH
Д	D	О	O	Щ	SHCH
Е	E	П	P	Ы	Y
Е	E	Р	R	Ь	'
Ж	ZH	С	S	Э	E
З	Z	Т	T	Ю	YU
И	I	У	U	Я	YA
Й	I	Ф	F		

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛОГИКИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

<i>Ершов В.Д.</i> В защиту математического платонизма: аргумент от объяснительной неустранимости математики	3
<i>Ладов В.А., Чаплинская Я.И., Спрукуль П.С.</i> Семантика типов и токенов: между Фреге и поздним Витгенштейном	16
<i>Козырева О.А.</i> Контекстуализм и перспектива первого лица	23
<i>Резников В.М.</i> Взаимодействующие нетьюринговы машины в искусственном интеллекте и философии информатики	49
<i>Шевченко А.А.</i> Неявное знание: от М. Полани до AlphaZero	62

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Вольф М.Н.</i> Роль критической философии И. Канта для исторического поворота	74
<i>Смирнов С.А.</i> Повороты в истории философии XX века: смыслы и рамки. Часть 2	92
<i>Брянник Н.В.</i> Феноменологическая интерпретация истории науки Э. Гуссерля	113
<i>Краснов А.С., Федотов Д.Л.</i> Понятие как горизонт: Г.В.Ф. Гегель и фундаментальные основания научности	130
<i>Прись И.Е.</i> Двухаспектный монизм и квантовая механика	143
<i>Крылатов А.Ю., Муравьев А.Н.</i> Развитие мышления в процессе достижения научного знания	160
<i>Николаева Е.М., Лагутин М.В.</i> Синтетическая биология как источник нового онтологического содержания современной науки	177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Ламберов Л.Д.</i> Назад к «натуральной философии»: обзор книги Пенелоппы Мэди «A plea for natural philosophy and another essay»	192
К сведению авторов	204

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

№ 3 (107)

Редактор
М.Д. Бачило

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Т.Г. Чуевой

Дата выхода в свет 30.09.2025. Формат 60 84 1/16. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 13,2. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 100 экз. Заказ № 195.

Сибирское отделение РАН. 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17.
Отпечатано в Сибирском отделении РАН. 630090, г. Новосибирск, Морской просп., 2.
Тел. 330-84-66, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Объединенный каталог
«Пресса России» 43787**

**Подписной каталог
«Урал-Пресс» 43787**